

На заре
времён



ГРЕМЯЩИЙ МОСТ

Дмитрий Харламов

Сказание о верном друге

Scan Ustas, OCR Miledi, Spelcheck Caeteg

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=162023

Гремящий мост: Наташа, Параллель, Олимп; М., Нижний Новгород,

СПб.; 1994

ISBN 5-85874-074-X, 5-86067-013-3

Аннотация

Сборник «Гремящий мост» продолжает серию «На заре времен», задуманную как своеобразная антология произведений о далеком прошлом человечества.

В том вошла трилогия Владимира Уткина «Вдоль большой реки», «Гремящий мост», «Горизонты без конца», повести Софьи Радзиевской «Рам и Гау», Дмитрия Харламова «Сказание о верном друге», Янки Мавра «Человек идет».

Содержит иллюстрации.

Содержание

| | |
|--|-----|
| ЧАСТЬ ПЕРВАЯ | 8 |
| ПРИШЕЛЬЦЫ В СОЛНЕЧНОЙ ДОЛИНЕ | 8 |
| СТАРОЖИЛЫ И НЕЗНАКОМЦЫ | 13 |
| ОХОТА НА ОХОТНИКОВ | 18 |
| ДОБЫЧА | 25 |
| ТИГР НАПАДАЕТ | 31 |
| ПЛЕННИК | 40 |
| ЧАСТЬ ВТОРАЯ | 45 |
| БОЛЬШОЙ ОРЕЛ, ВОЖДЬ | 45 |
| МУДРЫЙ АУН | 52 |
| ТАЙНА ПЕЩЕРЫ ПРЕДКОВ | 57 |
| ВОЛЧОНОК | 67 |
| ВОЖДЬ И ЖРЕЦ | 73 |
| ЛАН И МУНА | 79 |
| ИЗГНАНИЕ ИЗ СТАИ | 88 |
| СЛОВО ПРЕДКОВ | 94 |
| ЗАМУРОВАННЫЕ | 110 |
| ПОСЛЕДНЯЯ ТАЙНА МУДРОГО АУНА | 118 |
| ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ | 124 |
| ВЕЛИКИЙ ДИВ – СОЛНЦЕ | 124 |
| СТРАНА МЕЧТЫ, СТРАНА ПРЕДКОВ | 142 |
| О СВЕТЛЫЙ ДИВ, СОЛНЦЕ, ДАЙ НАМ ОГОНЬ! | 151 |

| | |
|--------------------------------|-----|
| ПОБРАТИМЫ | 157 |
| ОХОТНИКИ | 165 |
| ХОЗЯИН ДОЛИНЫ | 180 |
| ДИВЫ НОЧИ ЗАБАВЛЯЮТСЯ | 187 |
| РАЗУМ ПОБЕЖДАЕТ СИЛУ | 195 |
| ПРАЗДНИК ПТИЦ, НАЧАЛО ГОДА | 205 |
| НАЧАЛО ЗАГАДКИ | 212 |
| НА ТРОПЕ ГНЕВА | 219 |
| МЕСТЬ ВЕДЕТ ПО СЛЕДУ | 230 |
| ДРУГ НАШ, СОБА | 237 |
| ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ | 244 |
| НА ЗАКАТЕ – СУМЕРКИ | 244 |
| ВОЗВРАЩЕНИЕ | 248 |
| БОЛЬШОЙ КОСТЕР | 259 |
| УДИВИТЕЛЬНАЯ, СЧАСТЛИВАЯ ОХОТА | 270 |
| ПОРА В ПУТЬ | 281 |
| ОБЕТ | 287 |
| ПОСЛЕСЛОВИЕ | 295 |

Дмитрий Харламов
Сказание о верном друге

ДМИТРИЙ ХАРЛАМОВ

Сказание
о
верном друге





ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ВТОРЖЕНИЕ ПРИШЕЛЬЦЕВ

ПРИШЕЛЬЦЫ В СОЛНЕЧНОЙ ДОЛИНЕ

Тени упали на степь.

Заходящее солнце веером раскинуло по небу оранжевые лучи-перья.

Черными стражами, непреодолимой бесконечной цепью высились горы с южной стороны, где, по преданию, лежала благодатная страна предков.

Когда, почему племя покинуло родные места, никто не знал, и только в памяти стариков сохранился самый важный завет – найти дорогу в родную страну: там жаркое солнце, там много сладких плодов и хорошая охота.

И они шли, шли. Но нет, не преодолеть им снежных гор, не найти заветного пути, которым, должно быть, много солнц назад их племя покидало насиженные места.

Тогда решено было обогнуть горы, и много лун тащилось племя к закату, вдоль нескончаемой горной цепи, и вот на пути встала новая преграда – бурливая река.

В растерянности остановились люди: не перебраться им

через широкую коварную реку. Они глядели на полосу черных камышей и красную, в отблесках зари, воду, на темно-синий грозный сумрак на краю неба.

Походный порядок нарушился: всем хотелось взглянуть на реку, новое препятствие на пути к цели.

Туча желтой лессовой пыли, поднятая множеством ног, медленно рассеивалась.

Суровый вождь, прищурясь, глядел с высоты носилок вперед, вдаль, и молчал.

О чем он думал?

Издалека шли они. Не раз останавливались переждать зимние холода и трогались по весне дальше, оставив многих соплеменников, кто не выдержал голода, холода и болезней, под завалом камней, в узких каменных пещерах.

Многие погибли в пути от укусов змей, от когтей хищников.

И вот теперь не было им дороги дальше.

А позади широко раскинулась бескрайняя долина, Солнечная долина – желтая ковыльная степь с островами и островками лесов и кустарников.

Что решит вождь?

Гордый Лунь, казалось, дремал. На самом же деле он думал нелегкую думу – как поступить теперь.

Люди измотаны, ноги изранены, и некогда лечить их целебными травами. Козьи шкуры поистерлись, не греют, а скоро, ох скоро наступят холода. На лицах под слоем пы-

ли выражение смертельной усталости и тупого безразличия, и это страшнее всего! Мало охотников осталось, и, значит, нельзя больше рисковать ни одним из них, иначе племя обречено на голодное вымирание. Хорошо еще, подросли мальчишки – Лан, Зор, Кун, Зурр, Дан... Всех даже не вспомнишь.

Самому вождю пора подумать о покое, недалек день, когда призовут его предки: не осталось сил жить.

Он заговорил, не открывая глаз, тихим хриплым голосом:
– Орел, Желтый Клык, Коготь и Мудрый Аун пусть ищут место для зимнего жилища... Черный Ворон на Большом Огне пусть воскурит душистые травы, чтобы отогнать злых дивов.

С опаской оглядываясь на камышовые заросли, на густой кустарник, что курчавился неподалеку, женщины собирали хворост для костра в редкой рощице боярышника и заодно кормились неспелыми, но уже чуть сладковатыми плодами.

У шумливого ручья с чистой студеной водой старая Уруна нащипала душистых трав для Большого Огня.

Глухая женщина, хранительница огня, с головой укутанная в потертую шкуру, бережно поднесла факел к кучке хвороста, беспрерывно лопоча землистыми губами что-то неразборчиво-ласковое.

Костер поднялся выше голов людей, когда Черный Ворон бросил в пламя сноп душистых трав. Клубы белого дыма столбом встали в неподвижном воздухе к белесому угасаю-

щему небу.

Глухо, невнятно заговорила пустотелая колода-бумба. Сначала медленно, затем все быстрее и быстрее жрец начал плясать вокруг костра, неуклюже и страшно. Резкими гор-тантными выкриками отпугивал он злых дивов, нудным, мо-нотонным пением приманивал добрых...

Неожиданно быстро вернулись посланные на поиски зим-него жилища.

– Гордый Лунь, вождь! – сказал охотник Орел. – Мы на-шли большую пещеру.

Аун добавил негромко:

– Там есть еще другая пещера, где можно выбить Слово предков и где сами они могут поселиться.

Вождь пристально глянул на Ауна.

– Пусть останется рядом только Мудрый. Люди поспешно удалились от лежанки вождя.

– Ты обрадовал меня, Аун. Добрые дивы повернули свои лица к племени таж... Скоро уходить мне к предкам, хочу знать, успеешь ли выбить Слово, успеешь ли передать муд-рые заповеди жрецу?

– Успею, вождь... Не жрецу передам я мудрости предков – он зол и туп. Скажу их смышленому и чистому детенышу, как сказал мне великий Ухо Дива, отец мой.

После долгого молчания вождь ответил:

– Пусть будет так. Полагаюсь на осторожность и муд-рость твою... Одно выполни непременно: заповеди не долж-

ны умереть вместе с тобой...

Устало опустил Гордый Лунь голову на шкуры и закрыл глаза...

В новом жилище племя разместилось уже глубокой ночью. Ровным пламенем горел небольшой костер в устье пещеры, и рядом чутко дремала глухая. Тут же клевали носом двое охотников, оставленные оберегать сон соплеменников.

Сквознячок из глубины пещеры чуть колебал пламя костра. Наверху, во тьме каменных сводов, глухо, убаюкивающе подвывал ночной ветер. Крупные звезды заглядывали в красноватые сумерки пещеры из черноты безлунной ночи.

Вождь лежал с открытыми глазами. Ему не спалось. Он тихо радовался удачно найденному жилищу. Просторная сухая пещера – надежное убежище от зверей и стужи. Теперь его не так пугало близкое осеннее ненастье, теперь можно отдохнуть, подумать о себе.

Он очень устал. И чуял близость смерти. Но не страх испытывал он, а успокоение при мысли, что скоро переселится в жилище мертвых, встретится с великими вождями племени.

Это будет, он встретится с ними, раз Аун обещал выбить Слово предков.

СТАРОЖИЛЫ И НЕЗНАКОМЦЫ

Багровый рассвет медленно разгорался в голубой морозной дымке над камышами.

Вожаку не спалось: плохо грела поредевшая к старости шерсть.

Не раз уже поднимался он, чтобы обойти лежку стаи, принюхать, нет ли опасности, и снова втискивался между спящими собратьями.

В утреннем свете рыжеватая лоснящаяся шерсть молодых зверей отликает медью. Заостренные морды прикрыты пушистыми хвостами. Это стая рыжих волков.

Всего в пол роста своих серых лесных собратьев, рыжие волки в дружной стае – грозная сила. Лишь тигру уступают они дорогу да серым волкам, извечным своим недругам, когда те собираются вместе зимнею порой. Но ни тигру, ни серым волкам не отдадут своей добычи, храбро вступят в драку при нападении... Давно ли громадный волк-одиночка, старый враг, пытался отнять у них косулю. Еле ушел. Счастье его, что в решающий момент рыжий вожак поскользнулся и вместо горла вцепился ему в плечо: будет теперь меченым.

Неделю уже отлеживается Меченый в логове, зализывает рану.

Трусливые шакалы стороной обходят лежку рыжих.

Да, сердце у рыжего волка отважное, гордое, не то что у

шакалов, жалких прихвостней могучего тигра и злобных серых волков. Рыжая стая живет в густых камышах, на заболоченном мысочке, между шумливым ручьем и рекой. Здесь ей спокойно: тяжелый тигр не рискнет пробраться к лежке по топкой, неверной трясине. Страшнее нет врагов у рыжей стаи.

Дрожа всем телом на сыром холодном ветру, вожак нетерпеливо заскулил, подавая сигнал собратьям, и пошел вдоль ручья.

Надо искать пищу.

Стая потянулась следом.

Выбрались на твердую почву долины, и вожак перешел на тру-скую рысцу: так теплее.

Ветер услужливо донес запахи тигра и пищи: зверь добыл кабана. Вокруг кружат шакалы, терпеливо ждут остатки от пиршества. Жалкие лодыри и трусы, сами не могут добыть мяса.

Вожак стороной обошел тигра и вдруг увидел старого одноглазого шакала.

Вид у Одноглазого взъерошенный, шерсть на загривке вздыбилась, хвост поджат, с губ падает пена.

Еще бы! В долине новость – в большой норе поселились незнакомые двуногие звери.

Шакал шарахнулся от рыжих волков и поскакал к зарослям, откуда ветер нес запах тигра. Одноглазый искал защиты у могучего зверя. Что-то напугало его. А случилось вот

что...

Ночь напролет рыскал шакал возле большой норы, подкарауливая мышей и крыс. Забрёзжил рассвет, когда он почувствовал незнакомый запах. Этот запах манил Одноглазого, сулил обильную еду и пугал, заставляя прижиматься к земле при каждом шорохе.

Врожденное любопытство толкало вперед, к неизведанному. Врожденная трусость заставляла сторониться незнакомого. Любопытство победило.

Осторожно прокравшись сквозь колючие заросли боярышника, Одноглазый ползком преодолел небольшую поляну, покрытую мягкими стеблями высохшей травы, и залег в мшистых корневищах дряхлой орешины.

Отсюда виднелось черное отверстие громадной норы. Старый шакал знал эту нору.

Однажды он ступил робко на холодные камни, в темень пещеры, прислушался к ее мертвой тишине. Чуть тянуло сыростью, но съестным не пахло. Воздух чистый, холодный. Можно убираться восвояси.

В этот момент шакал заметил в темноте зеленоватое свящающееся пятно – глаз? Кто прячется там?

Звонкий протяжный крик донесся из черной глубины, и сотни голосов подхватили его: Уи-ит, уи-ит, уи-ит!

Шерсть Одноглазого встопорщилась, он присел от страха на задних лапах, заскулил и попятился к выходу, а потом стремглав бросился прочь.

И вот он снова у лаза в страшную нору. Но теперь оттуда исходит вкусный теплый запах.



Шакал сделал еще несколько скользящих шагов к цели, и тут из темноты дыры появилось незнакомое существо.

Оно передвигалось на двух ногах. На теле болталась дырявая шкура барана. Ни опасных когтей, ни клыков, ничего угрожающего.

Существо потерло глаза верхними свободными лапами,

огляделось по сторонам и увидело шакала, притаившегося за камнем.

Взгляд незнакомца будто прижал Одноглазого к земле. О! Этот недобрый взгляд! В нем нет страха слабого, беззащитного существа, подобного косуле или джейрану, в нем сила и что-то еще, от чего зверю стало не по себе.

Шакал хотел отвести глаза в сторону и не мог. Хотел убежать – лапы не повиновались. Послушное мускулистое тело оцепенело.

Из норы показалось второе существо.

Первый незнакомец указал ему на притаившегося шакала, и тот вдруг топнул ногой и издал презрительный возглас.

Шакал шарахнулся в чащу боярышника, до крови обдирая бока о колючки.

У ручья он перевел дух и полакал воды.

ОХОТА НА ОХОТНИКОВ

Показавшееся над горизонтом солнце еще не прогнало промозглого холода.

Людей было немного, они отчаянно зябли в своих дырявых одеждах.

Тесной кучкой, поминутно оглядываясь по сторонам, медленно тащились охотники по берегу шумливого ручья.

У водопоя остановились, пригляделись к следам оленей, косуль, кабанов. Прошли по тропке к редким колючим зарослям и стали торопливо копать яму палками и осколками камней.

Серые волки держались в отдалении. Они крались за добычей.

Осторожность заставляла их терпеливо, издали, приглядываться к незнакомцам.

Волки неторопливы, добыча редко ускользает от них, даже и более быстроногая, чем эти двуногие медлительные существа. Да и голодные времена еще не наступили.

Вожак – громадный, сильный зверь – качнул хвостом и спокойным уверенным шагом двинулся к кучке копошащихся в земле двуногих.

Остальные волки рассыпались широкой цепью, а старая волчица с частью стаи и сеголетками¹ стала обходить людей,

¹ Сеголетки – молодые волки.

отрезая им путь к бегству.

А те продолжали торопливо ковыряться в яме и не чуяли врагов.

Вот сейчас кто-то из двуногих увидит могучего волка, и сердце его дрогнет, и глаза побелеют от ужаса, и он закричит визгливым голосом, от которого замрут на миг его сородичи.

Толкаясь и вопя, побегут они, не разбирая дороги, и отдадут бегу все силы...

Волки будут преследовать их неспешным наметом, спрямляя свой путь, срезая углы.

От этого неотвязного преследования страх затуманит ум бегущих, силы иссякнут, как вода, скатывающаяся с гор после кратковременного ливня.

Тогда они потеряют последнюю способность к сопротивлению.

Наиболее слабые будут отставать и падать...

Вот... вот сейчас увидят...

Первым увидел волков двуногий со шкурой козы на спине. Увидел и вздрогнул, но не закричал и не побежал.

Все пошло совсем не так, как всегда.

Двуногие перестали копать и взялись за острые палки и дубинки.

Из ямы выбрался мохнатый крепыш, нагнулся к земле и вдруг с грозным криком, свирепо оскалившись, сделал резкое движение.

Большой камень просвистел в воздухе и ударил в бок од-

ного из волков, стоявшего рядом с вожак.

Тот, коротко взвизгнув от боли, повалился и пополз в кусты.



Вожак оглянулся на стаю. Сквозь ярость и жажду крови на самом доньшке глаз собратьев увидел он искорки смятения.

Быки тоже не бегут от волков, они становятся в круг и выставляют острые рога. Опасно приближаться к ним. Но эти двуногие достают волков издали: их камни больно ранят за

много шагов.

А крепыш снова нагнулся к земле, и опять просвистел в воздухе увесистый камень, упал перед носом вожака, обдал его комками взрытой земли.

Молодые волки забеспокоились, закружили на месте и отступили в заросли.

Вожак неторопливым шагом повернул вслед за ними. Над головой просвистел третий камень. Вожак не дрогнул. Лучше упасть с разможенной головой, чем показаться стае трусливым шакалом.

Люди вскоре закончили рытье ямы, тщательно прикрыли ее сверху камышами и травой.

Настороженной кучкой, оглядываясь по сторонам и обходя заросли, уходили они к своему логову, к большой горе.

Волки подступили к замаскированной яме. Не знакомый им до сих пор запах людей чувствовался тут остро.

Странные, непонятные звери эти двуногие.

Злоба душила вожака. Хотелось пуститься следом, догнать и напасть. Но опыт и древний инстинкт говорили ему, что перед ним опасный противник, заставляли сдержаться.

Необычная схватка у ямы обескуражила, смутила матерого волка. Как он ненавидел сейчас этих двуногих, ненавидел так же люто, как своего заклятого врага и соперника тигра!.. Стая разделилась на группы, по нескольку зверей в каждой, и рассыпалась: одни – в поисках добычи, другие забрались в глухую чащу подремать до темноты.

Сон не шел к вожаку. Неутихающее беспокойство подняло его, как только розовый свет заката разлился в холодеющем воздухе. С волчицей и тремя молодыми волками кружным путем подошел он к водопою с наветренной стороны.

Смеркалось. В темном небе засветились ясные звезды, обещающая холодную ночь.

Волк замедлил шаг. Мягкие подушечки лап ступали бесшумно. Зверь поминутно останавливался и чутко принюхивался к едва заметному ветерку. Молодые шли за ним след в след.

Вожак чуял добычу: у водопоя были кабаны – свиньи с поросятами.

В сгустившейся темноте не видно стада, лишь слышится тихое повизгивание поросят да басовитое, довольное хрюканье свиней, забравшихся в воду.

Добыча близко, очень близко.

В глазах вожака вспыхнуло жадное нетерпение, но он отступил в сторону – пусть первым нападет сын.

Истощенный визг кабанов, увидевших вблизи волков, вернул матерому волку спокойствие, утраченное в схватке с людьми.



Стадо панически устремилось прочь от ручья, но два поросенка закончили свою жизнь: молодые волки не промахнулись.

Прекрасная добыча.

Топот кабанов быстро удалялся. Волки их не преследовали.

Отчаянный визг свиньи известил, что там, в темноте, повезло еще какому-то охотнику...

Возвращаясь к логову после сытного ужина, волки вновь оказались на месте первой встречи с людьми.

В глубокой яме, вырытой двуногими, хрипела подыхающая свинья. При падении она напоролась на кол, укрепленный на дне.

Должно быть, двуногие хорошие охотники. Как они, никто не охотился еще в Солнечной долине.

Что ж! Тем слаще покажется волку добыча, чем труднее она достанется.

Охотиться на охотников – достойно волка.

ДОБЫЧА

Люди радовались отдыху и новому жилищу. Давно уже не случалось им спать вволю.

Особенно трудно приходилось мужчинам. В степи, ночами, после тяжелого дневного пути, мучительно бороться со сном. Но чуть задремлют охотники – то шакалы утащат скудные запасы мяса, то гиены – спящего ребенка, то нападет кровожадный тигр.

Темнота – враг человека. Грозит ему неведомой опасностью. А тут, в пещере, у входа горит огонь, как бы ограждая жилище от пугающей темноты ночи. Опытные охотники знают – звери не подходят близко, когда горит большой костер, дивы прячутся от света во мрак.

Несколько дней отдыха, несколько спокойных ночей, и снова появился оживленный блеск в глазах людей, опять то в одном, то в другом углу жилища слышится веселая возня и писк ребятишек.

Пещера просторная, сухая. Правда, временами из узкого лаза в глубине ее дует холодный даже днем ветер Сийю, див Сийю. Там жилище мертвых, там обитают злобные дивы. Жрец Черный Ворон и Мудрый Аун ходят туда – больше никто, даже вождь Гордый Лунь.

У всех в племени сегодня много забот, радостных и трудных забот по устройству жилища.

Старая Уруна повела женщин и подростков к ближнему холму, заросшему боярышником, чтобы набрать вкусных плодов и орехов, хворосту, сухой мягкой травы для подстилок...

Возле костра в устье пещеры сидит, покачиваясь из стороны в сторону, глухая женщина. Она кормит и сохраняет огонь. Днем и ночью. Сон ее так чуток и короток, что кажется, будто она никогда не спит. Рядом расположились женщины и девочки, которые остались приглядеть за малышами. У них своя забота – они шьют одежду и обувь из шкур зверей. Яна, жена больного вождя, кремневой проколкой ловко и быстро пробуравливает дырочки в толстой шерстистой коже кабана и сшивает накрепко ее края жилкой, вдетой в кривую костяную иглу. Еще несколько стежков – и получается грубая ноговица – башмак. Без ноговиц не обойтись охотникам в зимнюю стужу.

Дочь Яны, Муна, пристально следит за руками матери. Слабым пальцам девочки еще не по силам такая работа, но она уже умеет сшивать шкурки крыс и сусликов, из которых делают теплые подстилки для малышей...

Старый Оор с ватагой мальчишек бредет вдоль ручья. Вооруженные заостренными палками, мальчики настороженно поглядывают в сторону густого кустарника на взгорье, не прячется ли в нем злой зверь.

– Го-о-хо! – удовлетворенно восклицает старик, выуживая из ручья оглаженную водой красивую гальку. Молочно-бе-

лая с желтоватыми разводами, она влажно поблескивает на солнце. Это кремень. Из него Оор сделает не один наконечник для стрельбы, скребки, проколки, ножи. В крепкой суме старика из толстой бычьей шкуры уже несколько хороших, полезных камней: кусок песчаника, твердого и шершавого, – для заточки наконечников, скребков и ножей; осколок диорита – из него получится топор для рубки дерева; небольшой, будто птичье яичко, прозрачный, как застывшая капля воды, кусочек горного хрусталя – это пойдет на украшение Яне, жене вождя, или Зурре, жене жреца.

Внезапно один из мальчишек предостерегающе крикнул и вытянул руку в направлении кустов. Все замерли. При безветрии крайний куст и высокая сухая трава едва заметно покачивались: там прятался какой-то зверь.

– Скорее к жилищу! – тихо приказал всем Оор. Некоторые ребята уже перебрались на другой берег ручья, когда слышался радостный боевой возглас:

– Йо-хо! Йо-хо! Это черепаха!

И правда, из кустов показался серо-желтый панцирь большой черепахи.

Забыв об осторожности, старшие мальчики бросились к животному: каждому хотелось первым захватить добычу.

Быстроногий Лан опередил было всех, но споткнулся и упал. Через него перекатился и растянулся на земле рослый черноволосый Зурр. Дан, который первым увидел черепаху, но замешкался и потому отстал от Лана и Зурра, с радостным

воплем навалился на добычу.

– Я добыл эту пищу!

Зурр оглянулся на Лана и скорчил презрительную гримасу. Ему казалось, не свались этот Лан ему под ноги, он обогнал бы всех и убил черепаху. Зурр немногословен.

– Р-рах! – только и воскликнул он со злобой и досадой.

Дан с удовольствием насадил на свою заостренную палку уже убитую черепаху, тяжелую, как большой камень, и с гордым видом вернулся к ручью, где старый Оор и мальчики поджидали молодых охотников.

Лан и Зурр долго еще шуршали босыми ногами по мягкой золотистой траве, не углубляясь в заросли, в надежде обнаружить другую черепаху. Но тщетно. Такую добычу нелегко найти, а небольших черепах они не брали – это забава малышей.

Взглянув на солнце, Оор решил, что пора возвращаться, ведь они далеко ушли от жилища.



И на обратном пути еще надо захватить большой кусок твердого глинистого сланца, из него старик сделает много топоров. Старик приглядел кусок сланца возле той орешины,

крона которой виднеется из-за пригорка... Приближаясь к жилищу, издали услышали они громкие крики и побежали. Старому хромоту Оору трудно бежать, хотя большой кусок сланца он сразу же оставил на склоне. Вот за роцей боярышника увидели они вход в пещеру, оживленную толпу соплеменников и остановились, радостно улыбаясь друг другу.

Одного взгляда на весело галдящих людей достаточно, чтобы понять – добрые дивы принесли им удачу: охотники добыли большого кабана, много сладкого мяса. Сегодня все будут сыты – мужчины и женщины, дети и старики.

Полные горделивого достоинства, охотники свежую тушу, пряча улыбки. Женщины же вопят и приплясывают, тонкими голосами верещат детишки.

Только Дан не очень радуется, обиженно присел в сторонке: никто не обратил внимания на его добычу, никто не похвалил.

ТИГР НАПАДАЕТ

Тишину холодных вечерних сумерек нарушил сухой шелест камыша под ленивым ветерком с гор. Одноглазый шакал поднялся с вороха прошлогодних стеблей, потянулся, зевнул. Теперь поест бы.

И для шакалов осень – голодно? время года. Улетают на зиму птицы, зарываются глубоко в землю мыши, крысы и суслики, исчезают насекомые. Обьедки тигра и волков достаются не часто. Одна надежда – падаль.

Одноглазый задрал морду к небу, завыл тоскливо, протяжно. И тотчас отовсюду из камышей отозвались другие шакалы.

Для начала нужно пробраться к отмели большой лагуны, неподалеку от лежки рыжих волков. Сюда речные волны часто выбрасывают трупы утонувших животных,дохлую рыбу.

Одноглазый трусил, не оборачиваясь. Он слышал дыхание за спиной – молодые полагались на его опыт.

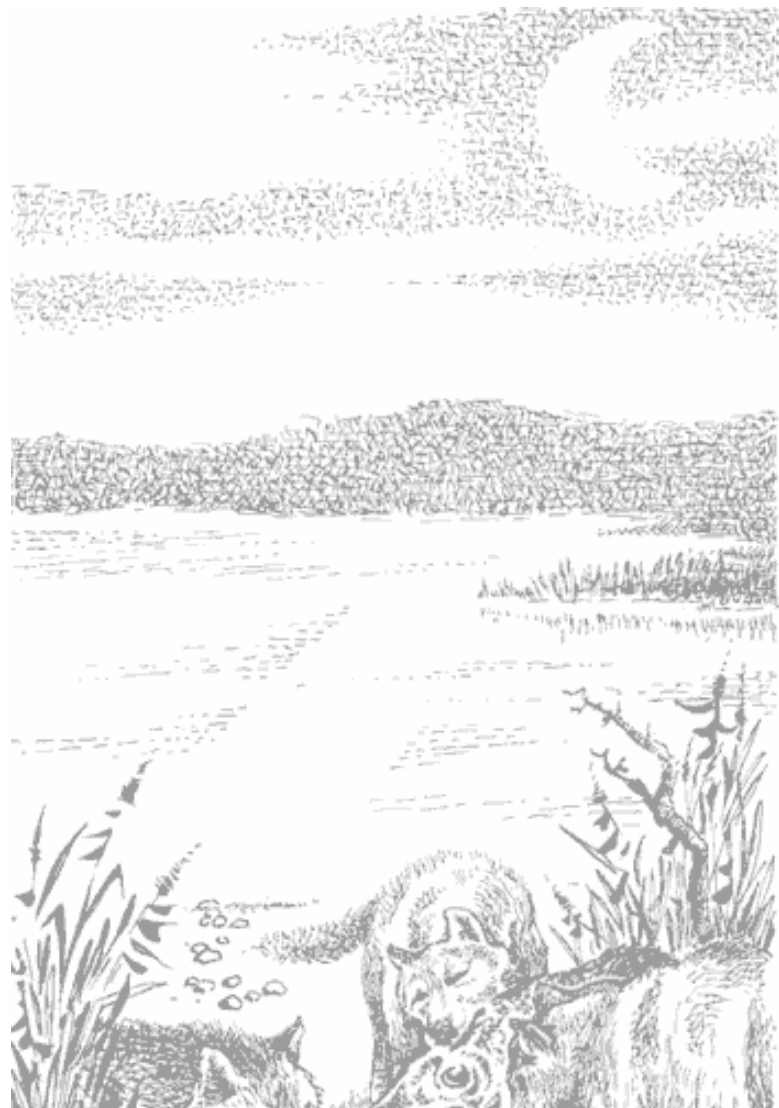
Из-за быстро летящих низких туч выглянула холодная луна и зеленоватым светом на миг осветила пустынный берег лагуны и таинственно шуршащие камыши; черная громада горы, в которой поселились люди, в лунном свете казалась еще больше, еще ближе.

Вокруг стояла тишина, но Одноглазый не верил ей. Обоняние говорило больше, чем слух. Он чуял приятный запах

пищи и тревожащий запах рыси, старого недруга и соперника. Но пища где-то близко, а рысь еще далеко.

Неслышным торопливым шагом шакал вышел из камышей и направился прямо к воде. На мелководье он увидел ее, крупную рыбину.





Молодые шакалы с трудом сдерживались, чтобы не броситься на добычу. Одноглазый глухо заворчал на самого нетерпеливого, и все замерли. Старый шакал умел держать в повиновении молодых неугомонных зверей. Иногда для этого приходилось задавать кому-нибудь из них жестокую трепку.

Он еще раз принюхался, огляделся и только тогда сделал шаг к добыче. Это было сигналом. Тогда шакалы схватили и выволокли рыбину на сушу. Они урчали от нетерпения и остервенело рвали зубами грубую рыбью кожу.

Недаром беспокойство не покидало Одноглазого: рысь тоже пробиралась на запах рыбы.

Вот в чаще камышей блеснули тусклые зеленоватые огоньки – это светятся ее глаза. Она видит шакалов и их добычу. Сейчас она захочет отнять ее.

Рысь долго наблюдала за торопливой возней шакалов возле рыбы. Потом издала невнятный шипящий звук и вкрадчивым скольльзящим шагом вышла из зарослей.

Одноглазый ошетинился и заскулил. Вторя ему, тоскливо заскулили остальные шакалы.

Глаза рыси полыхнули яростным огнем, спина угрожающе сторбилась, хвост взвился кверху.

Злобно завывая, она боком стала приближаться к шакалам. Первыми оставили добычу самки...

Рысь принялась за еду, а шакалы жалобно тявкали на нее

издали. Она была голодна, и надежд на объедки не оставалось. Надо искать другую добычу.

Одноглазый уныло побрел вдоль берега, обнюхивая по пути пустые створки речных улиток. Остальные шакалы остались ждать, когда уйдет рысь, они надеялись на остатки, глупые.

У подножия большой горы, где кончались камыши и начинались заросли боярышника, Одноглазый неожиданно почувал тигра. Зверь был совсем рядом, только ветер относил его запах в сторону, иначе Одноглазый не решился бы подойти так близко к свирепому владыке.

Тигр вышел на промысел.

Шакал последовал за могучим зверем. Издали он видел, как тигр приблизился к глубокой яме, откуда сладко пахло свиньей.

Люди уже успели унести свою добычу.

Хвост тигра сердито хлестнул по полосатой спине: он злобно принюхивался к свежему незнакомому запаху. Глухо и угрожающе рыкнув, зверь направился по следу.

У выхода из зарослей боярышника тигр остановился. При тусклом свете заходящей луны мрачно чернело отверстие пещеры. Ночь безмолствовала, лишь тихо трубил ветер в горловине норы.

В логове двуногих не слышно ни звука.

И тигр и шакал чуяли манящий запах пищи: люди были там, внутри.

Стремительным шагом зверь приблизился к норе и так зарычал, что у Одноглазого на миг замерло дыхание.

Из пещеры донесся жалкий, испуганный вой.

Тигр скрылся в глубине норы. Сейчас он появится с добычей в пасти...

Но что это?! В громоподобном реве зверя Одноглазому послышались вдруг боль и ужас.

Грозный зверь выскочил из пещеры, как испуганный кошачий кот, с прижатыми ушами и зажмуренными от ужаса глазами.

Отвратительный запах паленого ударил в ноздри шакалу.

Из глубины пещеры появились ярко-оранжевые трепетные языки.

Все тело шакала, от носа до кончика хвоста, содрогнулось от страха и омерзения. Огонь! Ничего не было для него страшнее! Много лет назад во время лесного пожара лишился он глаза и едва не погиб. Теперь он не сразу даже заметил, что языки пламени летят и пляшут над головами людей, а не сами по себе, как это было в тот день в лесу.

Старый шакал знает силу огня. Когда огонь начинает бешеную свою пляску, все звери в ужасе бегут прочь, даже тигры и волки среди всех. Черная пустыня со смрадным запахом остается после буйства огня.

Одноглазый мчался, не разбирая дороги. Ему казалось, языки пламени летят за ним. Остановился лишь у реки, жадно припал к воде...

Отныне двуногие и огненные языки, которые жгут так больно, соединились для него в одну общую грозную опасность.

ПЛЕННИК

Первыми утренними лучами солнце озарило снежную вершину Большой горы, изукрасило ее мягким алым цветом.

Один склон горы круто обрывается в реку. Бурная вода шумит и пенится, ударяясь в его скалистое основание. Другой, более пологий, образует многоступенчатый спуск и переходит наконец в лесистое предгорье.

У подножия горы петляет между скалами шумливый ручей. Его чистая гремющая вода переливается цветными огоньками и звенит то птичьим разноголосьем, то глухо и загадочно, как жреческая колода-бумба.

А там дальше, за ручьем, открывается славный вид: светлой дугой уходит к горизонту широкая могучая река, на ее берегу – заросли густого лиственного леса, в чаще которого устроил свое логово тигр. Между лесом и горами убегает от реки вдаль просторная равнина.

Сейчас она особенно хороша: поднявшееся над землей солнце играет багряными лучами на гребнях ковыльных волн, отражается в сотнях маленьких озер. Утренний ветер шаловливо шелестит высохшими листьями и стеблями мальвы, девясила, эремурусов.

А весной... Весной степь разворачивается пестрым ковром трав и цветов. Тогда с гор спускаются стада коз и баранов, оленей и косуль. Из глубоких нор вылезают на свет бар-

суки, сурки и суслики. Несметные птичьи стаи устраивают гнезда в степи, в камышах и скалах...

Но это весной. А сейчас? Сегодня?

Сегодня зима напомнила о себе первым обильным снегом в предгорьях. Студеные ветры прилетели из погрузневшей степной дали, до земли выстелили ковыль, закружили, понесли сухую листву вверх по ущельям.

Скоро вслед за ветрами уйдут в горы животные: там меньше снега, легче добыть корм. За козами и баранами двинутся и рыжие волки.

Вот они. Гонят стадо джейранов к ущелью.

Не догнать волку легконогого джейрана, но звери заметили, что одно животное заметно отстаёт от остальных – это старый самец.

Вожак первым настигает старого джейрана. Мгновение – взметается искрящееся облачко заиндевелой пыли, и все кончено.

Стая продолжает погоню.

Из кустарника наперерез стаду выскочила засада – опытные волчицы и молодняк. Джейраны заметались, рассыпались веером. Двое остановились, и это едва не стоило им жизни. Именно за ними погнались волки из засады.

Несчастные животные, перемахнув ручей, ринулись к реке. И тут случилось непонятное: оба джейрана разом исчезли перед самым носом волчицы.

Обескураженная, она резко остановилась и тем спаслась.

Перед ней была глубокая яма, на дне которой бились в предсмертных судорогах джейраны. А рядом с ними жалобно скулил один из се волчат, он не сумел остановиться вовремя. Глупый, он совсем еще не умеет охотиться.

Волчица заметалась вокруг ямы, не в силах помочь малышу. Всю ночь провела она рядом с ним, слушая его жалобные вопли: ему было страшно одному на дне ямы и больно – он ушибся при падении. На рассвете пришли люди, и она убежала к стае, к трем остальным своим волчатам.

Люди радостно загалдели, когда увидели добычу.

Волчонок затаился, тесно прижавшись к одному из джейранов и зажмурившись. Ему казалось, что если он не видит чужаков, то и они не видят его.

Один из охотников спустился в яму и остановился над притаившимся зверенышем, маленьким, дрожащим. Человек протянул руку, чтобы взять волчонка, но тот вдруг грозно ощерился и зарычал, и охотник отпрянул.

Наверху захохотали.

Смеялись люди долго и громко, старательно показывая друг другу, как им весело и хорошо. Они смеялись не над товарищем, испугавшимся маленького беззащитного зверька, они радовались добыче, радовались предстоящей трапезе.

Волчонку, во всяком случае, этот смех не сулил ничего хорошего.

– Убей его, Коготь, – сказал один из охотников.

Тот, кого называли Когтем, протянул руку за дубинкой, ко-

тору ему подавали сверху. Но другой охотник мотнул головой в знак несогласия. Он оторвал от козьей шкуры, прикрывающей его спину, длинную тесемку и сбросил ее в яму.

Волчонок завизжал и завертелся, когда почувствовал петлю на шее, но охотник так рванул за тесемку, что горло перехватило туго-туго, и он повис в воздухе, нелепо дергая лапами.

Люди поднимались в гору, один из охотников бесцеремонно волочил за собой упирающегося зверька. Он не знал, для чего тащит волчонка к жилищу. Просто была удачная охота, радостное настроение в предвкушении вкусной еды. А живой звереныш – забава ребятишкам.



ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПЛЕМЯ ТАЖ

*На волчок напал ужас...Все неизвестное
казалось ему враждебным.
Джек Лондон. «Белый клык».*

БОЛЬШОЙ ОРЕЛ, ВОЖДЬ

На неровностях стен и сводов вспыхивают красноватые отблески пламени священного огня, разложенного на жертвенном камне у входа в пещеру.

По одну сторону камня сидит на полу жрец в праздничном наряде. На нем все черное: балахон из козких шкур, головной убор из вороньих перьев. Даже узоры на лице наведены сажей. Длинные черные волосы ниспадают на плечи и лицо. На шею надето ожерелье из когтистых вороньих лапок, изогнутого клюва грифа и крысиных голов.

Это Черный Ворон, жрец и колдун, страшный человек. Он разговаривает с дивами: призывает, приманивает добрых и хитростью, обманом уводит подальше от жилища племени злых. Рядом с ним сидит вдова вождя Гордого Луны – Яна, потом жена жреца – Зурра и остальные женщины племени вдоль стены пещеры.

У противоположной стены уселись в ряд мужчины-охотники, украшенные головными уборами из разноцветных перьев. Все при оружии – с луками и копьями.

Первое место в ряду охотников, напротив жреца, пусто. Тут лежит волчья шкура, лук с узорными насечками по дуге, десяток стрел с красным оперением и плоский увесистый камень со сквозной дырой посередине.

Всеобщее молчание. Слышно только, как потрескивают сучья в пламени да попискивают дети-несмышлениши в темной глубине пещеры.

Когда костер разгорелся и перестал дымить, жрец медленно поднял голову.

Сквозь сальные космы волос, закрывающие лицо, угольями блеснули черные ужасные глаза.

Долго глядел он на пламя, потом воззрился на пустое место напротив себя и заговорил глухо и подчеркнуто внятно:

– Гордый Лунь, вождь наш! Ты ушел в пещеру предков... Кто лучше тебя умел добыть много сладкого мяса? Кто быстрее тебя гнался за зверем, чтобы убить его? Кто лучше тебя пускал стрелы прямо в сердце могучего оленя? О удачливый! О храбрый! О сильный!

Последние слова Черный Ворон резко выкрикивал, и гулкое эхо многократно повторяло их в каменной глубине норы.

Гробовая тишина после оглушительных раскатов зычного голоса давила и тревожила людей. Жрец перешел на шепот:

– Назови нам имя нового вождя.

В напряженной тишине таинственно и многозначительно шипели и потрескивали дрова в огне...

– Я понял тебя, Гордый Лунь. Пусть тебе сладко и весело живется в пещере предков.

И снова надолго наступила тишина.

Не поднимаясь с места, Черный Ворон ловко бросил в огонь пучок травы. Клубы белого удушливо-душистого дыма поплыли по пещере.

Захныкал невидимый в темноте ребенок, но дети постарше зажали ему рот, заставили замолчать.

– Мужчины-охотники! – снова загудел под сводами голос жреца. – Вы должны назвать имя самого первого из вас, чтобы всем хватало мяса, чтобы дивы ночи не нашли жилища племени, чтобы был жив Огонь, младший брат Солнца. Громко скажите... кто из вас самый удачливый в охоте?

– Орел! – раздались дружные голоса.

– Кто самый сильный?

– Бык! Орел! – разноголосо ответили охотники.

– Кто самый храбрый?

– Орел! Коготь!

Сквозь рассеявшийся дым видно было, как Черный Ворон величественно поднялся и, взяв за руку одного из охотников, усадил его на пустующее место вождя.

– Охотники! Женщины! Имя нового вождя племени – Большой Орел. Повинуйтесь ему во всем!

Зор больно толкнул в бок Лана.

– Это твой отец. Теперь у тебя будет много сладкого мяса. Лан, казалось, не слышал. Неожиданное счастье и гордость за отца оглушили его. Во все глаза глядел он, как жрец надевает отцу на шею амулет вождя, ожерелье из волчьих клыков, повязывает на голову тесемку с перьями.

Дым уже рассеялся, костер пылал жарко. Черный Ворон вытащил из-под шкуры голову кабана и положил в огонь.

Смрадный запах паленой шерсти и горелого мяса защекотал ноздри голодных людей: уже несколько дней не было в племени мяса. Лица взрослых оставались непроницаемыми: нельзя желать сладкого куска из жертвенного костра. Глаза же детей горели алчными огоньками, они жадно вдыхали запахи съестного.

Но вот кабанья голова догорела, и все успокоились.

– Дивы приняли жертву! – возгласил жрец. – Радуйтесь, люди таж!

Племя ответило разноголосым протяжным воплем, раздались глухие удары колотушки по пустой колоде, высоко взвились женские и детские голоса.



Жрец запалил от костра смолистый факел и вышел из пещеры. Люди гурьбой повалили за ним.

Бешеный хоровод кружился вокруг Черного Ворона и нового вождя, вокруг дымного факела.

В скудном красноватом свете перед глазами опьяненного радостью Лана, как в горячечном сне, мелькали перекошенные буйным весельем черные лица, оскаленные в диких улыбках зубы, глаза, вылезшие из орбит, бронзовые, лоснящиеся от грязи и жира тела, голые руки и ноги, развевались

косматые звериные шкуры...

Мужчины танцевали неистово, зажигательно.

Лану тоже хотелось ринуться в круг, но нельзя, он еще не охотник.

Женщины стояли вокруг танцующих, хлопали себя по бедрам, били в ладоши, все время убыстряя ритм, и без того бешеный.

И вдруг на фоне высоких женских голосов ухнул голос жреца, факел упал книзу, к самой земле, и танец неожиданно прекратился.

В наступившей тишине явственно послышался голос нового вождя:

– Слушайте, люди таж Большого Орла! Завтра хорошие дивы помогут нам в охоте. Пусть Черный Ворон задобрит их таинственным словом и курением душистых трав. Пусть женщины ищут плоды на склоне горы.

Люди послушно повернули к пещере.

Лан уже отыскал свой угол и прилег на шкуры, когда раздался тревожный голос его матери:

– Люди, нет моего детеныша Лика!

Факелами осветили все углы. Аун заглянул в пещеру предков: не заполз ли туда глупый детеныш. Ребенка не было нигде.

Мужчины выскочили наружу. Лан старался не отстать от отца, хотелось первым отыскать брата.

Усилившийся ветер трепал пламя факелов, стараясь зага-

силь их. Охотники нерешительно топтались у входа. Где искать?

И тут зоркие глаза Лана разглядели при тусклом лунном свете мимолетно промелькнувшего крупного серого волка с закинутым на спину маленьким человеческим тельцем. Мальчик успел заметить свежий рубец от раны на плече зверя.

– Волк унес Лика! Я видел! Волк унес!

Но никто, кроме него, не успел ничего увидеть...

Слушая горестные всхлипывания матери, Лан мысленно пообещал себе отыскать и отомстить волку с меткой на плече за гибель брата. Только бы скорее назвали его охотником!

МУДРЫЙ АУН

Лан пробудился от озноба. Вскочил.

Снаружи в глаза бил яркий холодный свет.

Взрослых не было, если не считать нескольких женщин и старика Оора.

Солнце не могло пробить молочной пелены тумана, но насытило своим ярким светом все пространство вокруг. Казалось, светился сам туман. Видно было не более, чем на несколько шагов. На траве блестел иней.

Прихватив заостренную палку, единственное свое оружие, Лан осторожно стал спускаться по склону на звук плещущегося в камнях ручья и набрел на Мудрого Ауна. Старик сидел на мшистом камне, и волосы его блестели, будто от инея.

Долгую жизнь прожил Аун, сын великого жреца Ухо Дива. Редко кому из охотников удается дожить до старости, как ему. Мать говорила Лану, что Ауна четырежды по столько, сколько пальцев на руках, и еще пять солнц.

Раньше Аун был хорошим охотником и звался хорошо – Быстроногий Олень. Но глаза у него отчего-то видели все хуже и хуже, и теперь называется он просто Аун, по имени матери своей Ауны, как Лан или Зор, как всякий другой, кто не охотник.

Аун непонятный человек. Он один, кроме жреца, ходит в

пещеру предков. Никто не знает зачем. Он часто помогает Черному Ворону, и все давно заметили, что жрец побаивается Ауна. Умерший вождь Гордый Лунь слушался советов старика и всегда называл его «Мудрый Аун».

На дележе добычи Аун получает свою долю вслед за охотниками, тогда как старый Оор – вместе со старухами.

Люди сторонятся Ауна. Говорят, что его отец, великий жрец, еще ребенком свел его с дивами. Однако Мудрый Аун за всю свою долгую жизнь не причинил никому зла.

Лан не смеет первым заговорить с охотником, а с Ауном можно, потому что он – как Зор, и с ним просто, потому, наконец, что старик любит мальчика.

– Мои глаза видели вчера волка. Он унес Лику. Никто больше не видел.

– Мне жаль твоего брата и твою мать, – ответил Аун и, вздохнув, заметил: – У тебя зоркие глаза.

– Да. И я заметил метку на шкуре волка, чтобы найти его и убить, когда меня назовут охотником.

– Это будет. В праздник Нового Солнца, в праздник Птиц, если помогут дивы, ты будешь назван, постарайся.

– Тогда я убью много коз и баранов, чтобы всем и тебе, Аун, было довольно сладкого мяса. Я убью столько, что люди не смогут унести всего.

– Хвастливость – большой порок, она как слепота для охотника.

Лан потупился.

– Я знаю, ты будешь удачливым охотником, но послушай, что я тебе скажу.

Лан любил слушать старика. Неторопливый голос уводил мальчика в неизведанное, и, если закрыть глаза, можно было увидеть невиданное: людей, давно ушедших в пещеру предков, места, где никогда не бывал...

Таков Мудрый Аун.

– Знаешь ли ты, почему племя наше называется «таж»?

– Так было всегда...

– Нет. Жил такой человек – Таж. Давно-давно. Хороший человек, оттого все мы носим его имя и будем носить, пока есть хоть один человек в племени... В те давние времена охотники и даже вожди и жрецы носили имена своих матерей, как сейчас вы, мальчики: твоя мать – Лана, ты – Лан. А девочкам., как и теперь, придумывали новые имена. А почему? Это забытая тайна... Как-то в сильный снегопад погнался Таж за раненым оленем и пропал. Четыре ночи не было его в жилище. В ту пору ночной холод убивал человека, и потому все сказали: «Вождь Таж мертв, пусть дивы назовут другого вождя» И стал вождем другой человек, а на пятую ночь приполз Таж, очень слабый, но живой и сказал: «Я гнался за оленихой и ее детенышем, но мою добычу захотели отнять волки. Они отогнали детеныша от матери и чуть не загрызли его. Но я убил двух, а остальные убежали. Раненый, я лежал на снегу рядом с олененком. И он согревал меня. Потом вернулась олениха и стала зализывать детенышу ра-

ны, а он сосал молоко. И олениха зализывала мои раны, и я, как олененок, сосал ее молоко. Она согревала нас и уходила только покормиться. Силы мои окрепли, раны затянулись, и я приполз в жилище».

Аун замолчал, вглядываясь подслеповатыми глазами в лицо Лана. А тот растерянно моргал. Все было непонятно: почему вождь Таж бился с волками за олененка вместо того, чтобы догнать и убить олениху, ведь тогда мяса хватило бы всему племени? Почему олениха подошла к охотнику и зализывала его раны? Разве так бывает? Почему, наконец, окрепнув, Таж опять-таки не убил олениху?

Лан ждал: пусть Мудрый Аун объяснит ему непонятное, но старик как бы забыл про мальчика.

– Вождь Таж был плохим охотником или дивы отняли у него разум?

– Так сказали бы и многие другие, но не жрец Ухо Дива, и не Гордый Лунь, и не я. Отец твой, Большой Орел, наверное, тоже так не сказал бы... Таж был хорошим охотником и мудрым вождем. Он не убил олениху, зато узнал тайну матери и спасся. Он стал как див, которому повинуются звери.

Аун помолчал.

– Да, у тебя зоркие глаза и хороший разум. Смотри, – старик широким приглашающим жестом повел вокруг, – великий порядок вокруг: солнце устало – приходят холода, улетают большие птицы. Потом эти птицы прилетят вновь и принесут с собой Новое Солнце. С Новым Солнцем рождаются

звереныши, растёт трава, появляются сладкие плоды. Предки наши умели видеть и узнавать многие мудрости. Смотри и ты, смотри и узнавай.

ТАЙНА ПЕЩЕРЫ ПРЕДКОВ

«Как див, которому повинуются звери...» – повторял Лан снова и снова, но мудрость эта была ему все-таки непонятна, хотя он и запомнил ее.

Потянуло ветерком, и сильнее запахло неповторимой свежестью тумана. Сверху заголубели просветы, и вдруг брызнул яркий солнечный свет, многократно отраженный от ослепительно белых, быстро катящихся клубов.

Аун медленно побрел к пещере.

Сейчас он запалит смолистый факел и уйдет через узкий лаз в дальнем конце их жилища в таинственную пещеру предков, куда никто из племени ступить не решается.

Старик Оор со своими камнями расположился у входа в жилище. Ребятишки постарше, среди которых Лан увидел и Зора, подносили старику новые камни.

У Оора зоркий глаз. Он внимательно разглядывает камень, прежде чем приняться за него. Долго примеривается и наконец бьет своим черным крепким билом, которое всегда держит при себе. И не силен удар, да точен. Один за другим отскакивают от камня большие и маленькие кусочки, и вот уже всем видно: получился удобный скребок для скобления шкур больших зверей, наконечник стрелы или копья, рубило, ударник – по руке, в самый раз.



Лан, бывало, подносил к лазу в пещеру предков наиболее прочные ударники из черного камня. Подносил и терпеливо ждал, пока Мудрый Аун не придет за ними.

Из черной дыры струился холодный воздух, а то, наоборот в нее с шумом засасывались сухие листья и травинки из ближних подстилок. Стоило сунуть голову в отверстие, и волосы начинали шевелиться, как живые.

Лану захотелось заглянуть внутрь. Иногда, когда в жили-

ще не было взрослых, он осторожно протискивался в проем по пояс. И тогда слышались отдаленные несильные удары камня о камень. Наступала темнота, потому что он загораживал собой дневной свет, и ему мерещились впереди красные, зло светящиеся глаза дивов, хранителей жилища мертвых – братьев Оггру, и мальчик в страхе пятился назад.

Там был недавно умерший вождь, Гордый Лунь, там был охотник Буйвол и еще несколько женщин и детей, умерших за последние три луны.

Таинство погребения совершали жрец и Мудрый Аун.

Как-то раз Лан спросил у старика:

– Не рассердятся ли дивы, если я спрошу тебя, Аун, что там, в пещере предков, где ты бываешь каждый день?

Аун долго молчал, щурясь на солнце подслеповатыми глазами, а потом сказал:

– Это тайна великая.

– Я знаю, там живут мертвые...

– Помолчи и послушай... Стар уже Аун. Скоро и мне уходить к предкам... Давно присматриваюсь к тебе, Лан, сын Большого Орла, и говорю: слушай и запоминай!

Мальчик оцепенел. Так торжественно и многозначительно с ним никогда еще не говорили.

– Слушай и запоминай. Отцу твоему хотел сказать тайны племени, но вождям не до тайн. А жрец зол...

Аун замолчал надолго, подавляя волнение.

– Тебе скажу. Слушай и запоминай! Запоминай и думай!

Думай и наблюдай вокруг!..

Старик насупился и продолжал шепотом:

– Скажу тебе древнюю песню:

Береги брата своего и сестру – соплеменник! Погляди вокруг: волки живут стаями, кабаны, олени, козы – стадами, люди таж – племенем Злые дивы делают зло, добрые – добро Тигр хватает косулю, лисица караулит зайца, сокол бьет утку. Оглянись, беда за твоей спиной Козы бросаются наутек от барса, волки пожирают раненого собрата... Люди перед бедой едины! Береги соплеменника – охотника, женщину, детеныша! Пуще руки своей, пуще глаза, пуще себя самого!

Старик устало расслабился и закрыл глаза. Лан позволил себе расправить затекшую в неудобной позе ногу, но не сводил напряженного взгляда с серого лица Ауна.

– Завтра, – сказал тот, – пойдешь со мной в пещеру предков. – И вдруг, открыв один блеклый глаз, наклонился к самому лицу мальчика: – Боишься?

Лан поежился.

– Страх от незнания. Узнаешь – страха станет меньше... И об этом есть древняя песня, но о ней в другой раз.

В тот день беспокойство не покидало Лана, беспокойство и страх перед грозным завтрашним утром.

Только Муна, затейница Муна, дочь умершего вождя Гордого Луны, отвлекла его от беспокойных мыслей. Она показала ему рыжего волчонка, живого зверька.

Волчонок повизгивал и старался укусить Муну за руку, но

она ловко хватала его за загривок и тихонько встряхивала. А потом, придерживая одной рукой зубастую пасть, другой тормошила его, гладила и ласкала.

У Лана загорелись глаза.

– Хочешь, я попаду в него от того куста первой же стрелой? Хочешь?

Муна гневно глянула на него. Радостная ее улыбка померкла.

– Нет! – сказала она резко. – Твой отец дал мне волчьего детеныша. Он мой. Ты, как и Зурр, хочешь убить его. Зачем? Охотники добудут много мяса.

Наутро, когда взрослые ушли на промысел, Аун взял Лана за руку и повел его к лазу в пещеру предков.

Прикрыв пламя факела от ветра, Аун первым протиснулся в узкий проход. Лан полез следом, замирая от страха.

Слабый огонь факела скудным красноватым светом осветил неровные своды. Мальчик осторожно выпрямился в полный рост и огляделся. Пещера показалась ему громадной оттого, быть может, что дальний ее конец терялся в зловещей темноте. Лан никак не мог унять дрожь и старался держаться поближе к старику.

– Маленький Орел!

Голос Ауна прозвучал под сводами гулко и незнакомо. Лан даже не сразу сообразил, что это к нему обращена торжественная речь.

– Здесь, – Аун приблизил факел к одной из стен, – ты ви-

дишь разных зверей и птиц... Я скажу тебе много такого, что знали наши мудрые предки и что ты потом передашь сыну своему или побратиму, соплеменнику, кому сможешь доверить это. Знание – великая тайна! В знании – неведомая сила добрых дивов! Оно помогает одолеть голод, жажду и холод. Кто владеет тайной – тот могуч, тот сам как див.

Лан разглядел под одним из рисунков головной убор умершего вождя, а в рисунке узнал луня, знакомую белоголовую птицу, которую ему нередко приходилось видеть между вершинами заснеженных гор. А вот грозная птица, с развернутым могучим крылом – орел. Здесь когда-нибудь будет положен головной убор его отца. Но ни один рисунок не напомним людям о его маленьком братишке, которого недавно утащил волк со шрамом на плече... А где, под каким рисунком будет покоиться его головной убор, каким именем назовут его охотники в следующий праздник Нового Солнца?

– ...А на этой стене выбито Слово предков. В темный и холодный день дивов Огтру, хранителей жилища мертвых, жрец говорит людям Слово. В нем мудрость предков, в нем жизнь племени. Но видит Слово предков только Черный Ворон да я, а теперь вот и ты... Смотри и запоминай!

Лан до боли в глазах вглядывался в штрихи и зигзаги на неровной скале, но ничего пока разобрать не мог.

– «Был великий лес, – напевно начал Аун, – и горы, закрывшие полнеба. Было Большое Солнце и много воды.

Людей в племени было, как звезд в небе, как деревьев в

лесу. Довольно было у них сладкого мяса, плодов и целебных трав. От этого-то люди стали забывать Слово предков, плохо охотились, не хотели строить новые жилища.



И разгневались дивы, и напустили ночь на Солнце, и сотрясли землю, и отняли большую воду. Ушли из леса звери, улетели птицы, пропали плоды.

Великий голод настал. Умирали от голода охотники и матери, умирали детеныши.

Великий холод настал. Умирали от холода и болезней, с криками и стонами.

И повелела Старая Олениха идти к Солнцу, где лежит Страна предков. Повелела она в день Оггру говорить Слово и приносить жертвы добрым и злым дивам.

Но не было пути в Страну Оленью, не пустили горы людей, и повернули они тогда вслед за Солнцем. Шли, пока Старая Олениха не повелела жить в большой норе, а сама ушла в жилище мертвых.

И стал вождем Таж. Он принес в жилище доброго рыжего дчва – Огонь, младшего брата Солнца. Днем и ночью кормили люди Огонь, и злые дивы отступили от племени.

Не раз вождь Таж и самые сильные охотники уходили искать дорогу в теплую Страну предков, где мало снега, Большое Солнце и много зверей, но горы были безжалостны.

Умирая, великий Таж повелел людям идти по пути Солнца, потому что охотников оставалось столько, сколько пальцев у человека.

Много Новых Солнц прошло с той поры, но не было у племени беды больше, чем гибель Огня. Тогда поняли люди ве-

личие сделанного вождем Таж и стали зваться его именем.

Велик жрец Ухо Дива, сделавший Огонь бессмертным, и это главная тайна предков!

Но ищите дорогу в Страну предков!

Я, Мудрый Аун, хранитель Слова, говорю: здесь, в Солнечной долине, большая вода и лес, хорошая добыча, много плодов и целебных трав. Тут жить людям... и искать путь через горы».

ВОЛЧОНОК

С каждым днем все ниже за горы опускалось благодатное солнце, все больше широкие тени от высоких скалистых хребтов синим холодом накрывали долину. Все чаще студенными ветрами напоминала о себе зима. Но в полдень солнечные лучи еще ярко освещали по-осеннему пеструю макушку холма за ручьем.

Туда каждый день бегал Лан погреться, поваляться в душистых хрустящих листьях, поразмыслить.

А размышлять ему было о чем. На протяжении последней луны Мудрый Аун открыл ему столько тайн и знаний, что мальчику казалось, будто голова его стала большой-большой, и окружающее приобрело значительность и глубокий смысл.

Огонь – главная тайна. Огня боятся звери, он делает человека сильнее зверей. Как важно сберечь огонь! Без страшных когтей и острых клыков человек может прогнать тигра и волка.

Человек сделал лук, и стрелы, пущенные из лука, догоняют быстроногую коосулю.

А разве в бесчисленном повторении Новых Солнц не заключен великий таинственный порядок?

Старый Аун посвятил в тайны предков его, Лана. А он должен сохранить, а потом передать их своему избраннику,

чтобы людям племени жилось легче.

– Почему нельзя сказать тайны всем людям? – однажды спросил Лан.

– Потому что так всегда было. Потому что они собирают людей вокруг владеющих тайной. В заветах и тайнах предков великая сила! – ответил Мудрый Аун.

Ночью к Лану приходили видения: наскальные картины из Слова предков оживали, и гулкий голос без конца повторял недоступные его пониманию мудрые заповеди...

Мальчик выбрал себе место среди колючих зарослей боярышника, пристально огляделся вокруг, нет ли какой опасности, и тогда только прилег, не выпуская из рук заостренной палки, хрупкого своего оружия.

Теплые лучи шаловливо щекотали ноздри, ленивый прохладный ветерок шелестел сухим листом у самого уха и убаюкивал, грустно и ласково.

Проснулся Лан от холода. Солнце заметно передвинулось, и ажурная тень от сплетенных стволов и ветвей деревьев надвинулась на него.

Вскочил. До захода солнца он должен еще набрать полную суму плодов боярки, шиповника, орехов и яблок. Зурра, жена жреца, строго следит, чтобы женщины и подростки наполняли свои сумы доверху. Беда тому, кто вернется с пустыми руками.

Прищурился на солнце: «еще успею», – и пустился бегом к ручью. Он знает одно небольшое ущелье, там довольно оре-

хов и яблок.

В ложбинке за стеной кустарника он наткнулся на Му-ну. Она так увлеклась возней с волчонком, что не заметила мальчика.

Волчонок теперь не проявлял к ней былой враждебности. Он весело скакал вокруг, хватал зубами за руки, не кусая. Куда девалась та угрюмая тоска и ярость, которая светилась в глазах звереныша, когда Лан увидел его впервые. Да и под-рос он заметно. «Значит, Муна где-то здесь прячет его от людей и зверей», – подумал мальчик.

Волчонок почуял постороннего и ощетинился. Уши при-жались к голове, глаза превратились в две маленькие злые точки. Заметив настороженность зверька, Муна тоже схва-тила палку.

Лан вышел из-за кустов. Звереныш заворчал, заскулил и спрятался за девочку.

– Чего тебе? – сердито спросила Муна. – И ты следишь за мной, как Зурр?

– Не слежу.

Лан рассмеялся: разъяренная девочка походила на сову – глаза круглые и злые, волосы всклокочены, кажется, вот-вот выпустит острые когти.

– Не слежу, – повторил он. – Иду в то ущелье, где родник. Там много орехов и яблок.

Муна успокоилась немного.

– Ты не убьешь волчьего детеныша?

– Покажи твои руки, – сказал Лан вместо ответа. Муна с удивлением протянула ему руки.

– Зверь не укусил тебя? – поразился он.

В этот момент волчонок бросился на Лана и, если бы тот не отскочил в сторону, вцепился бы ему в ногу. Острые зубы глубоко впились в подставленную палку.

Муна закричала и прижала звереныша к земле. Волчонок не сопротивлялся, но продолжал смотреть на Лана непримиримо.

– Что же ты будешь с ним делать?

– Не знаю, – простодушно и горестно ответила девочка. – Наверное, отпущу.

Лан неодобрительно качнул головой. Со снисходительной улыбкой глядел он, как Муна привязывает звереныша к дереву и тот доверчиво жметя к ней.

По пути к ущелью мальчик задержался у ручья, чтобы напиться. Задумчиво оглядел он глубокие борозды от волчьих зубов на своей палке. «Все-таки зверь едва не перекусил такую крепкую палку. А ведь еще детеныш!»

От ручья Лан пошел быстрее, до заката оставалось недолго. Вдруг он услышал протяжный вопль Муны, вопль боли и злобы. Не раздумывая, помчался Лан обратно.

С поляны доносился шум борьбы: хриплое дыхание, яростные выкрики, рычание.

У кустов, за которыми скрывалась поляна, Лан задержался. Внимательно огляделся, не подстерегает ли его какая

опасность, и осторожно продрался сквозь колючие ветви.

Злоба вспыхнула в нем, когда в противнике Муны он узнал Зурра, сына жреца.

Зурр очень сильный. Он, придавил Муну коленом к земле и хищно оглянулся на рвущегося с привязи волчонка.

Только тут Лан заметил стрелу, глубоко вонзившуюся в кору дерева, в нескольких пальцах выше головы звереныша, и лук Зурра, брошенный в пылу борьбы.

Муна хрипела в бессильной ярости и тщетно пыталась освободиться.

О Зурр, победитель девчонок! Как посмел он прикоснуться к Муне вопреки запрету обычая! Пусть он выше, пусть сильнее – быть ему сегодня на земле!

Отшвырнув палку, Лан одним прыжком оказался рядом и опрокинул Зурра неожиданным ударом ноги в бок. Они катались по земле и колотили друг друга, свято соблюдая при этом заповедь: «Не пролей крови соплеменника».

Зурр был сильнее. Оправившись от неожиданного нападения, он нанес Лану такой удар, что тот задохнулся от боли.

От следующего удара удалось увернуться, и Зурр со всей силы хватил кулаком по земле и взвыл:

– Бо-бо-бо!

В тот же миг, изловчившись, Лан завернул ему здоровую руку за спину и придавил противника коленом к земле.

– Ты на земле, Зурр! И ты нарушил обычай – обидел девчонку. Сордо будет тебе!

Сордо – так называлось наказание нарушившим обычаи племени. Вождь или жрец громко называли провинившегося и оповещали всех о его проступке. Но бывало сордо и суровее. Так, охотника Ястреба когда-то побили дубинкой и лишили головного убора и охотничьего снаряжения. По сей день называется он Оор, как детеныш...

Лан почувствовал, как сразу расслабилось, обмякло напряженное тело противника. Черные волосы Зурра разметались по земле, лицо испачкано в пыли.

– Вуа, – простонал он. – Не надо сордо.

Лан и сам не был уверен, что скажет старшим о случившемся.

– Хорошо. Не станешь трогать Муну?

– Нет.

Поднявшись с земли, Зурр потер ушибленную руку. Его маленькие, глубоко посаженные глаза блеснули, будто черные звездочки, вызывающе и задорно.

– Зурр будет лучший охотник!

– Нет, я буду лучший! Ты не попал в зверька! – крикнул

Лан и повернулся к дереву, в котором недавно торчала стрела.

Но стрелы уже не было. Бесследно исчезли также и Муна с волчонком.

ВОЖДЬ И ЖРЕЦ

Наступила стужа. Устье пещеры почти совсем завалили камнями, оставив небольшое отверстие для выхода наружу.

За короткий день женщинам с трудом удавалось набрать сучьев для костра, чтобы хватило на ночь: зимой огонь прожорлив.

Охотники по несколько раз на день уходили проверять ловушки, но с наступлением холодов зверей стало мало. Возвращались окоченевшие, злые: только изредка удавалось добыть зайца, лисицу, а то и вонючего шакала.

Вот и сегодня молчаливо глядят соплеменники, как обмороженные охотники один за другим перебираются через завал и угрюмо устраиваются у огня.

Принесли лишь большую, с разодранным боком рыбу, отнятую у горластых голодных ворон на продуваемом ветрами песчаном берегу реки.

Голый малыш прополз между ног взрослых и начал ковырять пальцем белое, рыхлое, неприятно пахнущее мясо.

Зурра недовольно заворчала, и мать детеныша поспешно подхватила легонькое тельце сына.

Трудное дело разделить скудную добычу между голодными соплеменниками. Придирчивые глаза ревниво следят за руками Зурры. Она медлит, долго примеривается, прежде чем ударить рубилом. Она наслаждается своей властью над

людьми. Ей нравится, когда соплеменники заискивающе заглядывают в глаза, стараются угодить, услужить.

Строгая очередность соблюдается при дележе добычи. Первый кусок, по обычаю, получает вождь, потом жрец, затем охотники в той очередности, как сидят они вдоль стены у жертвенного огня. Потом вдовы, одинокие женщины и в последнюю очередь старики и старухи.

Чем ближе к концу дележка, тем меньше и хуже остаются куски. Бывает, что старой Уруне или глухой хранительнице огня вообще не достается доли.

Только Мудрый Аун получает пищу в числе охотников да вдова умершего вождя Яна – после жреца...

Люди собирались у костра, чтобы не пропустить своей очереди. Темные сосредоточенные лица, внимательные настороженные глаза.

Зурра оглядела соплеменников и сказала негромко и уверенно:

– Теперь, Яна, твое место там, где вдовы. Все знают, что дочь твоя кормит зверя, не хочет отдать его племени, как я сказала.

– Это детеныш! – крикнула Муна. – Маленький волчий детеныш.

Черный Ворон, до сих пор безучастно сидевший у костра, вдруг грозно поднял от огня свой страшный взгляд.

– Люди таж забыли Слово предков на радость дивам ночи. Я слышу, как детеныши спорят...

Первые слова его напоминали предгрозовое дуновение ветерка, но по мере того, как он поднимался на ноги, медленно, неестественно медленно, голос его крепчал и наконец загремел, словно горный обвал.

– ...Скоро, скоро наступит страшная пора Оггру. Дивы захотят много жертв. На кого падет выбор?.. На тех, кто не может добывать пищу для племени и сучья для огня!..

Всем корпусом Черный Ворон повернулся туда, где стояли хромой старик Оор со своим каменным биллом и больные, немощные старухи.

– ...На тех, кто вредит племени, помогает дивам! – повернулся он к Муне и Яне.

Девочка поспешно юркнула за спину матери.

– ...До сих пор Яна получала свою долю за мной. Теперь ее место вместе с остальными вдовами, если только... – тут жрец ухмыльнулся своей страшной улыбкой, – если только никто из охотников не захочет уступить ей место перед собой.



Сказав это, Черный Ворон обмяк, безвольно опустил плечи и стал медленно оседать на пол, будто вмиг заснул.

Тишина воцарилась в пещере.

Яна беспомощно оглянулась на соплеменников. Люди обеспокоенно зашевелились, опуская глаза. Страшные, голодные времена стояли у жилища племени. Кто решится пустить впереди себя лишнего? Кто решится перечить жрецу?

– Я уступаю место вдове вождя, – послышался негромкий

голос Мудрого Ауна.

– Разве ты охотник, Аун? – не поднимая головы, тихо прошепел жрец. – Давно уж охотники в племени таж не зовутся материнскими именами.

Среди охотников кто-то угодливо хохотнул. Одобрительный ропот послышался из темного угла, где стояли женщины.

Удрученная, с низко опущенной головой, Яна медленно двинулась в конец людской цепочки.

– Справедливо! – промолвила Зора, жена охотника Желтого Клыка.

– Нет! – отчетливо сказал Большой Орел, вождь. – Гордый Лунь из пещеры предков слышит наши голоса... Пусть вдова Яна получает еду впереди меня.

Никто не возразил вождю. Только Черный Ворон медленно поднял голову, оглядел охотников у костра, как бы отыскивая среди них того, кто только что говорил, и снова бесильно уронил голову на грудь.

В напряженной, недоброй тишине делила добычу Зурра.

Когда подошла очередь старого Оора получить свой кусочек, он сказал смиренно:

– Пусть эта доля будет принесена в жертву диву Солнца.

Один за другим молчаливо расходились люди по своим углам в обширной пещере. У огня остался только вождь. Он задумчиво поправлял головешки в костре. К нему подсел Мудрый Аун.

– Позволь, вождь, сказать тебе...

– Говори, Аун, говори, Мудрый.

– Справедливо поступил ты, да во вред племени...

Большой Орел удивленно поднял брови.

– ...Охотники недовольны. Нельзя защищать слабого перед сильным, когда сам не самый сильный.

– Не пойму я тебя... Сам-то ты?..

– Я стар, не много Новых Солнц видеть мне. А ты вождь, тебе о племени думать... Еще скажу: берегись Черного Ворона. Молод ты, неопытен, плохо думаешь...

Беспокойство охватило вождя. В чем-то прав Мудрый Аун, только в чем, не понять ему.

С этого вечера начался разлад в племени, поползли недоброжелательные разговоры о неопытности, о неудачливости вождя.

ЛАН И МУНА

Мудрый Аун оказался прав. После столкновения вождя со жрецом в племени начались раздоры. При неудаче на охоте люди говорили о молодости и неопытности вождя, осуждали его за терпимость в отношении своенравной девчонки Муны, не пожелавшей отдать волчонка.

Другие шептались о несправедливости Зурры при дележе добычи, о неправильном толковании жрецом Слова предков. Некоторые высказывали робкое недовольство, когда лучшую добычу Черный Ворон забирал для жертвоприношений.

Если раньше Лан и сам не прочь был поохотиться за волчонком, то после своей стычки с Зурром и особенно после того, как отец его встал на защиту Муны и ее матери, ему казалось, будто и он всегда защищал волчонка и его покровительницу.

На другое утро Муна выбрала удобный момент и шепнула Лану:

– Хочешь, покажу, где живет детеныш волка?

– Нет, Зурр может подглядеть. Ты мне скажи, я найду сам и дам ему еды.

Муна заколебалась было, но все-таки решилась.



Лан не сразу пошел к тайнику. Перебрался через ручей, присел на камень, как бы согревая озябшие ноги, огляделся и помчался к поляне. Логово волчонка находилось в крохотной норе, поблизости от родника. Вход в нору загораживал

большой камень, и найти ее было нелегко.

Волчонок сидел тихо. Как видно, он привык к своему одиночеству.

Лан отвалил камень и заглянул в нору. В темном полумраке светились недобро две зеленоватые точки – глаза зверя.

Мальчик опасался нового нападения. Одной рукой, обернутой шкурой, он собирался загородить выход, если звереныш задумает удрать, второй осторожно положил у края норы кусочек рыбы и большую обглоданную кость.

Пленник не сдвинулся с места.

Очень хотелось поглядеть, как звереныш станет есть, но ждать долго опасно, и Лан с сожалением подвинул камень на прежнее место.

Едва стихли шаги, волчонок заскулил в тоске и беспокойстве. От незнакомого угрожающего запаха человека хотелось бежать, но камень у входа не поддавался усилиям звереныша.

От пищи исходил вкусный, манящий дух и в то же время пахло незнакомцем.

Зверек забился в самый дальний угол и затих. Однако в темноте логова запах пищи казался особенно сильным. Близкая еда властно звала его к себе.

Не раз настороженно приближался волчонок к лакомым кускам, мучительно истекая голодной слюной, и, наконец, схватил и уволок в дальний угол рыбу. Потом долго и сладостно грыз и ласкал языком большую кость, пока не пре-

вратилась она в короткий, не поддающийся зубам обрубок.

Теплая дрема накатила на волчонка. Грезилось ему то мягкое палевое брюхо волчицы-матери, то веселые и ласковые руки Муны. И уже мерещилось, будто от рук Муны и от волчицы исходит одинаковый запах, запах мяса и рыбы, – съестного.

Когда Лан возвратился, Аун уже поджидал его, сидя у огня. Старик не торопил мальчика, пока тот грелся, не спросил, где он был, только изредка поглядывал на него сбоку умными спокойными глазами.

Лан невысок, но крепок телом. Широкий вздернутый нос придает его лицу лукавое выражение. Волосы и брови цвета осенней жухлой травы, глаза внимательные и по-детски смешливые.

Старому Ауну нравятся его глаза – в них крошечным огоньком светится ум. Старик радуется, когда слова, полные смысла, пробуждают в мальчишке интерес.

Несколько раз неподалеку появилась Муна, но спросить про волчонка при Мудром Ауна не решалась.

Наконец, кряхтя, старик поднялся и пошел к лазу в пещеру предков. Лан последовал за ним.

Факел тускло освещал выбитые на скале картины, по которым Ауи уже не раз «говорил» Слово предков.

Оба молчали.

Лан мысленно повторял торжественные и наполовину непонятные фразы в строгой последовательности, как за-

учил со слов старика.

Вот чадное пламя осветило последнюю картину и остановилось.

– Когда старый Аун видит Слово предков, ему хорошо. Когда старый Аун видит небо в начале дня, ему хорошо. А когда хорошо Маленькому Орлу?

– Маленькому Орлу хорошо, когда много еды... – ответил Лан, подстраиваясь к торжественно-раздумчивому тону старика.

– Маленький Орел еще мал, чтобы понимать «хорошо». Хорошо, когда радуются все люди таж, когда удачная охота, когда спят дивы, – это так. Но великие предки знали другое... Мать Олениха умела угадать, когда дивы неба сделают бурю, Хромой Тигр научил отгонять братьев Оггру, хранителей пещеры мертвых, от раненых, Смелый Ястреб на камне выбивал рисунки кабанов, оленей, чтобы охота была удачной... Разве Маленькому Орлу не хорошо, когда приходит Новое Солнце? Или когда он смотрит на Муну, дочь Яны?

Лан отшатнулся от старика. На миг тот показался ему дивом. Как он узнал о том, о чем еще не сказаны слова?

– Хорошо, – прошептал он. – Отчего это, Мудрый Аун?

– Оттого, что ты скоро станешь охотником... А теперь иди... Стоял один из последних погожих дней поздней осени. Яркое сияло солнце. Буйная радость жизни захлестнула мальчика. Заметив горстку сверстников на склоне любимого холма, залитого солнечными лучами, он издал протяж-

ный охотничий клич: «Ий-о-о!» – и стремительно ринулся к ним. Звонко ломался ледок под ногами, холодный воздух щекотал грудь. Единым махом перепрыгнул через широкий ручей и, продравшись сквозь кусты, выскочил на поляну. Блеклая трава, прибитая к земле ветрами и дождями, ласкала щиколотки ног мягкой теплотой.

Зурр и Рон стояли друг против друга, упершись лбами, и старались свалить один другого. Кун, Дан и Зор прицельно швыряли камни в ствол корявого дерева.

Неподалеку Муна и Ляда возились с горластыми суетливыми малышами.

Со всего маху Лан налетел на Зора. Оба покатались по мягкой шуршащей траве, хохоча и тормоза друг друга.

Неожиданно крепкая нога втиснулась между ними: Зурр стоял над Ланом.

– Вах-ха! Зурр будет лучший охотник!

Лан вспыхнул, вскочил и стал боком к противнику.

Тот сначала легонько толкнул его в плечо. Лан перехватил руку и уперся. Зурр навалился всей тяжестью тела и вдруг вместо сопротивления почувствовал рывок вперед, и вот уже оба на земле. Мелькают руки, ноги.

Ребята суетятся вокруг, приседают, заглядывают, кто первым прижмет соперника коленом.

Мальчишки рады бы помочь Лану, да нельзя – поединок.

Зурра не любят, сторонятся его в играх, потому что, расшвирипев, он забывает о своей недюжинной силе. Над ним

посмеиваются за косноязычие и тугодумие.

Лан же – заводила всех развлечений, всеобщий любимец и весельчак.

Но в этот раз ему не повезло. Зурр крепко ухватил Лана сзади и опрокинул на землю, придавив коленом.

– Лан на земле, вах-ха! Зурр будет лучший охотник!..

Потом, усталые и разморенные теплом, долго лежали мальчишки на пахучем ворохе листьев и веток, и писклявые голоса малышей то уплывали в дремотную даль, то назойливо звучали где-то совсем рядом, над самым ухом.

От отчаянного визга Лан и Зор вскочили одновременно.

То, что увидели они, было страшно. Несколько крупных серых волков и среди них особенно громадный с седой мордой, отбив кучку мальчишек от остальных малышей, неторопливо гнали их вверх по ручью, в то время как другая часть стаи обходила беглецов со стороны холма.

Ребятишки рассыпались по склону и ничего не видели, кроме своих преследователей, страшных зверей, от которых, казалось, невозможно убежать.

Остальные малыши в сопровождении Муны и Ляды с истошными воплями мчались к жилищу.

Мельком глянув на сверстников, замерших в растерянности, Лан издал боевой клич ломким от волнения голосом.

И вот уже вся ватага, схватив, что было под руками, с воинственными криками бежит на выручку мальчишкам. На бегу они швыряют камни вдогонку волкам, но слишком да-

леко, и камни не долетают.

Из-за пригорка навстречу детенышам выскочила вторая группа волков, и обезумевшие от страха малыши резко повернули вправо, к ручью, по крутому склону. Мгновение, и один из мальчуганов, оступившись, кувырком покатился по откосу, и в следующий миг ближний к нему волк бросился на упавшего.



К этому времени расстояние между волками и преследу-

ющими их подростками сократилось настолько, что несколько камней упало среди зверей.

Камни и отчаянные крики заставили волков неспешно отступить.

Лан видел, как один крупный волк – это был Меченый, со светлым шрамом на плече – легко уносил за пригорок тельце маленького соплеменника.

«Тот самый, что унес моего брата», – мелькнуло в голове Лана.

До сих пор еще ни разу не нападали волки на людей так дерзко. Зима с ее голодом и холодом для людей и для зверей стояла на пороге Солнечной долины.

ИЗГНАНИЕ ИЗ СТАИ

Серые лесные волки собирались в стаю. Пролетело теплое обильное лето, подрос молодняк. Студеные ветры с севера торопят обитателей долины в путь.

Высоко, к самым снегам на вершинах, ушли козы и бараны. По первому снежку в ущелья двинутся кабаны, косули, олени. Лишь могучие лоси останутся в лесу и быстроногие зайцы.

Даже многочисленной волчьей стае не всегда по силам справиться с лосем, а заяц – не добыча для голодных волков, да и попробуй поймай его по глубокому снегу.

Бывает, голод заставляет стаю подниматься в предгорья и даже выше, в горы, но трудно волку, прирожденному степняку, настигнуть там добычу: козлы, косули, бараны легко взбираются по скалам, недоступным ему. Приходится хитрить, устраивать засады. Не обойтись тут и в одиночку или малочисленной группой. Вот почему каждую зиму собираются они в большую стаю.

Старый седой вожак с волчицей и сеголетками – основа стаи. К ним присоединился выводок волка-трехлетки и несколько одиноких холостяков. Среди них громадный, чуть-чуть уступающий вожаку волк с меткой на плече.

Это был пятилетний зверь, в длину почти двухметровый. Уже не раз Меченый вступал в бой с вожаком за главен-

ство в стае. В начале прошлой зимы, когда стая гнала антилоп к зарослям, где в засаде притаились волчицы с молодняком, Меченый осмелился опередить вожака.

Некоторое время они покусывали друг друга на бегу, а потом, озверев, схватились насмерть.

Охота сорвалась.

Ключья шерсти летели во все стороны. У вожака из уха хлестала кровь, Меченый поджимал укушенную лапу, но схватка продолжалась, пока волчица, старая подруга вожака, не подроспела к месту боя.

Меченый отступил, но тогда с ним ушла часть стаи.

В тот год ему не везло. Сначала стая трижды потерпела неудачу в охоте на сайгаков. Потом, уже сильно изголодавшиеся, по глубокому снегу волки погнали лося-великана.

Не рассчитали сил.

Защищаясь, лось, копытами убил трех молодых волков и двухлетнюю самочку, которая проявляла привязанность к Меченому.

Голодная стая тут же сожрала всех четверых неудачников.

Опять потянулись голодные и холодные дни и ночи.

Однажды в лесу они набрали на пиршество другой стаи, стаи вожака.

Вожак решил на невероятное – напал на спящего в берлоге медведя. Волкам удалось порвать горло сонному великану раньше, чем он проснулся.

Меченый наблюдал, как волки его стаи, поджав хвосты,

робко приближались к насытившимся уже победителям. Их не прогнали, и Меченый остался один.

Он гонялся за зайцами, жрал дохлую рыбу, выброшенную рекой, а когда голод не оставил ему иного выхода, он загрыз и съел лисицу.



О! Теперь это был не тот зверь, который претендовал на место вожака в стае. Шерсть свалялась, ребра выпирали наружу, брюхо словно прилипло к позвоночнику.

Вот тогда-то и встретился ему одноглазый шакал.

Меченый сначала пошел за шакалом, собираясь сожрать и его, но очень уж противный запах исходил от старого могильщика, пожирателя трупов.

Шакал вывел его к норам сусликов, они оказались не очень глубокими, и волку удалось откопать несколько спящих грызунов. Одноглазый удовольствовался жалкими объедками.

Не беда! Сегодня – жалкие объедки, завтра – обильные остатки от барана. Возле волка-одиночки, как и возле тигра, можно прокормиться. Этот сильный зверь справится с крупной добычей. Так и стали они охотиться вместе. Старый шакал одному ему известными тропами повел Меченого в горы, к теплому перевалу, к незамерзающему горному озеру. В зимнюю пору тут, бывало, собиралось на водопой немало копытных.

Места эти и вправду оказались благодатными: волк и шакал не голодали.

И теперь, к новой зиме, Меченый выглядел таким же гладким и сильным, каким он был год назад.

В начале зимы он снова примкнул к стае вожака: инстинкт неодолимо толкал его к сородичам. Вожак не прогнал одинокого волка, но относился к нему настороженно.

Эта осень была для Меченого удачной: он добыл свинью, подкараулил на водопое горного барана, унес двух детенышей человека. Сейчас вожак уже не справился бы с ним, со-

всем сдал старый волк... В тот день стая устремилась по свежим следам стада свиней. Меченый бежал рядом, отставая от вожака на полкорпуса. У оврага он ненароком толкнул седого волка плечом и присел на задние лапы, ожидая взбучки, но старик чуть ощерился, и только. Обнаглев от безнаказанности, Меченый смело обошел вожака и впереди всех устремился вперед.

Рассвирепев, старый вожак догнал и куснул нарушителя закона стаи.

И опять между ними вспыхнула драка. Неожиданно для Меченого в бой на стороне вожака вступили другие волки: все-таки он был для них еще чужаком.

Едва удалось ему спастись от разъяренных собратьев. Так он снова остался один. Нет, не один. Одноглазый шакал кружил неподалеку, не решаясь приблизиться к грозному зверю.

Да, они снова будут рыскать вдвоем по опустевшей зимней долине, гоняясь за зайцами и лисами, и снова голод погонит их к далекому горному озеру и дальше в зеленую долину, по другую сторону скалистого хребта.

СЛОВО ПРЕДКОВ

Так повелось в племени таж с давних времен и передавалось от отцов к детям. Власть вождя в племени оставалась непререкаемой.

Обычно вождем был лучший, опытнейший охотник. Он знал, как добыть зверя летом и особенно зимой, когда наступали стужи, устанавливал сроки сбора плодов и ягод. Он приказывал племени подниматься в большой переход на другое место, если нависла угроза со стороны враждебного племени, или наступал голод, или дивы начинали упорно мучить людей болезнями и надо было сбить их со следа. Он заботился о безопасности жилища, строго поддерживал обычаи и заповеди предков.

Все было так – это хорошо знал Черный Ворон, но он должен, должен изменить этот порядок, повернуть его по-своему. Разве малая власть у него в руках? Разве не он, Черный Ворон, сделал вождем Орла? Так почему же этот мальчишка смеет спорить с ним, ставит свою власть выше таинства, которым владели жрецы до него, и теперь владеет он, Черный Ворон?

Кто посмеет толковать Слово предков вопреки ему, вступающему в разговор с самими дивами?

Власть жреца должна быть сильнее власти вождя, хотя бы потому, что жрец остается жрецом до того самого дня, когда

наступает ему пора отправляться в пещеру предков. Вожди же меняются намного чаще: то зверь убьет, то дивы ночи нашьют на него болезни, то ошибется он и взбунтовавшееся голодное племя потребует сменить вождя.

Будет так, как решил! Он сам станет управлять и охотниками, и женщинами и распределять добычу... Случай, пусть только представится случай!

Мрачные мысли медленно поворачивались в голове Черного Ворона, злоба стесняла дыхание. Со стороны же казалось, будто он дремлет, сидя у огня и уронив голову на грудь.

Сумерки наступили быстро. Повалил густой снег. Женщины, ходившие за хворостом, вернулись промокшими и дрожали от холода.



Давно пора бы возвратиться охотникам, ведь ушли они ранним утром. Не беда ли какая?

Жены одна за другой с беспокойством взбирались и вслушивались в глухое безмолвие ненастной ночи.

Беспокойство охватило всех, кроме Черного Ворона.

Мудрый Аун выбрал самый большой смолистый факел, запалил у костра и велел Лану надежно укрепить его между камнями у входа. Факел шипел и сыпал огненными брызгами, чадное пламя извивалось на ветру, как живое существо.

Даже равнодушная ко всем и ко всему Зурра обеспокоенно прислушивалась к звукам снаружи.

Черный Ворон сидел, чуть покачиваясь из стороны в сторону, казалось, он пел заунывную песню голосом ветра, там, в снежной круговерти.

Зурра наклонилась и шепнула ему несколько слов. Он не реагировал.

Лан высунулся в лаз. Ни зги. Частые снежинки щекочут лицо. Как будто похолодало, да и снег теперь падает не крупными хлопьями, а мелкими колючими искрами.

Рядом появился Зурр, а следом за ним тяжело взобрался на шаткую каменную горку Мудрый Аун.

Старик подставил свою косматую голову ветру и жадно принюхивался.

– Скоро дивы перестанут бросать на землю снег, и факел будет видно далеко.

Зябко запахнувшись в потертую дырявую шкуру, старик стал спускаться. Лан последовал за ним. Люди копошились в темном чреве пещеры, приглушенно переговаривались. Гнеущая тишина царила в жилище, даже детеныши примолкли.

Двое охотников, оставленные для охраны жилища, стали собираться. Неужели они решили идти на поиски?!

Никто не заметил, как Зурра снова сказала что-то мужу.

Злобное громкое карканье заставило всех вздрогнуть.

– Крр-ра, кр-ра, крр-ра! – кричал Черный Ворон.

Глаза его были закрыты, и от этого карканье казалось особенно зловещим.

– Черный Ворон слышит беду. Горе вам, люди таж. Братья Оггру бродят рядом с вашим жилищем. Братья Оггру, хозяйка пещеры мертвых, хотят жертв. Женщины, Черный Ворон видит охотников. Скоро они будут здесь.

Непонятные, полные скрытой угрозы выкрики жреца посеяли страх и смятение в сердцах людей. Они даже не сразу бросились к лазу, так потрясли их и напугали обещания скорых бед.

А когда бросились, увидели на заснеженном склоне холма маленькие шевелящиеся фигурки.

По тому, как шли люди, понуро и молчаливо, чувствовалось – что-то случилось.

Многие побежали навстречу.

Охотники волокли шкуру, на которой лежала темная туша. Да это же человек! Это же вождь, Большой Орел!

Беда пришла в жилище людей. Завыли женщины. Лана выла громче всех, царапая себе лицо и грудь.

В свете костра осмотрели раны вождя. Он не подавал признаков жизни. От левого плеча поперек груди шел страшный рваный след от когтей тигра.

– Могучий тигр напал неожиданно, – рассказывал старый охотник Желтый Клык. – Если бы не храбрость Большого Орла, не все увидели бы снова жилище. Зверь украл нашу добычу. Тигр – презренный враг...

Черный Ворон и теперь не шевельнулся, хотя ему полагалось немедленно приниматься за раненого, пока злые дивы не проникли через раны внутрь, ведь тогда человек станет собственностью дивов.

Мудрый Аун принялся очищать раны вождя и велел охотникам принести в мешке из шкуры воды из ручья, а старухам – сушеных целебных трав и курения для священного огня, чтобы жрец мог прогнать братьев Оггру из жилища.

Большой Орел заскрипел зубами и несколько раз повернул голову из стороны в сторону от боли. Глаза его оставались закрытыми. Как видно, злые дивы уже успели причинить ему зло, проникнув через рану.



А Черный Ворон втайне ликовал. Теперь он один будет вершить власть в племени. И об этом он скажет сейчас.

Едва успел Мудрый Аун присыпать раны целебной золой, чтобы остановить кровь, как жрец поднялся во весь свой рост и возвестил громовым голосом:

– Черные дивы ночи жестоко карают племя таж. Беда и голод пришли в жилище...

Он широко раскрыл свои ужасные глаза и медленно обвел всех пристальным, проникающим в душу взором.

– В Слове предков спасение ваше! Пусть страх перед Словом всегда будет с вами!

Люди, как того требовал обычай, опустились на землю, садясь на пятки и держа руки на плечах крест-накрест, в знак внимания и смирения.

Из дальних углов к костру сползались все, кто понимал Слово, кто мог двигаться.

– Все вы видели, как вождь Большой Орел не захотел принести волка в жертву дивам ночи, и вот они наказали его, и братья Оггру забирают вождя к себе...

– О, спаси его, Черный Ворон, – жалобно простонала Лана.

– Нужно исполнить желание дивов. Приведите сюда волка! Все взоры обратились к Муне. Девочка съежилась, пыталась отползти в темноту, но люди сидели плотно и не пускали ее. Слезы текли по ее щекам.

– Нет, не я! Пусть это сделает Лан, он знает, где детеныш волка.

– Упрямая! – закричал жрец и бросил в костер пучок сухой травы, отчего искры столбом взвились к темным сводам. – Дивы зла накажут жестоко!

Лан поднялся и, ни на кого не глядя, побрел к выходу. Да и как быть, если в опасности жизнь вождя, жизнь отца?! Двое охотников запалили факелы и поспешили за ним.

От ярости на Муну розовый туман застлал глаза Черного Ворона. Теперь, когда он был единственным властителем над

этими людьми, казалось неправдоподобным, чтобы какая-то девчонка вторично отказалась подчиняться ему. О! Он не будет знать жалости. Пусть наконец непокорные понесут наказание.

– Мать Олениха велела всем людям таж хранить Слово предков, и я, Черный Ворон, сейчас скажу его вам: «Были великий лес и горы, закрывающие полнеба. Было Большое Солнце и много воды... Людей в племени было – как звезд на небе, как деревьев в лесу. Довольно было у них сладкого мяса, плодов и целебных трав...»

Жрец замолк. Он не забыл, что говорить дальше, он колебался, страшась гнева мертвых, которые все услышат через дыру. «Надо было хоть камнем завалить лаз в пещеру предков», – подумал он.

– «Но люди таж забыли Слово предков, не слушали и не боялись жреца, и разгневались дивы, и напустили ночь на солнце, и сотрясли землю. Настал великий голод и холод...»

Отступив от привычного повествования, жрец с ужасом почувствовал, что мысли у него путаются, а слова разбегаются. Он стал часто заикаться и останавливаться. Что говорить дальше?

Смешавшись окончательно, Черный Ворон стал нервно теребить рукой священный амулет и ожерелье из вороньих лапок.

– Страшные беды карают вас – голод, холод и болезни. Вот сегодня дивы покарали Большого Орла за нарушение

обычая: он привел в жилище живого волка...

Люди стали переглядываться. Не только Аун, который хорошо знал Слово, но и другие, кому не раз приходилось слышать его, со страхом и смущением ждали, что же будет дальше.

Робкие, а таких было немало, думали о предстоящих невзгодах и с надеждой ждали указаний сильных, теперь уж единственного сильного – жреца. Те, что посмелее, досадовали на забывчивость Черного Ворона и сердито поглядывали на него.

Только Мудрый Аун понял, куда клонит жрец, и что некому возразить ему, остановить, уличить в искажении Слова. Вождь по-прежнему не открывал глаз.

– Разве люди забыли заповеди племени, – неожиданно для себя крикнул старый Аун, – разве Черный Ворон не помнит таких слов: «За детеныша отдай женщину, за охотника отдай детеныша, Слово же сохрани!» Всем надлежит соблюдать заповеди мудрых.

Это был жестокий удар. Хилый старец осмелился перечить жрецу, осмелился перебить его...

Ропот пробежал среди людей. В тусклом свете погасшего костра замелькали встревоженные лица.

В этой напряженной обстановке никто не заметил, как вернулись Лан и охотники. Только Муна скользнула к выходу пещеры мимо скулящего от страха, полузадушенного кожаной петлей волчонка, боясь увидеть кровавую расправу

над своим любимцем.

Громадным усилием Черный Ворон подавил в себе дикую вспышку гнева и, преодолев замешательство, приказал глухо:

– Пусть старец Аун приготовит все, чтобы принести волка в жертву дивам Оггру, пока они не забрали к себе Орла.

Потрясенный еще собственной смелостью, Мудрый Аун поспешно взял поводок волчонка и факел из рук одного из охотников, потащил обреченного зверька к лазу в пещеру предков.

Как только Аун скрылся, Черный Ворон воздел руки кверху и возопил:

– Чую, чую, братья, дух дивов ночи в жилище нашем. Они мутят разум мой, чтобы погубить всех нас. Много жертв принесут люди таж, но отведут дивов от своего жилища... Пусть Лана, жена вождя, воскурит на жертвенном огне душистые травы, а я совершу таинство над раненым.

И он рухнул возле распростертого тела в притворном горестном отчаянии.

Клубы белого душистого дыма поплыли по пещере... На жертвенном камне заплясал, разгораясь, юркий, не ко времени веселый огонек.

Лан вздрогнул от прикосновения чьих-то холодных пальцев. Рядом стояла продрогшая Муна.

– Там близко большой зверь – тигр.

Лан забеспокоился, но помешать Черному Ворону, скло-

нившемуся над раненым отцом, не решился.

Стояла тишина, только треск сухих сучьев в огне нарушал ее.

– Они убили детеныша волка? – шепотом спросила Муна.

– Аун потащил его в пещеру предков.

Лан поразился суровому и решительному выражению лица девочки.

– Я пойду... к Ауну.

– Тебя тоже убьют, если ты пойдешь туда. Муна исчезла в клубах дыма.

Лан колебался недолго, всего лишь миг, но возле лаза в пещеру предков ее уже не было. «Неужели она решалась войти туда?» Мальчик содрогнулся при этой мысли.

В тот же момент в темноте лаза мелькнул красноватый отблеск огня, и вскоре оттуда показался Мудрый Аун.

Лан притаился в ближайшей нише.

Старик укрепил факел между камнями и устало поплелся к костру, еле видимому сквозь белесый дым.

Черный Ворон уже кончил шептать таинственные слова над раненым, поднялся на ноги и медленно начал кружить вокруг костра под мерный стук бумбы.

По мере того как удары учащались, он приплясывал все быстрее, в руках у него появился небольшой лоскут кожи, растянутый на дуге лука, и в глухое постукивание колотушки вплелся звонкий дробный перестук жреческого тум-тума – барабана. Время от времени Черный Ворон выкрики-

вал непонятные гортанные слова или оглушительно, надсадно каркал.

Люди с покрасневшими от дыма и напряжения глазами мерно раскачивались из стороны в сторону и глухо подвывали в такт жутковатого перестукивания тум-тума и бумбы.

Вдруг оглушительный рык поверг людей ниц. Свирепая усатая морда зверя показалась в отверстии входа. Красная пасть широко раскрыта, тускло, устрашающе поблескивают громадные, изогнутые книзу клыки.

Вопль испуга и смятения приятно зазвенел в ушах зверя.

Овладев собой, охотники стали бросать в тигра горящие головешки, и тигриная морда исчезла.

– Там Муна, дочь моя! – отчаянно, звонко закричала Яна. Крик женщины подстегнул охотников, и они с воинственными воплями, неся перед собой пылающие факелы, стали подниматься по каменной насыпи к отверстию, куда только что заглядывал зверь. Однако дальше входа в пещеру никто из них идти не решался: тигр не собирался уходить, и он был не один. Неподалеку, прямо на снегу, тигрица только что закончила свое кровавое пиршество. В кустах темными тенями мелькали шакалы, дожидаясь объедков.



Другие женщины тоже стали искать своих детей. Вой и плач поднялся в жилище: оказалось, кроме Муны, пропали также Лан и Зурр.

Кто-то видел, как Муна спешила уйти из пещеры, боясь увидеть расправу над волчонком. Кто-то видел Лана стоящим неподалеку от входа, когда он и охотники вернулись со зверенышем. Кто-то видел Зурра ожидающим у входа возвращения Лана с волчонком.

Исчезновение любимца и воспитанника поразило Мудрого Ауна. Исчез мальчик, в которого он вложил всю теплоту, всю радость, все премудрости предков – жизнь свою.

Больно кольнуло в бок, гневом запылало лицо.

– Где Черный Ворон? – громко крикнул Аун. – Это я, сын великого жреца Ухо Дива, зову его...

Напуганный тигром и не оправившийся еще от страха, Черный Ворон неуверенно ступил в круг, освещенный костром.

– Разве не великий Ухо Дива, отец мой, передал тебе священный тум-тум? Разве для того много раз говорил я тебе Слово предков, чтобы ты искажил его? Разве для того ты жрец, чтобы губить детенышей наших? Отвечай! Уж лучше бы сам я, слепой и хворый, стал жрецом...

В непритворном страхе Черный Ворон поднял руки к лицу, как бы защищаясь от удара.

– Что ты, что говоришь ты, старец Аун? – скороговоркой залепетал перепуганный жрец. – Или дивы затуманили и твой разум? Все беды наши от того, что в жилище людей привели живого зверя... Дивы карают за это.

В этот момент раненый застонал и открыл глаза.

– Вот, – обрадовался Черный Ворон, – теперь все видят, дивы приняли жертву, и я прогнал братьев Оггру от нашего вождя.

Аун заколебался. Черный Ворон вмиг почувствовал это.

– Жертва волка угодна дивам! – громко воскликнул Чер-

ный Ворон.

– Но я не умертвил волка, а только привязал его там, – обескураженно и виновато промолвил Аун.

– Так пойдем скорее совершим таинство, – заторопился жрец.

И они скрылись в пещере предков.

Вернулся Черный Ворон один. Оглядев молчаливых соплеменников, он сказал:

– Старый Аун захотел принести себя в жертву дивам Огг-ру, чтобы вождь остался с нами. Наш Мудрый Аун остался в пещере предков.

Черный Ворон опустился на землю и горестно обхватил голову руками.

Люди забеспокоились. Старый Оор приблизился к лазу и позвал тонким, дрожащим голосом:

– Аун, Мудрый Аун, приди к ним! Глухая тишина была ответом.

– Чтобы дивы не забрали нашего вождя, надо камнями завалить вход в пещеру предков, – сказал Черный Ворон и, видя нерешительность людей, прикрикнул грозно: – Ну, скорее же!

ЗАМУРОВАННЫЕ

Мы оставили Лана в раздумье перед лазом в пещеру предков. Он соображал тогда, могла ли Муна решиться войти внутрь таинственной пещеры? Ведь женщины не смеют при жизни видеть Слово. Или же она затерялась в дыму, среди взрослых?

Но рассуждать некогда. Мальчик схватил горящий факел Ауна и скользнул в узкий проход.

Высоко поднятый над головой, огонь неверными бликами плясал на выступах громадной каменной пещеры.

Со стен величественно и мрачно глядели звери и птицы, высеченные умелой рукой Мудрого Ауна, сцены из жизни племени, такие памятные и понятные после терпеливых пояснений и рассказов доброго старика. Но девочки здесь не было.

– Муна, – глухо позвал Лан. Только эхо прошелестело в ответ.

Мальчик собирался уже вернуться назад, как вдруг ему показалось, будто он услышал тихое повизгивание. «Надо взглянуть подальше».

Чем дальше он продвигался в глубь пещеры, тем страшнее ему становилось. Своды то снижались настолько, что язык факела начинал лизать камни, то уходили в темную, сумрачную высоту.

Вот Лан добрался до бокового прохода вправо, заглянул: пусто, каменные глыбы громоздятся на покатам полу, где-то внизу тихонько журчит вода.

И опять услышал Лан негромкое повизгивание, на этот раз явственно. Пошел на звук и очутился перед другим боковым проходом, теперь уж влево от главной пещеры.

Свет факела выхватил из мрака белый костяк лося и за ним, в дальнем углу, – Муну и доверчиво прижимающегося к ней волчонка. Оба с испугом глядели на огонь.

– Уходи. Если тебя найдут здесь...

Лицо у Муны было бледное. Она знала, на что решилась. Прерывистым от волнения голосом сказала:

– Спрячь нас. Ночью я незаметно выберусь отсюда...

Муна уже поняла всю опасность своей затеи и дрожала от страха.

Мысли мальчика путались от волнения. Зачем-то ему подумалось, что этот лось, которого добыли охотники четыре луны назад, принес большую радость всему племени. Вдоволь было еды. Этот скелет – на нем до сих пор еще сохранились лоскутки завялившегося мяса – принесли в жертву злым духам дивам ночи и братьям Оггру.

К скелету старый Аун привязал волчонка: на белой кости еще болтался лоскуток от ремешка. Наверное, Муна не могла развязать узелок в темноте и просто перегрызла ремешок.

– А волк?.. – наконец спросил Лан.

– Звереныш мог ведь и сам перегрызть ремешок.

– Твоя правда, – живо отозвался мальчик.

Еще раз взглянув на рыжего волчонка, прижавшегося к Муне, будто это сестра его или мать-волчица, Лан окончательно решил помочь девочке.

В пещере послышались отдаленные голоса. Это Черный Ворон. Вот-вот он будет здесь.

– Бежим скорее! – Мальчик метнулся в глубину основного прохода, забыв даже погасить факел.

Они бежали куда-то все вниз и вниз. Спотыкались и падали. Вскакивали и снова бежали...

Остановились только тогда, когда, поскользнувшись на мокрых камнях, Лан растянулся во весь рост и выпустил из рук факел. Тот зашипел и едва не погас.



Выбрали место посуше и присели передохнуть. Со стоном Лан потирал ушибленные руки и бок. Тут впервые услышали они, как будто из под чьей-то ноги выкатился камень.

– Это жилище мертвых! – холодея, прошептал Лан.

И на миг им показалось заманчивым снова оказаться в родной пещере, пусть даже лицом к лицу с Черным Вороном.

Затаив дыхание они долго прислушивались, но ничего больше не услышали, кроме гулких ударов в собственной груди.

– Здесь оставим волка, – сказал Лан.

Муна устало кивнула.

Долго мальчик старался привязать ремешок за камень, чтобы волчонок не увязался за Муной, когда они пойдут обратно, но это было нелегко. Наконец ему удалось кое-как закрепить конец ремешка в камнях. Лан очень спешил, ведь их уже могли хватиться.

– Пошли!

Но куда идти? Мурашки побежали по спине мальчика. Только сейчас он отчетливо сообразил, что обратной дороги ему не найти: сколько поворотов, спусков и подъемов прошли-пробежали они!

– Ну, что же ты? – повернулась к нему Муна.

– Не знаю... куда идти, – с трудом выдавил из себя Лан. Муна не поняла его или не расслышала, во всяком случае, она не испугалась, главное – жрец не убил волчонка.

– Погляди, детеныш волка отвязался! – воскликнула де-

вочка, когда они немного прошли.

Лан махнул рукой в раздражении. Об этом ли теперь думать! И снова они в пути.

– Вот тот камень, – шепнула Муна, – тут я поскользнулась.

– Это не здесь. Видишь – сухо, не скользко. О! Как бы ему хотелось, чтобы она была права. Поворот, опять поворот. Куда идти?

Откуда-то сверху донесся приглушенный крик боли. В ужасе они снова прислушались... Тихо. Но вот еще – не то вздох, не то стон.

От страха Муна опустилась на камни. В черноте бесконечной пещеры мерещились ей невиданные чудища. Может, это и есть дивы ночи или братья Оггру?..

Лан с опаской поглядывал на свой факел: смола выгорела и теперь горело дерево, да и его осталось всего с локоть. Еще немного, и наступит темень – и тогда... Страшно подумать.

Вдруг волк, который устроился на камнях возле Муны, вскочил и оскалился в темноту, шерсть на загривке встала дыбом.

– Что с ним? Может, там зверь? – прошептал Лан.

– Не знаю. Пустить его? Он хочет идти туда.

Не успел Лан ответить, как из темноты послышался знакомый голос:

– Зурр я! Зурр!

Лан вскочил. Не хитрости ли это дивов Оггру?

– Покажись нам, иди к огню! Послышался стон.

Наклонив деревяшку, чтобы разгорелось ярче, Лан осторожно двинулся на звук.

И правда, это был Зурр! Но как он выглядел! На лбу кровоподтек, нога окровавлена и распухла, руки в ссадинах.

– Шакал, – разъярился Лан, – ты крался за нами?

– Сордо, сордо! – с трудом выговорил Зурр и вдруг зарыдал.

– Знай – я избранник Мудрого Ауна, – обескураженно говорил Лан. Не удивительно, что Зурр угрожает им с Муной суровым осуждением племени – сордо. Но почему он плачет? – Мудрый Аун посвятил меня в тайны предков, научил говорить Слово. Смею ходить сюда... Аун скажет то же...

– Нет! – Зурр вскочил, сжав руками голову, и с криком боли рухнул на камни.

Лан окончательно растерялся: в глазах мальчишки он увидел боль и отчаяние. Зурр вел себя непонятно. Быть не может, чтобы он плакал от боли.

– Тебе очень больно, Зурр? – участливо спросила Муна. Зурр ничего не ответил. Он лежал, плотно закрыв лицо руками, и спина его вздрагивала.

В этот момент пламя лизнуло пальцы, и Лан выронил огарок.

Липкая чернота заполнила тесное пространство: исчезли своды пещеры, камни, лужи. Каждому из троих показалось, будто он один в этой непроглядной темени, и они стали окликать друг друга и немного успокоились лишь тогда, когда

коснулись друг друга.

Сколько времени плутали они в кромешной темноте? Им казалось, очень долго. Двигались медленно, крепко держась за руки или за лоскут одежды.

Зурр еле ковылял. Ушибленная нога на ощупь представлялась вдвое толще здоровой.

Вскоре выяснилось, что волк лучше ребят находит дорогу в темноте и ведет их безошибочно по невидимому проходу. По крайней мере, следуя за ним, они не натываются на стены.

– Свет! Там свет! – крикнула вдруг Муна.

И верно, впереди обозначилось призрачное багровое пятно.

Лан почувствовал, как снова вздрогнул Зурр.

Да, они вернулись в пещеру предков: вот глубокая каменная ниша, где Лан нашел Муну и волчонка, в рассеянном свете смутно белеет костяк лося.

Мальчик вспомнил о кусочках вяленого мяса, которые он видел на мощных костях лесного великана лося, и в животе у него засосало.

Но что там, впереди? Лан прислушался. Ни звука. Осторожно выглянул из-за угла и невольно вскрикнул: на холодных камнях посреди лужи крови в беспомощной позе лежал Мудрый Аун.

ПОСЛЕДНЯЯ ТАЙНА МУДРОГО АУНА

Забыв осторожность, мальчик громко позвал старика.

– Мудрый Аун умер! – в отчаянии крикнул он в темноту, где ждали его Зурр и Муна.

Но нет, Аун не умер. Со стоном он открыл глаза, мутные, подслеповатые, и не удивился, увидев рядом троих ребят.

– Что случилось с тобой? – наклонился Лан к старцу.

Тот молчал, собираясь с силами, взгляд его был жестким и суровым.

– Черный Ворон нарушил древний завет племени – пролил кровь соплеменника, ударил сзади, как трус. – Бесцветный тихий голос Ауна шелестел, словно листва на ветру. – Сордо! Он должен быть прогнан от людей, чтобы жить ему одному... Пойдите приведите сюда охотников.

«Так вот чего боялся Зурр! Он видел, как его отец ударил Мудрого Ауна», – подумал Лан.

Сейчас лицо Зурра было каменно-непроницаемым.

Муна с яростным криком бросилась к лазу, но вдруг крик ее оборвался.

– Тут... тут нет хода... – шепотом сказала она. И закричала тонко, отчаянно: – Тут камни!

Лан в несколько прыжков подскочил к отверстию, которое недавно было ходом, и с ужасом убедился, что узкий лаз на-

глухо завален каменными глыбами. Он остервенело царапал камни ногтями, кричал и призывал на помощь добрых дивов, но ни единого ответного звука не доносилось из завала.

В отчаянии вернулся он к Ауну. Ужас цепко схватил его за горло, будто злобный зверь, будто свирепая рысь.

– Там камни, там только камни. Мы не можем пройти в жилище, – тряс он старика за плечо и звал его, звал.

С трудом открыл глаза Аун и долго глядел на мальчика, как бы не понимая слов.

Только Зурр не проронил ни звука. Он по-прежнему стоял перед Ауном каменной глыбой.

Долго отчаянные вопли Муны доносились со стороны завала, наконец и она затихла. Голова ее бессильно поникла.

– Лан, Зурр, Муна, – позвал старец. – Укройте меня шкурой и немного согрейте ноги огнем... Вот, глядите, – указал он глазами на спокойное пламя факела, – див ветра Сийю перестал дуть на огонь. Перестал дуть потому, что закрыт ход в жилище. Но Сийю приходит оттуда, из глубокой пещеры: там есть дыра. Найдите ее... Зурр, Муна, вы должны знать – Лану, маленькому Орлу, доверил я тайны племени... Никто не знает того, что случилось тут, только вы. В жертвенной пещере возьмите вяленого мяса – это говорит вам Аун, сын великого жреца Ухо Дива, – мертвые не рассердятся на вас. Никто не знает, далек ли будет ваш путь... Так нужно для племени. Там же найдете вы довольно факелов...

Долго собирался Аун с силами, прежде чем заговорил

вновь. Губы старика кривились, веки подрагивали, по щеке скатилась слеза слабости, единственная слеза.

– Младший брат мой, мальчик мой! Ухожу к предкам раньше, чем собирался... ты знаешь великие мудрости. Крепко помни, что говорил тебе я. Сохрани для людей Слово, и заповеди, и многие мудрости. Повторяй их без усталости Зурру и Муне: если пропадет один – донесет другой. Да покарает племя Черного Ворона не для Ауна – для людей! Пусть останется тут только Лан...

Зурр и Муна поспешно отошли в темноту пещеры.

– ...Теперь скажу тебе большую тайну, последнюю... Пойди в пустую пещеру, где журчит вода. Там внизу, за камнем, найдешь ты Вещь. Принеси ее сюда...

Лан видел, с каким трудом говорит Аун, сколько сил тратит он на каждое слово. Лицо его осунулось, и нос заострился. Это был прежний Аун и в то же время другой, не похожий на него старик.

Лан быстро нашел Вещь, о которой говорил Мудрый Аун, – какое-то непонятное переплетение палок и жил. Одна гибкая палочка, концы которой стягивала тонкая жила, напоминала Лану лук, с детства знакомую, любимую игрушку. Тетива этого маленького лучка петлей охватывала прямую палочку. Один конец палочки входил в углубление длинной палки, второй – утонул в отверстии трухлявой колоды.

– Рукой прижми длинную палку, двигай лучок вперед и назад... Ну!.. Не прижимай сильно. Быстрее... Еще...

Прямая палочка волчком закрутилась, зажужжала.

Это казалось забавой, неуместной сейчас, в гнетущей обстановке тяжелой беды. Но как только Лан замедлял движение правой руки, старик сердито подгонял его.

Неожиданно мальчик заметил тонкую струйку дыма, потянувшуюся от дырки в трухлявой колоде, а затем и крохотную слабую искорку огня. Он наклонился и подул на искру, она росла на глазах, становилась ярче. Лан поднес к ней крохотный кусочек сухого мха, оказавшийся на колоде, и вдруг вспыхнул маленький настоящий огонек.



Как безумный, Лан метнулся в угол, схватил несколько тонких веточек с сухими листьями...

Огонек рос – это уже был маленький костер.

О чудо! Великое чудо!

– Помни главную заповедь Слова: «...ищите дорогу в страну предков...» – тихо промолвил Аун.

Лан кивнул и снова метнулся, поднял огарок старого факела и торопливо сунул его в только что родившееся пламя.

Восторгу его не было предела. Значит, владея этой Вещью, он становится властелином огня, младшего брата самого Солнца. Он сможет возжечь огонь по своему желанию, когда и где понадобится.

Потрясенный, Лан обернулся к Мудрому Ауну с сияющим, удивленным лицом.

Старик был мертв. Детская наивная улыбка застыла в его глазах.

Откуда-то из глубины живота у мальчика исторглось тяжелое, болезненное рыдание, непривычное и непонятное. Он помнил свои детские слезы – они лились легко и свободно. Но теперь...

Он не знал еще, что так плачут мужчины-охотники.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ СТРАНА ПРЕДКОВ

ВЕЛИКИЙ ДИВ – СОЛНЦЕ

Искать дыру, в которую влетал Сийю, – вот что им делать!

Мудрый Аун сказал – дыра есть. Они найдут ее. Теперь им не так страшна черная пещера, как раньше: великая Вещь, рождающая огонь, в руках Лана. Не беда, что вяленого мяса всего несколько горстей, они скоро найдут дыру.

Они найдут дыру, чтобы вернуться к племени и сказать справедливое слово: сордо!

Они найдут дыру, чтобы люди таж прогнали Черного Ворона, пролившего кровь соплеменника.

Они найдут дыру, чтобы вместе с Ауном не умерли тайны племени, не умерла великая тайна рождения маленького огня, брата Солнца.

Тяжко на душе у Лана. Горькое, еще неизвестное ему чувство утраты, непоправимое и безысходное, камнем залегло в груди.

Совсем недавно принесли раненого отца. Но ранения на охоте не были редкостью, к ним привыкли. Бывало, и погибали люди. Беды во время охоты были обычны, к ним всегда

готовы. Женщины в таких случаях вопили и плакали. Мужчины сдержанно переживали несчастья.

А тут умер старый Аун. Нет, не умер – убит соплеменником!

Кем был он для Лана? Что сделал для него? Старик не давал ему сладкую печень молодого оленя, не мастерил для него настоящего лука со стрелами, как отец. Он говорил древние, непонятные сказы.

Что-то особенное было в них. Лану не всегда удавалось осмыслить до конца сказанное Мудрым Ауном. Часто он просто запоминал притчи и заповеди, чутьем ощущая их значимость и силу.

Еще вчера разговоры со стариком служили ему забавой, необычным развлечением, увлекательным, как их мальчишеская игра в охотников. А сегодня – он единственный, кто может сохранить для племени важные тайны и среди них – тайну рождения огня.

Эти тайны – жизнь племени!

Своими сказами, притчами, заветами, своим отношением к окружающему, такому непонятному и загадочному, Аун осветил для мальчика полную лишений жизнь новым заманчивым смыслом, зажег интерес к мудрому, таинственному и всесильному чуду – познанию. Лан тянулся к старику, как тянется к солнцу былинка из-под камня.

И теперь тайны предков, тайны многих безвестных Мудрых Аунов непосильным грузом легли на его неокрепшие

плечи, и мысль, что ему не донести их до племени, приводила его в отчаяние...

Они пошли. Медленно, потому что Зурру идти трудно, потому что нелегко уйти от лаза в родное жилище, уйти в угрожающую и глухую темень.

Только теперь Муна вспомнила о волчонке, поискала его глазами и не нашла. Он исчез. Про него просто забыли в горестной нервной сутолоке.

Шли до изнеможения, до тех пор, пока двигались ноги. Много раз и Лан, и Муна, и Зурр падали, оступившись на неровностях каменных нагромождений. Однажды Муна свалилась в яму, наполненную водой, и с трудом выбралась оттуда.

Они то поднимались куда-то вверх, то спускались по наклонным скользким коридорам. Много раз пещера разветвлялась на два, а то и три хода, и приходилось выбирать, куда повернуть. Несколько раз возвращались обратно, потому что забирались в тупик или проход сужался настолько, что протиснуться дальше было невозможно.

Наконец Зурр лег на камни и не смог подняться. Нога у него к этому времени ужасно раздулась.

Съев по горсти вяленого мяса, ребята заснули, примостившись между камней, кто как сумел. Даже холод не помешал всепобеждающему сну... Волчонок не убежал от людей. Когда все почему-то забыли про него, он принялся с наслаждением обглаживать громадный костяк. Острые зубы

быстро отдирали лоскутки мяса и хрящей в ложбинках между позвоночниками. Сначала он жрал торопливо, жадно, потом, уже насытившись настолько, что бока его раздулись, он ухватил большую кость и поволок ее в темноту, подальше от сполохов огня, которые страшили его и беспокоили.

Устроился волк в расщелине, у основания каменной стены. Лениво поглодал холодную голую кость и задремал. Разбудили его шаги, прошелестевшие мимо, и страшные оранжевые блики пламени.

Волчонок вжался в камни, даже глаза зажмурил от страха. Но вот шаги затихли вдалеке, и слабое красноватое мерцание уже чуть заметно мелькало на каменных выступах пола и стен. Он выбрался из своего укрытия. Никого. Снова вернулся к скелету, лениво поглодал хребет лося и прислушался к смутному беспокойству, которое толкало его вслед за Людьми.

Не темень, нет. Глухая тишина – вот что пугало его. Смутное ощущение одиночества, незащитности понуждало волчонка бежать на запах Муны, самый манящий, самый памятный сейчас запах.

О, это было совсем нетрудно. Звереныш бежал по свежим следам девочки так же верно, как мы пробирались бы по лабиринту при помощи шнурка, протянутого от входа.



Вскоре он снова увидел огонь. Волчонок так и не решился приблизиться к людям, пока пламя не угасло.

Уже в темноте нашел он Муну и доверчиво привалился к ней теплой, будто под бок волчицы.

Спали ребята тревожно. Лан вздрагивал во сне и плакал. Зурр вскрикивал, часто просыпаясь от боли в ноге. Муне снилась мать и родное жилище. Большой костер горел у входа. Как хорошо согревает он ей бок! Она хочет повернуться к огню другим боком, но почему-то не может. Проснулась

в темноте, ужаснулась. Они проспали, и огонь умер. Тихо заплакала, обняв волчонка. Она плакала и прислушивалась к сонному бормотанию мальчишек и горестно поглаживала шелковистую шерсть зверя: значит, он не убежал, как они думали, он нашел ее.

Сама не заметила, как уснула снова, но теперь сон ее был беспокойным и страшным.

Лана разбудил жестокий холод. Ноги застыли так, что он перестал их чувствовать. Нащупав в темноте заветную Вещь, рождающую огонь, мальчик принялся двигать взад и вперед лучок, с восторгом вслушиваясь, как жужжит палочка в мягкой древесине бруса.

Работа и волнение согрели Лана. Вскоре он почувствовал слабый запах гари и увидел чуть заметное свечение тлеющего дерева. Вот оно, рождение огня!

Лан наклонился и усердно принялся раздувать крохотные искорки. На глазах они вырастали, ширились и приятно веяли дымком.

Да, но разжечь огонь нечем: нет сухого мха, нет бересты, хвороста. Это не очень огорчило мальчика, он упивался самой возможностью непонятным волшебным способом получить тлеющие искры.

Проснулись ребята.

– Бо-бо-бо! – жалобно сказал Зурр. – Огонь умер?

– Ничего, – успокоил его Лан, – Аун дал нам Вещь, из нее получается маленький новый огонь.

Невидимая в темноте Муна сообщила о возвращении волчонка.

– Сладкое мясо – хорошо, – откликнулся Зурр. – Крепко держи – убежит...

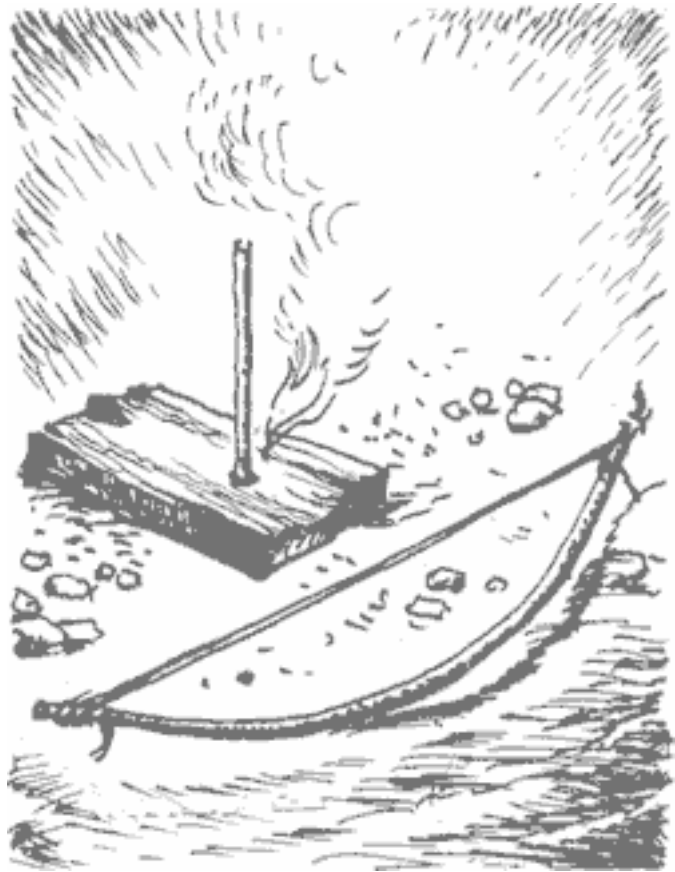
Зубами Лан отщипывал от палки факела крохотные щепочки, скоро набралась полная пригоршня. Он сушил их теплом своего тела и мельчил в ладонях.

Потом он снова быстро вращал лучком палочку в бруссе и терпеливо раздувал маленькие слабые искорки, осторожно подсовывал поближе к ним мелкую щепу.

В ушах звенело, голова кружилась, но Лан настойчиво продолжал трудиться.

Вот он закашлялся дымом, вот вспыхнул и тут же погас первый маленький огонек.

Зурр и Муна со страхом и удивлением глядели, как в темноте все ярче разгораются оранжевые точки. Лан пыхтел и сопел, но ничего, кроме нескольких красных светлячков, не было видно.



И вдруг из роя светлячков возникло крохотное пламя и скупое осветило бронзовое лицо Ла-на. Огонек то разгорал-

ся, то пригасал. Лан не переставал дуть на него, пока пламя не охватило горсточки щепы, и тогда – это уже было хорошо видно – мальчик поднес к пламени факел. Несколько мгновений – и синеватые язычки пробежались по смолистой оголовку, раз, два – и вот вспыхнуло большое настоящее пламя. Широко раскрытыми глазами глядел Зурр. Если бы вот сейчас произошел обвал или случилось наводнение, он не поразился бы так, как поразился рождению огня из загадочных крошечных светлячков.

Зурр подполз к горящему факелу и сунул палец в огонь. – Вах-ха! – Пламя настоящее, жжется. В голове у Зурра неуклюже ворочались недоуменные мысли: «Лан это сделал, не жрец, не вождь – детеныш!» Медлительный ум его не связывал появление огня с хитроумно перевязанными палками – непонятной вещью у ног Лана. Огонь как бы возник из ничего, силой таинства и волшебства. Конечно же, это проделки добрых дивов! Муна крепко прижимала к себе дрожащего от страха и вырывающегося волчонка. Звереныш привязался к девочке той врожденной щенячьей привязанностью, которая связывает малышей с матерью, но стоило ему увидеть огонь, как еще более сильное чувство – древний инстинкт самосохранения погнал его прочь от опасности, но Муна не отпускала его.

Наконец Лан поднял глаза на своих попутчиков, счастливые и смеющиеся. Он самостоятельно повторил чудо Мудрого Ауна! Он сможет повторить его еще и еще!

При свете факела они съели остатки вяленого мяса и напились из ближней лужицы.

Муна поделилась едой с волчонком. Тот проглотил свой кусочек, не жуя, и уставился голодными глазами на остатки мяса в руке девочки. И этот кусок достался зверю.

Зурр крикнул от досады...

Как узнать в подземелье, ночь сейчас или день? Ребята шли и шли, садились отдыхать, засыпали и опять шли. Сколько прошло дней, как они плутали в пещере, кто может сказать? Много. Больше все мучил их голод. На одном из привалов Зурр взбунтовался.

– Хочу мяса, – решительно заявил он. – Убьем зверя! Муна прижала волчонка к себе, решительно тряхнула головой.

– Нет! Не дам звереныша. – В непроглядно-черных зрачках полыхнул злой огонь. – Уйду без вас.

Лан молчал. Раздумывал.

– Сейчас убивать нельзя!..

И вдруг Зурр заплакал.

Большой, сильный и выносливый, он не мог больше переносить мук голода. Он готов был наброситься на волчонка и больно, до крови укусить его, чтобы хоть на миг ощутить на губах приятный вкус. Он так и сделал бы, наверное, но теперь Муна с волчонком держались поодаль.

– Не сейчас, – повторил Лан. – Мы еще можем идти. Но когда не станет сил, мы возьмем его кровь и его мясо... Так надо, Муна! Смотри не отпусти звереныша. Мы должны вер-

нуться к племени.

Опухоль на коленке Зурра уменьшилась, и болела нога меньше.

– Надо идти. – Лан подхватил Вещь.

Зурр поднялся, нехотя взял факелы: их осталось совсем немного, всего три.

Голодные, они старались идти быстрее, спешили. Теперь им уже не казалось, что вот за тем поворотом они наконец увидят свет. Позади осталось несчетное число поворотов, а дыра все не появлялась.

У очередной развилки остановились передохнуть. Что-то часто они отдыхают! Лан хотел повернуть в более просторный проход, но заметил, что волк тянет Муну в другую сторону, к узкому отверстию. Лан помнил, как зверь находил дорогу в темноте, как он привел их к Зурру, а потом помог вернуться в пещеру предков. Может, и теперь зверь показывает верный путь, хотя непонятно, как он может его знать.

Запалив новый факел от огарка, Лан свернул в тот проход, куда стремился волк. Скоро пещера сузилась настолько, что пришлось идти согнувшись.

От такой ходьбы у Зурра снова стала побаливать нога.

«Надо было идти в широкий проход, здесь только зверю удобно бежать», – подумал Лан.

У очередной развилки он сам выбрал направление, хотя зверь тянул Муну в узкую дыру.

Коридор, куда они свернули, с каждым шагом становился

выше и просторнее, и вот они уже вышли в обширную пещеру с желтыми гладкими столбами. Таких пещер много встречалось им на пути. И опять надо решать, куда сворачивать, какое из трех возможных направлений выбрать?

Присели передохнуть.

Неожиданно между камней Лан увидел огарок факела. Сомнений не было – это их огарок. Они уже побывали тут, в этой пещере.

Холодный пот выступил на лбу: значит, они напрасно сожгли два факела, впустую потратили силы.

Осторожно, чтобы не заметили Зурр и Муна, мальчик прикрыл огарок ногой и задвинул его под камень. Оглянувшись на волчонка. Только на него надеялся теперь Лан, на него да на добрых дивов.

А волчонок, поводя черным носом, принюхивался к чему-то и тянулся к тому узкому проходу, куда они уже сворачивали однажды. Лан передал факел Муне, а сам взялся за кожаный ремешок зверька. Напуганный страшным открытием, мальчик окончательно решил довериться непонятной способности волка находить дорогу.

Шли узкой пещерой, и Лан узнавал ее, в то время как его спутники и не подозревали, что идут этим путем вторично.

Может быть, они давно уже кружат по одним и тем же подземным ходам и суждено им погибнуть? Но нет, Лан не станет слушать шепота злых дивов, от которого тяжелеют ноги и туманится разум, от которого хочется лечь на острые кам-

ни и умереть.

Вот здесь они свернули в широкий проход, а волк ведет их к узкой дыре. С трудом Лан протиснулся вслед за зверенышем и обернулся к Муне. С факелом в руках девочка медленно пробиралась через узкую щель.

Факел осветил небольшую пещеру, из нее было два выхода, если не считать того, которым они проникли сюда.

Но что это! Огонь факела ожил: он трепетал и извивался. Сийю, див ветра Сийю играл пламенем. Лан вдруг захохотал и выхватил факел из рук девочки.

– Глядите – Сийю! Дует Сийю! Значит, дыра близко, значит, волк ведет верно!

Муна радовалась вдвойне, ведь это волчонок, ее волчонок, вывел их на правильный путь.

Теперь они не шли, а бежали, вернее, им казалось, будто они бегут, потому что сил осталось совсем мало.

Теперь, кроме волка, еще див Сийю указывал им путь, добродушно играя пламенем.

Но скоро у них не будет огня, потому что догорает последний факел. Никто из троих не звал передохнуть. Даже Зурр не напоминал о своей больной ноге, даже Муна, сжав зубы, старалась не отставать, Даже Лан перестал слушать коварный шепот дивов ночи.

Волк порезал свои лапы об острые камни, кровавые следы оставались на серой поверхности пола пещеры, где проходил бедный зверь. Во время коротких остановок он зализывал

раны и снова бежал дальше. У него, должно быть, тоже отважное сердце охотника.

Догорел факел, и ребят плотно обступила тьма. Радостное возбуждение угасло. Усталость и голод валили с ног.

Прилегли отдохнуть. Все молчали. Слышно только тяжелое дыхание. Тугие толчки крови гулко отдаются в висках.

Холод быстро сковывал руки и ноги, подбирался, казалось, к самому сердцу.

«Лучше идти, чем мерзнуть», – подумал Лан, но сил подняться у него не было. Шум в ушах не проходил. Шум в ушах и голодное бурчание в животе.

– Там что-то шумит, – сказала Муна.

Лан и Зурр прислушались. И правда, что-то чуть слышно шумело впереди.

Один поворот, второй, третий, и за каждым следующим шум становился слышнее, заполнял собой все пространство пещеры. Уже можно разобрать – это шумит вода, падая с высоты.

Напуганный волк отказывается идти дальше, рвется с привязи. Муна старается успокоить его.

У крутого спуска ребята остановились. Мокрые камни стали скользкими. Куда идти дальше?

Вдруг Лан потерял опору и заскользил вниз. Несколько раз он больно ударился о невидимые выступы и наконец с шумом плюхнулся в черную, с чуть заметными серебристыми бликами воду.

Не падение, не боль от ушибов, не опасность ошеломили его. Падая, он выпустил из рук чудесную Вещь Ауна. О горе ему!

Сверху доносились встревоженные голоса Муны и Зурра. Ребята окликали его. Он не отвечал. Стоя по пояс в воде, он в отчаянии шарил вокруг руками. Ему удалось найти лишь толстые палки, крепко перевязанные жилами, – вот и все, что осталось от чудесной Вещи.

Лан застонал, призывая на себя наипугающие из страшных кар злых дивов ночи. Он бился головой о скользкие равнодушные камни, колотил себя кулаками по лицу и груди. О горе! Он не сберег для людей великую мудрость, не донес чуда, рождающего огонь. О, лучше бы ему умереть!

Напуганные ребята затаив дыхание слушали горестные вопли Лана и скорбели вместе с ним о невозвратимой утрате.

Когда отчаяние немного притупилось, к Лану вернулась способность воспринимать окружающее. Руками он ощупывал скользкие скалы, под ногами было твердое каменистое дно подземной реки. Была она неглубокой и не очень быстрой.

Где-то неподалеку в темноте падала вода, с мягким шумом плескалась на невидимых ступеньках, а тут уже текла она спокойно, и даже почему-то было не так темно, как будто вода могла источать свет.

Мальчик сделал несколько шагов по течению и задел головой о камни свода.

Неужели вода уходит под скалу? Лан нагнулся к самой поверхности воды и заметил, что вода впереди ярко блестит и серебрится.

– Дыра, там дыра! Там свет! – крикнул Лан. – Сюда! Скорее сюда!

Первым в воду скатился Зурр, за ним Муна с отчаянно вырывающимся волчонком на руках.

По пояс в обжигающе холодной воде брели они навстречу ярким бликам, разглядывая с удовольствием сумеречно освещенные скалы и живые говорливые струи черной воды с бегущими серебристыми блестками.

Вон впереди широкий поворот. Речка разливалась вширь и мелела.

Яркий, ослепительно яркий свет ударил в глаза. Ребята остановились: больно стало глядеть. В широкое отверстие скалы вольно струился не прямой, отраженный солнечный свет.

Они еще не верили, что вырвались из тьмы гигантской пещеры, как не Сразу верит в свободу птица после долгой неволи.

Жадно глядели на зеленую траву, на орла в синем небе, шурились на яркое солнце и смеялись или плакали. Разве тут разберешь?



В радости Муна выпустила волчонка, и он первым оказался на зеленом берегу реки, вырывавшейся из-под мрачных скал на вольный воздух, на простор.

О Солнце! О, добрый див, Солнце!

Ты несешь тепло и свет и крохотному муравью и злому тигру, и нам, людям. В добре своем ты для всех одинаково. Твой свет прогоняет ночь и будит цветы.

Когда ты сияешь – радость царит вокруг.

Когда щедры твои лучи – земля хороша и плодovита. О,

если бы ты не пряталось на ночь – злые дивы подошли бы!
О великий див, Солнце!

СТРАНА МЕЧТЫ, СТРАНА ПРЕДКОВ

Только теперь, выбравшись на зеленый берег, ребята почувствовали, как они смертельно устали. Израненные ноги, едва отогревшись от студеной воды, нестерпимо заболели.

Несмотря на это, Зурр мгновенно заснул прямо на берегу, у самой воды. Лан, закрыв глаза и привалившись к корявому стволу дерева, мерно покачивал головой из стороны в сторону, как будто продолжал брести в глубокой воде.

Волчонок развалился на сухом бугорке поодаль, словно подох: весь вытянулся от морды до хвоста. Его шерсть, еще недавно лоснившаяся и отливавшая закатным солнцем, потускнела и свалялась комками.

Впервые Муна заметила, как осунулись и посуровели лица мальчишек...

Но где снег? Где злобный Сийю – ветер с колючей, царапающей лицо ледяной пылью? Солнце согревает и убаюкивает, тихий звон ласкает слух, и клубящийся теплый туман сна обволакивает и небо, и горы, и реку...

Разбудил их яростный визг и шум жестокой борьбы: на противоположном берегу речки, под громадными ореховыми деревьями насмерть бились два секача-кабана.

Земля вокруг взрыта острыми копытами, страшные изогнутые клыки алеют от крови. Массивные коренастые те-

ла кабанов передвигаются и разворачиваются с пугающей проворностью. Отступив, противники делают молниеносные броски вперед и сшибаются с такой силой, что стон стоит вокруг.

Со страхом, затаив дыхание, глядят ребята на эту схватку.

Нет, эти звери не их добыча. Даже взрослый охотник не решился бы напасть на секачей.

Все трое незаметно для себя передвинулись к горловине пещеры, откуда нескончаемо струилась речка, чтобы укрыться в случае опасности.

Наконец одному из секачей могучим ударом удалось опрокинуть противника и заставить его покинуть поле боя. Тяжело дыша, победитель огляделся вокруг маленькими свирепыми глазками и, слегка пошатываясь, направился в заросли.

Когда опасность миновала, Зурр заковылял к ближним зарослям боярки, неподалеку от речки. Вскоре все трое торопливо поедали сладкие сочные плоды величиною с небольшое яблочко.

Лан и Муна утолили первый голод и перебрались повыше в гору, к кустам барбариса. Сколько здесь кроваво-красных кислых ягод!

Так, перебираясь от куста к кусту, поднялись они по склону до громадного обломка скалы, вросшего в землю.

Муна вскарабкалась на мшистый обломок и восторженно воскликнула:

– О, гляди туда, Лан!

С высоты скалы видно было далеко. Солнце щедро освещало неширокую долину меж двух горных хребтов: за спиной у них поднимались высокие снежные вершины, впереди, за широкой бурной рекой, начинался подъем к другому хребту.

Внизу, под самыми ногами, стремительно катилась речка, которая помогла им выбраться из страшной пещеры. Сверху в прозрачной воде отчетливо видна каждая галечка. Изогнувшись короткой дугой, речка вливалась в широкую полноводную реку: чистая, узкая ее струя долго виднелась на рыжеватой всклокоченной поверхности.

По ближнему склону спускались к водопою олени. Как же их много: чтобы сосчитать – не хватит пальцев на руках и ногах!

– Куда мы пойдем? – спросила Муна растерянно. – Где жилище наше? Почему был снег и холод, а сейчас так тепло, как две луны назад?

Лан ответил не сразу.

– Мы пришли из той большой горы?

– Да, – подтвердила Муна.

– А солнце пряталось за горой.

– Ну? – не поняла девочка.

– Значит, мы прошли под горой?

– Что ты, что ты! – Муна почему-то испугалась. – Наверное, мы умерли и дивы перенесли нас в Страну предков.

– Ого-го-го! – завопил вдруг Лан. Он хлопнул себя по бедрам, схватил за руку Муну и потащил ее за собой к речке, выкрикивая на бегу: – Страна предков! Страна предков! Страна предков!

Зурр выскочил из зарослей боярки с толстой палкой в руках. Он решил, что приближается опасность.

Захлебываясь, Лан сбивчиво стал объяснять ребятам:

– Мудрый Аун говорил повеление Старой Оленихи людям таж – найти путь в страну предков. Она велела идти к солнцу, и люди шли, но горы не пускали их. И тогда они пошли вслед за солнцем и пришли к большой реке. И река не пускала их идти дальше... Мы прошли через гору – гора пустила нас – и пришли в теплую страну предков...

Зурр ничего не понял из сбивчивых слов Лана и хотел снова уйти на кормежку.

– Но где же снег и холод? – еще раз спросила Муна.

– Не знаю... Может, сам див Солнце живет здесь. Зурр поглядел на Муну и вдруг озлился:

– Зверь убежал!

Действительно, волчонка не было на бугре, где он спал совсем недавно.

– Он придет, – сказала Муна неуверенно. Зурр с сомнением покачал головой.

– Если придет... Р-рах! – и он изобразил, будто с силой швыряет копьё в воображаемого зверя.

– Нет, ты не убьешь детеныша волка, – несколько раз по-

вторила девочка одну и ту же фразу, чтобы Зурр лучше понял ее.

– Зурр хочет сладкого мяса, – медленно сказал тот, поглаживая свой вздувшийся от боярки живот.

– Маленький Орел, скажи ты ему, – в отчаянии обратилась девочка к Лану.

Нет, Зурр и Муна не поняли величия случившегося! Лан повернулся к Зурру и глянул ему прямо в глаза:

– Нельзя убивать волка. Он нашел тебя в Черной пещере. Он показал нам путь к солнцу.

Зурр молчал.

– Тут много ягод, – продолжал Лан, показывая на обширные заросли боярки, барбариса и облепихи.

– Хочу сладкого мяса, – упрямо повторил Зурр. Лан подавил в себе вспышку гнева.

– Тогда убей другого зверя.

– Нету лука, копыя...

– Волк не твоя добыча, – запальчиво крикнул Лан, – его добыл Большой Орел и дал Муне! Она может убить его, если захочет.

Зурр сердито засопел и вразвалку побрел в заросли боярки, волоча за собой палку.

А Лан мгновенно забыл о стычке. Его удивляло и раздражало, как Зурр и Муна не могут понять того, что с ними произошло: ведь они пришли в страну предков! Ой, да так ли это?..

Солнце спряталось за дальними горами, и в долину спустились сумерки. Тусклый свет луны разбавил синеву сумерек. Боярки больше не хотелось. В животе у Зурра что-то вздувалось и булькало. Он одиноко сидел у ствола дерева и прислушивался к себе.

Мальчик пытался думать о вкусной еде, о мясе, но ему становилось все хуже.

Какая-то сила опрокинула его на землю, нестерпимая боль пронзила низ живота, тугой комок тошноты подкатил к горлу...

Весь вечер страдал он и маялся в густом кустарнике.

Обеспокоенные, ребята не раз окликали его – он не отзывался. И только когда Муна приблизилась к кустам, где прятался Зурр, из зарослей высунулась его лохматая голова.



– Иди, иди! Зурр не пропал еще.
Муна поняла его состояние и успокоилась: Зурр объелся

бояркой. Это бывает, это пройдет. Потом у речки мальчик осторожно смывал следы своей болезни и завидовал Муне, которая могла бесстрашно – он это видел не раз – входить в студеную воду. Зурр боялся холодной воды. Ему полегчало, правда, в животе еще скрежетало и перекатывалось, но тошнота прошла. Снова появилось ощущение голода, но боярки больше не хотелось.

Неожиданно между деревьев Зурр явственно увидел зверя, похожего на большого ежа. Он проворно вскочил на ноги. В несколько прыжков настиг зверя и остановился в нерешительности – уж больно велик был еж.

С ужасом глядел мальчик, как растет и округляется зверь. А когда он стал трястись, издавая шум наподобие дробного перестука тум-тума, Зурр попятился: не проделка ли это злых дивов?

Что-то острое кольнуло ногу мальчика, и он бросился наутек от невиданного зверя, жестоко обдираясь о колючки боярышника.

Остановился у речки. Зверь не гнался за ним. Прихрамывая, понуро побрел искать ребят.

Муна спала. Лан, обложившись камнями со всех сторон, бодрствовал, готовый в случае опасности разбудить девочку и скрыться в пещере, откуда с тихим плеском вырывалась речка.

Зурр ополоснул раны и царапины, с удивлением выдернул из ноги и разглядел при лунном свете длинную легкую иглу.

Этой иглой зверь уколол его.

Утомленный переживаниями дня, Зурр улегся рядом с Муной и поплотнее завернулся в свою дырявую одежду. Нет, никогда раньше не приходилось ему видеть и слышать о таком звере. Это было его первое знакомство с дикобразом.

О СВЕТЛЫЙ ДИВ, СОЛНЦЕ, ДАЙ НАМ ОГОНЬ!

Бледный рассвет застал всех троих бодрствующими. Холод и наглые гиены не дали спать даже толстокожему Зурру.

Несчетное число раз поднимались они, чтобы камнями и палками отогнать дерзких зверей.

Отвратительные желто-бурые хищницы с темными устрашающими полосами на боках смело приближались к самой стоянке. Стоило Лану или Зурру швырнуть в них камень, они тотчас отбегали, чтобы вскоре вернуться на прежнее место.

Со страхом и отвращением глядела Муна на покатые спины гиен, на полосатые, словно у тигра, бока, на широкие уши и ощущала на себе их жадный нетерпеливый взгляд. Сон ее улетучился.

Мальчики все время засыпали, и, как только гиены подбирались совсем близко, она будила того или другого бесцеремонным толчком.

Всю ночь напролет слышались тревожные звуки: то визг и хрюканье дерущихся секачей, то стук рогов и трубные призывные голоса оленей, то рык барса, то пронзительный предсмертный крик жертвы.

С наступлением рассвета гиены исчезли.

Утром, оставляя четкий след на заиндевело́й траве, при-

шел рыжий волк и положил возле Муны большую крысу.

Глаза Зурра жадно вспыхнули. За несколько мгновений он разодрал крысу на куски и те, что поменьше, отдал Лану и Муне, себе же оставил самый большой.

Девочка торжествовала: волк принес добычу.

Зверь, видимо, был сыт и задремал неподалеку, свернувшись в плотный комок и прикрыв нос пушистым хвостом...

– Ищите нору для жилья, – сказал Лан хмуро, – а то пропадем. Здесь спать нельзя. Я останусь и сделаю лук.

Долго глядел он вслед ребятам, ушедшим вверх по ближнему распадку: Зурр, большой и угловатый, шел, прихрамывая и сильно опираясь на свою толстую суковатую палку. Муна, маленькая, едва по грудь Зурру, легкая, как козочка, зябко куталась в шкуру и старалась сдержаться за ремешок волка.

Как, однако, вырос зверь! Совсем похож на взрослого. И ведь вернулся!

Лан не понимал, почему волк, вырвавшийся на свободу, сам вернулся к ним. Не голод и не страх заставили его. Что же? Неужели он забыл родную стаю ради них, людей? Или стая эта далеко?.. Разве зверь может жить с людьми?..

Лан прошелся по гальке вдоль берега речки, оглядел несколько обломков камней и наконец выбрал один из них, небольшой, черный, с острой зазубренной гранью.

Через час в руках у него была свежесрезанная толстая ивовая палка для дуги лука. Тетивой могла служить прочная

жилка, которой связаны палки, оставшиеся от чудесной Вещи Мудрого Ауна, рождающей огонь.

Все, что делал Лан, делал он старательно и неторопливо, как любой другой охотник племени таж. Но мысли его были заняты одним – как, где добыть огонь.

Без огня они беззащитны перед холодом. Без огня не сегодня-завтра станут добычей какого-нибудь зверя – тигра, волка, барса... Без огня не добраться им до своего племени, не выполнить завета Мудрого Ауна.

Но как добыть огонь? Вещь потеряна, сломана, исчезла навсегда, и эти несколько палок, туго перетянутых жилой, уже не имеют чудесного свойства рождать крохотные теплые искры огня.

Мальчик мучительно вспоминал Вещь во всех подробностях: где был сучок, где жила... На ощупь палки казались гладкими, как замерзшая вода...

В чем, в чем была спрятана магическая сила? В лучке, похожем на те, что мастерят в племени мальчишки? Или в прямой палке, что так упоительно жужжала? А может быть, в брусе, рыхлом полусгнившем брусе?

Нет! Как он может так думать о чудесной Вещи предков!..

Несколько раз Лан пытался согнуть дугу и натянуть тетиву, но это ему никак не удавалось – не хватало сил.

«А что если... Нет!.. Почему не попробовать, пока не вернулись Зурр и Муна?!»

Мальчик содрал тетиву с почти готового лука, натянул

ее на гибкий ивовый прутик, побежал к зарослям. Вот. Вот трухлявый пенек.

Трясушимися от нетерпения руками обточил сухую прямую палочку, набросил на нее петлю тетивы и попробовал быстро вращать.

Палочка больно сверлила ладонь, не вращалась. Он прижал ее сверху щепкой. Несколько оборотов – и палочка выскользнула из-под щепки.

Весь в поту от волнения, Лан беспомощно оглянулся.

Неподалеку от него валялась почерневшая скорлупа ореха. Он надел ее на верхний конец палочки, прижал рукой и потянул лучок... вперед – назад, вперед – назад... палочка завертелась, зажужжала. Все быстрее, все неистовее.

Перед глазами мальчика поплыли светлые жучки от напряжения, пот заливал лицо, не хватало воздуха.

О светлый див, Солнце! Дай нам огонь! Дай нам огонь, брата твоего меньшего. О светлый див!..

Не переставая вращать палочку, Лан время от времени наклонялся к пню и жадно принимался, не пахнет ли дымком.

Сильно, нетерпеливо он рванул к себе лучок, и ивовый прутик надломился.

Лан в изнеможении опустился на землю. Вытащил палочку из лунки, высверленной в пне, и понюхал: дымом не пахло.

Руки безвольно опустились.



Но лунка, это было заметно, была темнее остального пня, – и – дивы! – она была горячей!

К Лану вернулись силы. Надо набрать сухого мха и хвороста. Он забыл об осторожности, в зарослях мог притаиться какой-нибудь зверь.

Быстро набрал он большую кучу хвороста, приволок несколько сухих корявых стволов деревьев и снова склонился над пеньком... Вот! Его широкие ноздри уловили слабый,

чуть заметный горьковатый, такой знакомый запах дыма.

Еще и еще вращал он палочку. Не прекращал работу, боясь поверить счастью. И когда из лунки взвилась сизая змейка, Лан выдернул палочку: в черной дыре тлели оранжевые искры...

Через полчаса Лан бешено плясал вокруг весело потрескивающего костра. Он кувыркался на траве и снова скакал, будто олененок возле матери.

Но, конечно, он не мог понять, какой великий подвиг совершил, какое повторил открытие.

ПОБРАТИМЫ

Зурр легко поднимался вверх по распадку. Нога разошлась, боль исчезла, и он, словно козел, перескакивал с камня на камень шумливого горного потока.

Муна устала. Ей хотелось присесть на нагретый солнцем камень и опустить в воду натруженные ноги.

Раз девочка заметила, как по карнизу легкими тенями пронеслись косули, лишь мелкие камешки покатались под ноги ребятам. Волк прыгнул было вдогонку за ними, но, остановленный ременной петлей, захрипел, захлебнулся в бессильной ярости промахнувшегося охотника.

Он не хотел идти на поводке: то рвался в сторону, то упирался, но Муна не отпускала его, – снова убежит.

Зурр, шедший впереди, вдруг присел, на ощупь взял из-под ноги камень, крадучись, пополз вперед, сквозь заросли колючего шиповника. Потом приподнялся и с силой швырнул камень:

– Р-рах!

Поблескивая зеленоватыми крылышками, стайка скворцов скрылась за поворотом распадка.

Мальчишка досадливо заворчал: так хотелось добыть кусочек теплого мяса – не удалось. До сих пор ощущал он во рту приятный вкус утренней еды. В нескольких шагах сзади большой зверь, сколько мяса, и совсем легко убить его, а он,

Зурр, вынужден охотиться за маленькими птицами!

Муна перехватила недобрый взгляд Зурра и начала отставать.

Отчего-то забеспокоился волк. Шерсть на загривке поднялась. Зверь напряжился, подобрался как-то весь. Он то нервно ловил запахи ветерка, то утыкался носом в камни. Хвост напряженно вытянулся.

Муна тотчас почувствовала изменение в настроении зверя и, не понимая, чем оно вызвано, тоже заволновалась. Она собиралась окликнуть Зурра, но тот уже скрылся за высокой замшелой скалой.

За поворотом глазам мальчика открылась довольно большая поляна со следами старого обвала. Всюду в беспорядке лежали глыбы скал, уже заросшие мхом, травой и даже деревцами. Посреди поляны – три раскидистые орешины. На полуоблестевших ветвях на фоне бледно-синего неба четко виднеются сдвоенные и строенные плоды в зеленой потрескавшейся кожуре – орехи.

Зурр облизнулся. Ему показалось, будто он чувствует во рту вкус спелых сладковатых ореховых ядрышек. Но тут же орехи были забыты: в низком карнизе на противоположной стороне поляны мальчик увидел небольшую дыру, как раз то, что они так долго искали.

– Вах-ха! – восторженно пробормотал Зурр. – Хорошая нора.

Он бегом пересек поляну, перепрыгнул через ручей и на-

правился между громадными обломками скал к норе. Обломки образовали нечто вроде узкого извилистого коридора. У самой норы он остановился: что-то насторожило его – то ли неясный тревожащий запах, то ли нечеткий след на осыпи.

Из темноты пещеры послышался какой-то грозный звук, Зурр попятился. С безопасного расстояния он швырнул камень в черный зев норы: если там живут гиены, их надо прогнать.

Раздался ужасный рев, как будто скала раскололась, как будто по небу прокатились огненные дивы. Зурр хотел бежать, да ноги не послушались.

Косматый зверь, грозный медведь, сам огромный, как скала, нехотя вылез из пещеры и злобно заревел, раскинув зубастую пасть.

Судорожно сжимал в руках Зурр палку, такую жалкую перед этим могучим зверем, и отступал назад. На его лице застыла гримаса ужаса и обреченности.

А зверь свирепел все больше. Его маленькие глазки горели злым, беспощадным огнем. Расстояние между ними быстро сокращалось, но Зурр не мог бежать: чутье подсказывало ему – стоит повернуться спиной к зверю, и тот вмиг бросится на него.

Беда не приходит одна – случилось ужасное: Зурр оступился на толстом корневище орешины и упал на спину. Мгновенно зверь оказался рядом с жертвой. Хрустнула у

него в пасти толстая палка, будто хворостинка. Смрадным запахом дохнуло на мальчика.

– У-у-а! – визгливо закричал Зурр. В отчаянии он старался отползти из-под нависшего над ним хищника, в кровь обдирая локти и не чувствуя боли.

И вдруг медведь отступил, завертелся на месте. В его реве послышалась боль и бешеная ярость. Мельком Зурр успел увидеть рыжего волка, жестоко вцепившегося в медвежий зад.

Неуклюжий с виду зверь на самом деле был проворен. Его толстая лапа со страшными белыми когтями мелькнула в воздухе. Но рыжий волк оказался проворнее и успел увернуться от смертоносного удара. Только медведь опять повернулся к своей жертве, как волк снова вонзил клыки в толстую медвежью ляжку и мгновенно отскочил.

Зверь задохнулся от слепой злобы и бросился вдогонку за маленьким обидчиком. Белый коготь самым кончиком достал до волчьего бока, однако этого оказалось достаточно, чтобы волк кувырком отлетел в сторону. Но это был настоящий боец. Он не взвыл от боли, хотя бок его тотчас потемнел от крови. Увернувшись от нового нападения, волк еще раз успел куснуть врага сзади.

Медведь совсем забыл про мальчишку. Теперь он зло следил за маленьким подвижным рыжим зверьком, с рычанием кружившим вокруг него и нет-нет больно кусающим сзади.

Зурр понял наконец, что может спастись. Он вскочил на

ноги и бросился бежать. Никогда еще не бежал он так резко. Муна, которая со страхом наблюдала за схваткой издали, еле поспевала за ним. Они остановились, когда поняли, что медведь не гонится за ними.

Зурр спустился к речке и стал пить полными пригоршнями.

Потом смыл грязь и кровь с израненных рук. Девочка помогала ему, как могла.



Недалеко от становища, на пригорке, густо поросшем ореховыми деревьями и алычой, их догнал волк.

Бежал он, низко опустив к земле голову. Хвост устало и безвольно болтался. Время от времени он останавливался и принимался зализывать раны.

Му на радостно бросилась к своему любимцу, но он не дался ей, а, отбежав стороной, улегся под кустом.

Девочка осторожно подбиралась к нему, приговаривая:

– Волчий детеныш, ты спас Зурра. Волчий детеныш, живи с людьми. Они не убьют тебя, не съедят.

Не сразу волк подпустил к себе Муну. Его шкура на боку болезненно вздрагивала, когда она поднимала руку, чтобы погладить его.

В гальке у речки Зурр отыскал кусок камня, напоминающий наконечник копья, какие делал старый Оор для охотников племени, и вымазал его своей кровью.

– Вот, – издали показал он окровавленный камень Муне, – пусть зверь будет Зурру соба.

Муна знала обычай своего племени: охотники, вместе пролившие кровь или спасшие один другого от опасности, братались, называя друг друга «соба» – друг, побратим. Обряд заключался в смешении крови побратимов на острие копья, стрелы или же на дуге лука.

Муна торжественно взяла окровавленный осколок и осторожно приложила его к черной от крови шерсти на боку зве-

ря. Таинство побратимства состоялось. Зурр приблизился к волку и произнес, глядя в глаза ему прямо и дружелюбно:

– Соба!.. – Потом хлопнул ладонью себе в грудь и повторил: – Соба!

Кто знает, может быть, это слово древнего племени дожило до наших дней и превратилось в хорошо знакомое каждому – собака. Слово это обозначает «верный друг» и вовсе не годится для ругательства, как его используют некоторые.

ОХОТНИКИ

Огонь!

Нетрудно представить себе, какую бурную радость испытали Зурр и Муна, когда издали увидели сизый дымок и оранжевые веселые языки пламени, радующие и согревающие сердце. Да, на том месте, где утром остался Лан, горел огонь.

Вмиг были забыты тяготы трудного дня и смертельная опасность, которой они подверглись недавно. Это был настоящий горячий огонь, такой горячий, как в жилище племени.

Зурр суетился вокруг костра и повторял свое:

– Вах-ха! Вах-ха!

Когда радость немного улеглась, Муна рассказала Лану, как они нашли пещеру, но в ней живет громадный медведь с большущими когтями, как волк спас Зурра от верной гибели. И теперь Зурр и волк соба, побратимы.

Лан слушал очень внимательно и попросил Муну еще раз рассказать все по порядку.

Согревшись у костра, Зурр мгновенно заснул, но спал беспокойно, стонал и вскрикивал.

Бодрствовать у костра остался Лан. С испугом вскакивал он при каждом звуке: медведь мог прийти к их становищу.

На этот раз ночевали они под нависшей скалой. С боков загородились от ветра большими камнями. Отдельной куч-

кой возле костра лежали сухие палки на случай, если бы им пришлось отгонять от становища хищников. Волк, уже немного привыкший к огню, все-таки улегся в стороне, на охапке сухой травы, брошенной для него Муной.

Впечатления прошедшего дня не давали Лану покоя.

Во-первых, он сам добыл огонь. Добыл при помощи обычных предметов, какие всегда можно найти под рукой. Значит, он сможет добыть его и в другой раз – всегда.

Снова и снова переживал он эту радость с начала: вот они рядом – лучок, прямая палочка и ореховая скорлупа. Только трухлявый пенёк остался на своем месте, в зарослях.

Во-вторых, он чувствовал нечто важное и значительное в том, что произошло сегодня там, на поляне, у медвежьей норы. Он пытался самостоятельно осмыслить случившееся, но мысли разбегались и не подчинялись ему. Что-то важное из рассказанного Мудрым Ауном никак не удавалось вспомнить. Приходили на память зазубренные заповеди.

«За детеныша отдай женщину, за охотника отдай детеныша, Слово же сохрани!»

«Злые дивы прячутся от светлого Солнца, в темени же сбереги огонь!»

Это не то.

«От дня прилета птиц, от дня Нового Солнца и еще две луны собирай тайные травы – и исцелишься и детенышей исцелишь и жен».

Все не то. Да, вот!

Лан вспомнил вдруг светящийся туман, яркое и в то же время невидимое за плотной пеленой солнце. В тот день Аун рассказал ему о Великом охотнике и вожде Таже, который не убил раненого волками олененка и потому олениха-мать спасла охотника от гибели. И еще сказал Мудрый Аун: «Таж не убил олениху, но узнал великую тайну матери. Он стал как див, которому повинуются звери...»

Не без тщеславия сейчас пересказал себе мальчик эту притчу по-своему: «Лан не убил волка, но узнал великую тайну соба. Он стал как див, которому повинуются звери...» Пересказал, и ужаснулся собственной смелости, и обрадовался свежему озарению древней притчи.

Да, это так. Они с Муной не дали убить волчонка, защитили его от Зурра и Черного Ворона. А сегодня маленький волк в схватке с большим медведем спас от гибели Зурра.

Зверь спас человека от другого зверя. Мы стали как дивы, нам повинуется зверь! Лан устало прилег, трудные раздумья утомили его. Впервые мальчику захотелось приласкать волка. Он вспомнил, что раненый соба ничего не ел за весь день. Сами они кормились плодами и ягодами, а о волке не подумали.

Эта ночь прошла спокойнее предыдущей. Гиены не пришли: то ли огонь пугал их, то ли попалась хорошая добыча.

Перед утром могучий сон стал побеждать Лана, и он разбудил Муну. Спать ему пришлось недолго, но и этого сна было достаточно, чтобы проснуться добрым и радостным.

Какое блаженство лежать возле костра, ощущая его живое тепло!

Муна не спала.

Взглянув на нее сквозь ресницы, Лан удивился выражению ее лица. Она глядела куда-то вверх и вдаль. В глазах удовольствие и покой. Такие глаза бывали у Ауна, когда он смотрел на светящийся туман, когда рассказывал Слово предков, когда припоминал удивительные свои истории.

Аи! Сейчас у нее были хорошие глаза, добрые, как это синее небо, зеленовато-прозрачные, как вода в речке, вовсе не совиные, какие у нее были, когда она защищала волчонка.

Лан взглянул туда, куда смотрела девочка.

Утро выдалось ясное и холодное. Солнце щедро разливало мягкий розовый свет, и в морозном воздухе медленно кружились искрящиеся блески инея.

За речкой, в ореховой роще, свистели, щелкали, заливались звонкими переливчатыми голосами птицы.

«Витью, витью, чи-чи-чи-чи!..» – пела одна.

«Рь-рь-рю! Рь-рь-рю!..» – отвечала другая.

«Плюй! Плюй! Плюй!..» – звонко повторяла третья.

Ясному утру и птичьему гомону радовалась Муна, потому и были у нее такие глаза, потому и хотелось Лану глядеть на нее долго. Отчего так бывает у людей?



Муна почувствовала на себе взгляд и повернулась к костру, подбросить сухих веток. Лану стало досадно, что необычное видение вдруг исчезло, и он притворился спящим.

Девочка устало потянулась и вышла из-под скалы. Тонкие рыжеватые волосы ее засветились в утреннем свете, да и вся она стала как будто прозрачной и светлой.

Лан приподнялся на локтях.

Перебравшись через речку, Муна бродила по серебристой от инея поляне и отыскивала целебные листья и травы.

– Брр! – Лан поежился, глядя, как она бесстрашно обламывает ногой ледяные забереги речки и входит в студеную воду.

Какое тихое, спокойное и радостное утро! Вот Муна склонилась над спящим волком и осторожно прикладывает к ране лист подорожника. Соба чуть взвизгивает и хватается зубами руку девочки, но тут же отпускает, не укусив, а потом облизывает, словно виноватый детеныш.

Зурр в это утро не смог подняться. Раны на руках болели и кровоточили, к тому же загноились многочисленные ранки и царапины, полученные во время бегства от дикобраза.

Мальчишку бил озноб. Однако Зурр помог Лану натянуть тетиву на дугу лука. Все-таки он был силен, этот Зурр!

Прихватив лук и три стрелы, сделанные им накануне, Лан побрел в гору – вдруг посчастливится добыть что-нибудь.

Зурр видел, как волк неверным шагом побрел к речке. Долго лакал холодную воду, затем рысцой затрусил вслед за Ланом. Пошел сам, без поводка, без своей любимицы Муны.

Лан не знал, как вести себя со зверем. Волк пробирался кустами, неподалеку от него, и, казалось, не обращал внима-

ния на мальчика. Он охотился самостоятельно. Покопался возле норы мыши, чихнул и оставил ее. Принюхался и прошел несколько шагов по чьему-то следу.

С отчаянным писком прошуршала по сухим листьям крыса. Волк не погнался за ней: раненый, он был еще слаб и малоподвижен.

Долго шли они так, неподалеку друг от друга и все же врозь. Мальчику казалось – теперь исчезнувший в кустарнике зверь больше не появится. Но соба каждый раз вновь возвращался к Лану.

Вот охотник заметил: шаги волка стали осторожными, хвост приподнялся. Зверь напрягся, вытянулся, чуткий нос непрерывно двигался. Муна рассказывала, так было и вчера.

Лан насторожился, пристально поглядел вперед. Ничего подозрительного: по склону привольно разбегаются стройные зеленые деревца арчи. Тут и там громоздятся обломки скал и каменные глыбы. Желто-серые языки обвалов и осыпей виднеются по распадкам. А по склонам – ярко-зеленая трава в блестках оттаявшего инея.

Там, выше, совсем уже недалеко – белая, ослепительно блистающая в солнечных лучах снежная страна. До наступления тепла нечего и думать перебираться через горы.

Наконец Лан понял, почему волк насторожился: он почуял добычу.

На одном из дальних камней охотник заметил довольно

большого зверька. Он неподвижно сидел на задних лапках и не чувствовал приближения опасности. Серая спинка его лоснилась на солнце, а передние лапки смешно покоились на желтоватом толстом брюшке. Это сурок.

Лан приготовил лук, но отсюда не попадешь – далековато. Крадучись, мальчик стал подбираться к зверьку.

Резкий свист раздался из ближних кустов, и Лан успел заметить, промелькнувшего крупного сурка в нескольких шагах от себя. Если бы он увидел его раньше, то, конечно, подстрелил бы. Вот к кому подкрадывался волк!

Тревожный свист повторился с разных сторон, и зверьки вмиг попрятались в норах. Тут было много этих нор.

Охотник присел неподалеку от одной из них со стрелой наготове и стал дожидаться, когда покажется зверек. Замерз, а сурки все не показывались.

– Соба, – обратился Лан к волку, который прилег рядом, – ты живешь с людьми много лун. Ты охотишься рядом. Скажи, как узнаешь ты, когда зверь близко?

Волк беспокойно поднялся и перелег на другое место.

– Скажи, соба. Я тоже хочу узнавать так.

Мальчику показалось, что зверь хитро прищурился, и улыбнулся.

– Не хочешь говорить?.. Или ты не знаешь наших слов?! Это просто: гляди, я – Лан. Ну скажи: «Лан». Ну!..

Утомленный пристальным взглядом мальчика, волк зевнул нервно в голос и прикрыл глаза своим пушистым хво-

стом.

– Эх ты, соба!

Лан огорчился непонятливостью зверя. «Ничего, – подумал он, – соба скоро узнает наши слова и скажет свою тайну».

Здесь, на кромке снегов, было заметно холоднее. Да и растительность другая – смолистая и душистая арча, белоствольные березы, можжевельниковые кусты. Холодный ветер с гор гудит в хвойных арчовых ветвях. Надо идти, на такой стуже долго не просидишь в засаде...

Как только останавливался охотник, тотчас же волк ложился неподалеку: давала себя знать вчерашняя рана.

Много зверей и птиц видел Лан, но подобраться к ним на нужное расстояние не удавалось. Стороной обошли их олени, заметив издали. Горные козлы спокойно поглядывали на мальчика с высокого уступа.

На обратном пути, неподалеку от узкого ущелья, Лан потерял из виду своего четвероногого попутчика.

Неожиданно стадо косуль выскочило навстречу мальчику. Он торопливо выпустил стрелу, но не попал. Чиркнув по скале кремневым наконечником, стрела отлетела в кусты.

Стадо разбилось на две группы: одна ушла вверх по ущелью, другая, большая, рассыпалась по склону и исчезла из виду.

Оказалось, стадо косуль гнал соба. Бежал он неторопливо, опустив нос к земле. Свернул в ущелье, будто видел, как туда

поскакали косули.

Лан задрал голову. Ущелье круто уходило вверх, черными уступами до самого неба громоздились скалы. Неужели косули отыщут себе дорогу в этом невыносимом нагромождении?

С трудом мальчик стал взбираться по шатким камням вслед за волком. Может быть, хоть тут удастся добыть пищи...

Тоскливый призывный вой послышался сверху. Задышавшись, Лан бросился бежать по крутому подъему. На каменной осыпи он упал, больно ударившись коленом, но упрямо продолжал карабкаться дальше.

Волка он нашел перед высоким уступом. Этот уступ зверь преодолеть уже не смог. Задрав к небу острую морду, волк выл тоскливо и злобно. А высоко над ним, на чуть заметном выступе скалы, застыла косуля. Ее остренькие копытца, казалось, намертво приросли к скале. Дальше пути ей не было, но достать ее там волк не мог.





Волк, а не человек! Дрожащей от нетерпения рукой Лан натянул тетиву... и животное рухнуло на камни, под ноги охотникам.

С рычанием волк бросился к добыче, но Лан отогнал его прочь. Орудяя наконечником стрелы, мальчик торопливо распорол животному брюхо и извлек еще теплую печень.

Надо было подкрепиться, так как день клонился к концу и голод терзал обоих охотников нещадно.

Волк быстро расправился со своей долей и снова голод-

ными глазами уставился на Лана. Тот не выдержал и бросил ему еще кусок.

За радостной горячкой удачной охоты мальчик не заметил, как небо накрыло большой серой тучей и повалил густой снег. С добычей на шее Лан выбрался из скалистого ущелья и бодро зашагал вниз по склону.

Удача опьянила мальчика. Он не замечал, что ноги его закоченели в снежном месиве. Мокрый снег валил крупными хлопьями и тут же таял. Со стороны реки дул теплый влажный ветер.

Так хорошо, так весело было Лану, что он запел:

Йо-хо! Йо-хо!

Хороший охотник и соба

Добыли много сладкого мяса.

Йо-хо! Йо-хо!

Теперь у Лана, Зурры, Муны и соба

Есть хорошая еда.

Йо-хо! Йо-хо!

Пением эти выкрики назвать трудно, но Лану такая песня казалась очень хорошей, и он решил спеть ее ребятам по возвращении.

Волк тоже приободрился, хотя и часто останавливался зализать вчерашнюю рану. Она снова кровоточила.

Под нависшей скалой горел огонь. Так радостно и прият-

но охотнику возвращаться в жилище, когда светит ему огонь. Он побежал бы, если б не усталость и не тяжелая ноша на плечах.

– Вах-ха! Бо-бо-бо! – восторженно и удивленно завопил Зурр, увидев Лана с добычей.

Ему стало лучше: Муна извлекла из его тела множество заноз и колючек, боль в ранах тоже уменьшилась. Он весь был обложен целебными листьями подорожника.

Не мешкая, Лан и Муна принялись снимать шкуру с туши – приятная работа, если до этого долгое время приходилось питаться только плодами и ягодами. Зурр присоединился к ним.

Ненастная ночь окутала долину мутной снежной пеленой. Лан и Муна заснули. Только Зурр продолжал еще жевать, не в силах оторваться от вкусной еды. Время от времени он мял свой тугой живот, как бы проверяя, войдет ли еще кусок, прислушивался, не булькает ли, не скрежещет внутри, как было недавно. Сальные руки он вытирал о волосы или размазывал жир по лицу и груди, как делал отец, Черный Ворон.

Волк-соба оказался таким же обжорой, как и Зурр. Сколько костей, сколько мяса, внутренности дали ему ребята – все съел. Умильными глазами поглядывал он на одинокое пиршество мальчишки и облизывался.

Еще раз помяв живот, тяжело вздохнув, Зурр отхватил резцом большой кусок мяса, оторвал и бросил половину соба.

Жаль спать, когда рядом столько хорошей пищи... Труд-

но бороться с дремотой после обильной еды. Как ни старался мальчик пальцами поддерживать веки, они все же опускались.

Разбудило его рычание волка. Снегопад прекратился. Сырой туман клубился над землей.

Снова волк заворчал в темноту. Зурр разглядел силуэт гиены, вот еще и еще... Хищницы почуяли добычу и сбегались: запах крови косули прибавил им смелости.

Мальчик приготовил головешки на случай, если придется отбиваться и отгонять дерзких зверей. Соба яростно рычал, но отступал к огню, одному ему, видно, не справиться с такой стаей.

Не волк пугал гиен, этих сильных смелых зверей, огонь заставлял их держаться на почтительном расстоянии от становища. Не будь огня, они напали бы на одинокого волка, на ребят.

ХОЗЯИН ДОЛИНЫ

Обильный снег пролежал одну ночь. С восходом солнца началось бурное таяние, с гор побежали мутные шумные потоки. Лан и Зурр еще дремали, а Муна уже поднялась чуть свет и принялась отмачивать шкуру косули в ледяной воде речки. Потом усердно скоблила ее камнем-скребком, просушивала на ветру и снова мочила в речке и скоблила, скоблила.

Мальчики поражались упорству Муны. Как решается она подолгу полоскаться в обжигающе студеной воде?

С любопытством наблюдал Лан за ее посиневшими руками.

– Погляди, – обернулась она к нему и указала на напористую речную струю, – она живая. Она щекочет меня, хочет отнять хорошую шкуру...

Несколько дней, пока не просохло в горах, охотники оставались в становище. Волк тоже отлучался недалеко и ненадолго: пищи было много.

В эти дни Муна заметила, что ее любимец-волк стал сопровождать Лана во время его отлучек из жилища. По-прежнему снисходительно принимал он ее ласки, был доверчив, дружелюбен, и только!

Как-то вдруг, за короткий срок признал волк Лана вожаком. Пусть Муна играла с ним и ласкала, пусть Зурр под-

кармливал вкусными кусками, но свою привязанность отдал он Маленькому Орлу.

Вот и сегодня, когда Лан вновь отправился на охоту, волк последовал за ним. Муна ревниво следила за зверем. Он шел чуть в стороне от охотника, но стоило Лану взять круто в гору – немедленно пошел вслед.

Они уходили вместе. Лан направлялся к сурковому поселению. Уж сегодня он не промахнется, пусть только соба покажет, где сидит сурок.

Конечно, сейчас важнее найти нору для жилья: с каждым днем становится холоднее, ненастнее. И здесь, в теплой стране предков, скоро тоже, видно, наступит зима...

Мальчик собирался хорошенько осмотреть скалистое ущелье: может быть, найдется хоть глубокая ниша в скале, если нет пещеры.

Стали попадаться арчовые рощицы. Вот, кажется, за той горой откроется обширная можжевельниковая поросль, где обосновались сурки.

Волк забеспокоился. Лан заметил, что сегодня ведет он себя иначе: шерсть на загривке вздыбилась, в злобном рычании – угроза и страх, верхняя губа приподнялась и обнажила острые клыки.

Мальчик остановился в нерешительности. Наподобие волка он принюхивался к ветерку, который, должно быть, говорил зверю что-то важное, но ничего не чувствовал.

Соба двинулся вперед. Временами он останавливался, как

бы дожидаясь охотника. За горой открылась знакомая поляна, поросшая можжевельником и арчой. Но как она была изуродована!

Возле осыпи, где совсем недавно Лан нашел множество сурковых нор, громоздились кучи свежеразрытой земли, вывороченные камни, выдранные с корнями кусты и деревья. С удивлением и страхом глядел охотник на следы разрушения. Тихо и пусто было вокруг, ни единого зверька не мог заметить мальчик.



Что же здесь случилось? Кто так жестоко разрушил жилища зверьков?

С опаской приблизился Лан к крайней яме и увидел громадный когтистый след голой медвежьей ступни, странно напоминающий человеческий. Так вот кто разорил жилища зверьков!

Вблизи глубина вырытых медведем ям и размер вывороченных каменных глыб еще больше поразили мальчика. Волк успокоился, значит, медведя поблизости нет. Обойдя и обнюхав несколько ям, соба принялся разрывать рыхлую землю около поваленной старой арчи. С любопытством Лан наблюдал за ним.

Вскоре показалась лоснящаяся серая шкурка, и волк зубами выволок из земли тушку сурка. Зверек казался уснувшим, только на затылке у него виднелась небольшая ранка от медвежьих клыков.

Лан бросился к ямке, разрытой волком: неглубоко в земле было спрятано много сурков – медвежий запасник. Прихватив несколько тушек зверьков и засыпав остальных, охотник поспешил вниз: вдруг медведю вздумается вернуться!..

Солнце спряталось в белесую дымку, и тотчас с гор потянуло холодком. Мальчик закоченел. Кутаясь в старую козью шкуру, он позавидовал густой рыжей шубе волка. К зиме надо запастись новыми теплыми шкурами коз, баранов и оленей.

Подошли к скалистому ущелью. Лан с удовольствием припомнил, как он бежчл вверх по каменной осыпи, как ловко первой стрелой попал в косулю...

От гулкового грохота похолодело внутри. Инстинктивно Лан отпрянул назад. В нескольких шагах перед ним стремительно пронесся огромный камень. За ним по склону наперегонки мчались камни поменьше, каскад камней. Обвал! Наверху на фоне белесого неба мальчик заметил какое-то движение и, пригнувшись, с ужасом узнал медведя. Издали могучий зверь казался бы просто черным камнем, если бы не двигался.

Вот он остановился. И вдруг сверху снова загрохотало, загудело.

Лан едва успел отскочить в сторону: вторая каменная глыба, быстро увеличиваясь в размерах, неслась на него.

Так это медведь сталкивал на них с волком камни! Он хотел убить их! Бегом бросился Лан прочь от крутого склона. Бежал, словно заяц, поглядывая назад, не спускается ли медведь, не гонится ли за ним.

Если тигр был хозяином и властелином Солнечной долины и именно с ним людям племени таж приходилось соперничать из-за добычи, то хозяином здешних мест – и этих мрачных черных скал, и можжевельниковой поляны, и ореховой рощи, где Зурр и Муна нашли нору, пригодную для жилья, и даже речки, вблизи которой ребята устроили свое ненадежное логово, – всей этой теплой обильной долины был, конечно, медведь, свирепый медведь. И если он пришел сюда, то может прийти и к их жилищу...

Нет, они не защищены. Они не могут спать спокойно.

Этот зверь легко раскидает завалы из камней. А если он придет, когда Муна в жилище одна! От такой мысли Лану стало не по себе, хотя и они с Зурром не в силах справиться со свирепым зверем, разве только смогут отогнать огнем.

Огнем? Надо что-то делать. Надо искать надежное жилище.

ДИВЫ НОЧИ ЗАБАВЛЯЮТСЯ

Зима пришла и сюда, в долину ореховых и арчово-яблоневых рощ. Обильным снегом занесло облепиховые и барбарисовые ягодники, ярко-зеленые до последних дней склоны предгорий. Резче обозначилась речка на ослепительно белом снегу, украсилась звонкими ледовыми заберегами.

Исчезли звонкоголосые птицы, лишь беспечные синицы снуют в кустах да весело перестукиваются пестрые деловитые дятлы. Тихо стало в долине, пусто. Высоко в горы ушли кабаны, косули, олени, козы и горные бараны. Даже мыши и крысы редко стали оставлять на снегу цепочки своих следов.

Худо стало ребятам, голодно, холодно. Дважды соба приносил им добычу – зайцев. Зурр и Лан отыскиали нору дикобраза и убили его. Другой раз Зурру посчастливилось подстрелить горную курочку. Некоторое время еще ребята кормились бояркой и кислыми яблоками, но вскоре не стало и этого: часть птицы расклевали, часть погубили морозы.

Муна раскапывала снег и рвала кислую траву и съедобные листья, выдергивала из влажной, не успевшей еще промерзнуть земли безвкусные волокнистые коренья.

Далеко уходить от огня боялись: несколько раз поблизости появлялся медведь. Огонь – единственная защита от этого свирепого коварного зверя, их главного врага.

Издали, с высокого камня, проследил Лан черную цепоч-

ку медвежьих следов от распадка к речке, к их речке. Совсем близко подходил зверь к жилищу людей, воду пил, глядел, наверное, на огонь. Ближе подойти не решался или сыт был, а настанет голод – решится. Накануне волк уходил на охоту, а то почуял бы врага.

Только Муна не знала об угрожающей им опасности. Каждый вечер возилась со шкурой косули: острой палочкой протыкала дырочки в лоскутках и соединяла их тонкими жилками.

Однажды поутру Лан сказал:

– Глади, Муна, много пищи есть для огня, корми огонь, не уходи из жилища: большой зверь бродит близко...

Он сурово отвернулся, не желая видеть испуганного лица девочки.

– Я, Зурр и соба пойдем искать нору для зимнего жилья, а то пропадем.

Не один, не два дня искали они подходящую пещеру, но не нашли.

Как-то Лан спросил Зурра:

– Нору медведя найдешь?

– Вуа! – испугался Зурр. – Он убьет нас.

– Может, он ушел оттуда?

– Нет. Там его логово.

– Возьмем огонь. Ближе не пойдем, издали посмотрим.

К логову медведя шли не по дну распадка, а верхами. Идти было трудно. Приходилось то взбираться по заснеженным

склонам, то съезжать с них. В седловинах особенно туго приходилось волку, слишком глубоок для него был снег. Шерсть его намокла, на брюхе и лапах намерзли ледышки.

По дну распадка вдоль ручья идти было бы легче, зато медведь мог подкараулить их и столкнуть сверху каменную глыбу. Они теперь знали его повадки.

Наконец вышли к вершине высокой, замшелой с боков скалы, на краю медвежьего дола.

– Во, – показал Зурр на черное отверстие на противоположной стороне каменного уступа.

Отсюда хорошо была видна рощица из громадных орешин, в беспорядке раскиданные обвалом обломки скал, ручей, змеей извивающийся между ними. Только отверстие в темном уступе Лан разглядел не сразу. По извилистому коридору из скальных обломков чуть приметно вился припорошенный след к норе – видно, хозяин давно не выходил из логова.

Да там ли он? Может, давно ушел в горы вслед за добычей. Может, пуста теплая, сухая нора?

Лан долго глядел вниз, что-то мучительно соображая. На обратном пути он вдруг останавливался, задумчиво, с сомнением покачивал головой и шел дальше.

– Глаза мне говорят, – сказал Лан Зурру, – медведь спит в норе. Можно взять сурков из его запаса. Там, в земле, их много зарыто.

Зурр промолчал.

– Пойдем, как встанет солнце, – продолжал Лан.

В жилище вернулись в сумерки, усталые и голодные. Молча грелись у огня. Даже волк прилег недалеко от костра, промок и промерз, видно.

Было уже совсем темно, когда зверь вдруг вскочил на ноги. Глядя на него, забеспокоились и ребята. Никогда не видели они своего волка таким напуганным и робким.

Зверь дрожал и прислушивался к чему-то. Хвост, против обыкновения, был поджат.

– Соба, – ласково окликнула его Муна, но волк даже не взглянул на нее.

Он убежал в темноту, вернулся. Подбежал к Муне, затем к Лану, снова убежал.

Вскоре опять появился в свете костра, присел и вдруг, задржав кверху острую морду, завыл протяжно и скорбно.

Они вскочили. Запалили каждый по два факела и выбежали из-под скалы. Стояла морозная, ясная ночь. На небе важно и успокоительно мерцали звезды. Волк метался от людей к реке и обратно. Временами он вновь принимался выть. Что с ним? Совсем не так ведет он себя, когда близко опасный зверь.

– Соба, соба, – звала его Муна и пыталась поймать.

Зурр хотел было вернуться к уютному огню, но Лан остановил его жестом.

– Зверь зовет нас к воде. Может, там добыча, зачем он ходит туда?

Все трое настороженно двинулись за волком. Вот и река, но соба ведет их дальше по берегу, вниз по течению. Высоко над головами подняты факелы. Их ровный свет в неподвижном воздухе осветил искристый снежный наст на берегу. Никаких следов, ничего подозрительного.

Остановились в нерешительности. Не следовать же за зверем в темноту и холод. Пусть идет один. Вернется...

Сначала никто из троих не понял, что случилось. Лану показалось, будто он покачнулся и чуть не упал. Вслед за тем под ногами раздался глубокий глухой рокот, от которого сердце остановилось. Он видел, как упала в снег Муна, погасив разом оба свои факела. Зурр стал на четвереньки и широко разинул рот в неслышном, утонувшем в страшном грохоте, крике.

Ужасающий продолжительный скрежет и гул послышался сзади, со стороны скалы, где было их жилище.

Лан видел, да, он успел заметить, как вмиг погас костер, их славный горячий костер.

Мальчик сел в снег. Его сильное послушное тело сейчас показалось ему маленьким и хрупким. Хотелось лечь, сжаться в комок, а еще лучше исчезнуть, но он бессознательно держал над головой единственный уцелевший факел. Земля, всегда такая твердая и надежная, теперь шевелилась и качалась под ним, и в горах по-прежнему грохотало.



Сколько времени просидели они в снегу? Долго, наверное. Продолжали сидеть даже тогда, когда все затихло.

А звезды блистали равнодушно и весело, они были очень высоко, эти звезды.

Волк лежал тут же в снегу и поглядывал на Лана виновато и испуганно. Потом уселся рядом и оперся своей теплой жесткой спиной о замерзший бок мальчика. Только в нем искал он сейчас защитника от грозной опасности.

Зверь дрожал.

Немного придя в себя, Зурр и Муна запалили свои погасшие факелы от факела Лана, но слабый огонь не мог рассеять колючего холода. Сильнее холода сердца ребят заморозил животный страх перед неотвратимой, как кара злых дивов, силой подземных толчков...

Медленно, неохотно вползал в долину бледный рассвет. Первое, что они заметили, когда рассеялась ночная темень, – это исчезновение речки. То есть она осталась, но воды в ней почти не было: мокрые черные камни да тонкий ручеек посреди широкого русла.

В том месте, где недавно речка вырывалась из-под скалы, высилась гигантская каменная осыпь. Она же навсегда завалила их жилище. Что было бы с ними, не последуй они за волком!

С удивлением разглядывали ребята огромные темные обломки скал на белом снегу, совсем недалеко от себя. Эти обломки упали с тех гордых недоступных черных скал, что стеной поднимались в небо.

– Вуа-а! – тихо постанывал Зурр. Муна бормотала в страхе:

– О дивы ночи, пощадите детенышей племени таж! Мы дадим вам сладкого мяса и воскурим душистые травы. – Крупные слезы катились по ее щекам.

Всепобеждающий страх придавил и Лана. Страх перед грозной подземной силой, разрушающей самые крепкие ска-

лы, пересилил все остальные страхи. Но в то же время Лан возвысился в собственных глазах, потому что сумел не показать робости своим более слабым соплеменникам. Сознание превосходства над ними придавало ему новые силы. Более отважный, он должен защитить Муну, ободрить Зурра. Надо что-то сделать, немедленно...

Но как страшно жить в этом враждебном, непонятном мире!

РАЗУМ ПОБЕЖДАЕТ СИЛУ

Чтобы согреться, мальчики разожгли большой костер у зарослей, подальше от опасных скал, с которых скатились обломки величиной с маленькие горы. Но нельзя же жить тут, спать!

Солнце поднялось уже высоко, но теперь оно было бес- сильно против холода, который нещадно колол и щипал ребят, стоило лишь отойти от огня.

Лан в сопровождении волка снова ходил поглядеть на медвежью нору. Вернулся к вечеру с исцарапанными в кровь и подмороженными ногами. Долго отогревался.

Зурр молча носил из зарослей и складывал в кучу хворост.

Ночь почти не спали. С наступлением сумерек страх перед дивами, сотрясающими землю и горы, выпивающими речки, возник с новой силой...

Утром Лан сказал громко и решительно:

– Мы станем жить в норе медведя.

– Бо-бо! – удивился и испугался Зурр. – Разве мы можем прогнать большого зверя?

– Надо перехитрить его.

Лан с торжеством поглядел на Муну. Зурр протестующе мотнул головой и отвернулся: дескать, зачем тратить слова впустую.

Хитро подмигнув Муне, Лан взял из кучи хвороста тол-

стую палку и протянул Зурру:

– Сломай!

Тот добросовестно пытался переломить крепкую палку своими сильными руками, но не смог.

Лан вставил один конец палки между двух стволов близко растущих деревьев, всей тяжестью тела навалился на другой ее конец и переломил.

– Разум побеждает силу! – самодовольно воскликнул он и торжествующе швырнул обломки в костер.

Зурр ничего не понял. Он сидел раскрыв рот и мигал. Так и он может переломить палку еще толще этой.

Снисходительно и весело Лан говорил ребятам:

– Медведь уйдет на охоту, а мы войдем в нору.

– Он вернется и убьет нас, – возразила Муна.

– Огонь не пустит его, – торжественно объявил мальчик. –

Мы разведем большой огонь.

– Большому огню надо много пищи. Медведь убьет нас, когда мы пойдем за сучьями...

Лан задумался. Такого оборота он не предвидел. А Муна продолжала:

– Маленький Орел плохо придумал.

Долго раздумывал мальчик, потом тряхнул головой.

– Теперь Маленький Орел придумал хорошо. Идемте!

Сборы были недолгими. Взяли каменное рубило, лук и стрелы.

Зурр нес на плече толстый ивовый кол, который они с Ла-

ном только что срубили. Для чего мог пригодиться этот кол, знал один Лан. К середине дня с трудом добрались они до можжевельниковой поляны: часто приходилось садиться в снег и отогревать окоченевшие ноги.

Медведь к своему запаснику не приходил. Зловредные гиены тоже не раскопали сурков, припрятанных в яме: ни единого следочка не видно на искристом снежном насте, разве что вороньи отметины.

Не сразу нашел Лан, где закопаны тушки сурков, потому что снежные метели сровняли неровности земли. Помогла старая поваленная арча. Не без труда добыли они зверьков из-под снега и смерзшейся земли.

Мальчики зубами грызли твердое как камень мороженое мясо и жадно жевали его. Муна оказалась терпеливее.



Над огнем она отогрела большущий кусок, пока не закапал с него жир, обжигаясь, ела сочное горячее мясо.
Недоеденный кусок протянула Лану. Тот вцепился зубами

в пахучее и мягкое мясо и осклабился: с первого же раза по вкусу пришлась ему такая еда.

В племени таж никогда еще не ели поджаренного над огнем мяса, а только вяленое или сырое. Так, незаметно для себя, Муна сделала важное открытие – впервые изжарила на огне мясо.

Насытившись, ребята закопали медвежий запасник – там еще оставались мороженые тушки сурков – и принялись рубить для факелов смолистую арчу...

К вечеру с большими вязанками на плечах приблизились они к медвежьему долу.

Зурр и Муна дрожали не только от холода, да и Лан уже не чувствовал прежней уверенности. Но отступить нельзя: без теплого жилья они пропадут.

Сурово поторапливал Лан своих друзей. На этот раз они подбирались к норе зверя со стороны уступа, в котором зияла медвежья пещера.

Оставив ребят в ложбинке, неподалеку от края уступа, Лан осторожно подполз к хилой кривой березке, чудом зацепившейся корнями за расщелину на самом краю. Пещера оказалась как раз под ним.

Было достаточно светло. Пристально разглядывал мальчик нетронутый снег между каменными глыбами у выхода из норы, будто медведь мог прошмыгнуть мышью, не оставив заметного с высоты уступа следа. Кое-где виден был лишь старый, сильно припорошенный след громадных лап, вед-

ший в нору. Значит, зверь в логове.

Прихватив толстый ивовый кол, Лан в сопровождении волка поспешил к заснеженным громадным орешинам, в обход норы. К этим орешинам выходила звериная тропа от логова, змеившаяся посреди коридора, образованного обломками скал.

Уже совсем стемнело, когда теньями скатились в ложбинку Лан и волк. Глаза мальчика возбужденно блестели.

– Разжигайте большой костер, – проговорил он, с трудом переводя дыхание.

У Муны от страха и холода лязгают зубы, а Лан торопит.

Все выше поднимается пламя от костра.

С зажженными факелами приблизились к краю уступа. Маленький Орел торопливо спустился на скалу, что возвышалась у входа в пещеру, и приказал:

– Бросайте!

Полетели вниз горящие головни, и вот уже трещит, разгорается костер в устье пещеры, жаркий воздух и дым от арчи взвиваются вверх, к звездному холодному небу.

Став на колени, Лан широко размахнулся и швырнул горящий факел в черную глубину пещеры, затем второй, третий...

Муна подавала ему новые факелы, а он швырял и швырял. Ужасающий рев раздался из норы: проснулся наконец хозяин. Видно, крепко спал. Проснулся, когда огнем припекло.

На какое-то время страх охватил ребят. Лан по-кошачьи

вскарабкался на уступ и бросился в темноту вслед за Муной и Зурром, но остановился возле костра в ложбинке, схватил охапку горящих факелов и крикнул:

– Йо-о-хо! Йо-о-хо!

Этот боевой клич племени должен был вернуть беглецов.

А медведь в это время метался по тесной норе и истошно ревел. Убежать бы зверю от неведомо откуда свалившейся напасти, да вход сплошь охвачен пламенем. Несколько маленьких огней пылает внутри пещеры, и медведь не в силах бороться с этим страшным врагом.

Но вот новые горящие головни полетели внутрь пещеры. Одна угодила в голову, другая запуталась в шерсти, жжет нещадно.

Накалился воздух в норе, дым разъедает глаза.

Обезумел от боли и страха могучий зверь, ринулся наружу через огненный вал, затлела, задымилась шкура, нестерпимая боль вцепилась в ступни. Вихрь искр взвился в небо.

Разметал медведь костер по снегу, помчался с ревом между глыбами, тяжело натываясь на острые каменные выступы, будто сослепу.

Тлела и чадила на нем шерсть, и поэтому в ночи виден был путь его. Вот он уже у орешин...

От нового рева содрогнулся воздух, показалась, будто качнулись звезды. Эхом откликнулись дальние скалы на звериный крик.

Долго из непроглядной темноты доносился то затихаю-

щий, то вновь усиливающийся рев.

Эту ночь, уже третью по счету, не спали ребята, но не от холода – в неглубокой пещере было тепло и сухо, – страх и возбуждение прогнали сон. Сидели у огня, прислушивались к звукам снаружи и молчали. Острый звериный запах, сохранившийся в пещере, бил в ноздри, беспокоил. Что принесет им новое утро?

Незадолго перед рассветом начался снегопад. Мелкий сухой снежок споро укутывал землю. Снежинки то неслись нескончаемым каскадом над скалами, гонимые порывом ветра, то грациозно кружились в свете костра, в промежутках между порывами.

Пришел волк. Пришел со стороны орешин, откуда всю ночь доносился медвежий рев. Значит, он знает, что там случилось, жаль, говорить не может.

Развиднелось. Вооруженные факелами на случай нападения медведя, Лан и Зурр настороженно двинулись между каменными глыбами по звериной тропе. Волк побежал впереди.

Вот и ореховые деревья. Зурр издал продолжительный торжествующий крик:

– Вах-ха-а-а!

В ручье, проломив лед, недвижимо лежал громадный зверь.



Снег уже припорошил его опаленную шерсть. Голодный волк успел погрызть его в нескольких местах. Поодаль на снегу виднелись следы гиен, но они не решались подойти к грозному зверю.

Передними лапами медведь сжимал розовый от крови ивовый кол, на который, видно, напоролся в слепом бегстве от огня. Все правильно подстроил мальчишка, хорошо придумал укрепить острый кол на пути зверя.

– О дивы! – воскликнул Лан. – Мы вернемся к племени таж! Мы сделаем, как велел Мудрый Аун! Я охотник! Теперь буду носить ожерелье из медвежьих клыков. Это я, Лан, убил его.

Разум победил силу.

ПРАЗДНИК ПТИЦ, НАЧАЛО ГОДА

Отгудели снежные вьюги, отпустили, ослабели злые морозы, и ослепительное солнце стало подниматься все выше над синими зубцами далеких гор, все больше набираясь животворящего тепла.

В ложбинах и на теневой стороне лежал еще тяжелый серый снег, а на черных каменных россыпях было уже сухо, на солнечных склонах радостно проступили зеленые пятна молодой травы, и по недавно сухим распадкам грозно зашумели мутные потоки, ворочая камни и волоча деревья.

Зима возвращалась не раз. То занесет все обильным снежком, то прозвенит прозрачным утренним морозцем. Но уже легкой зеленью опушились заросли, и первые нарядные птицы завели свои песни и пересвисты.

От этих песен Муне становилось радостно и грустно одновременно. Часто теперь выходила она к ручью, садилась на теплый, нагретый солнцем камень под ореховым деревом и слушала переключку птиц. Сколько их тут! И с каждым погожим днем становится все больше.

«Витью-вити, витью-вити, тью-тью-тью!..» – пела маленькая скромная птичка, удобно устроившись на самой верхней веточке высокого дерева. Из прозрачной яблоневої рощиці с розовыми набухшими почками залиvisto отвечала ей другая такая же певунья.

«Ци-ци-ци-ю-ю-и!..» – скромно высвистывает овсяночка, деловито перескакивая с веточки на веточку молодого клена.

Синей молнией сверкнул на солнце каменный дрозд, уселся на колючей боярке, поправил перышки под крылом и запел, повернувшись к солнышку и трепеща крылышками от полноты чувств:

«Тэк-тэк-тэк-юит-юит!..»

Прилета птиц ждали со дня на день, как ждут заветного праздника. Да это и был самый большой праздник в племени таж. В день прилета журавлей и аистов устраивались обычно испытания для юношей, и самых ловких из них, самых искусных называли охотниками, давали новые имена.

Далеко родное племя, за снежными горами, но Лан все-таки с нетерпением ждет прилета птиц, будто надеется на чудо.

С прилетом больших птиц приходит Новое Солнце, начинается сытная пора в жизни племени. На красивых палочках, болтающихся на шее малышей, матери делают очередную засечку: прожита еще одна зима, а значит, и еще один год.

Как же могли ребята не ждать дня прилета птиц даже вдали от племени?

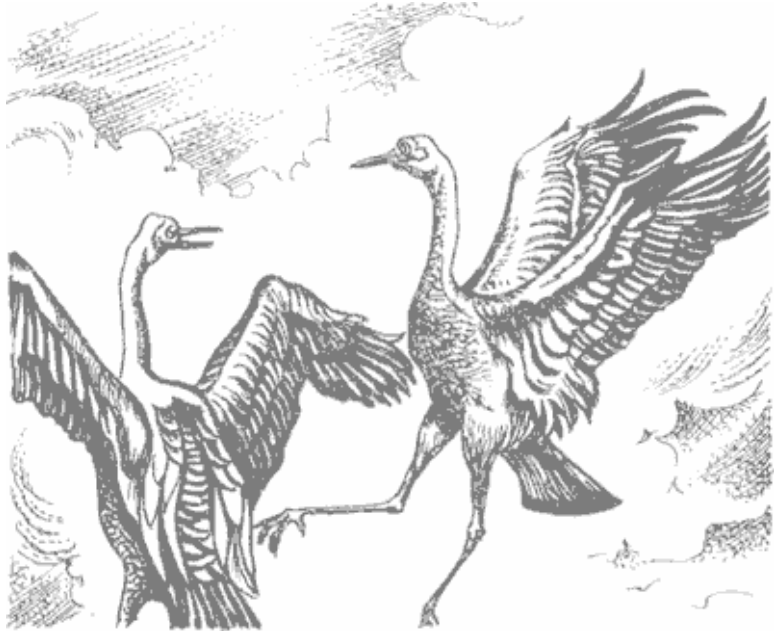
Лан взобрался на черную глыбу и удобно устроился в выемке. Ветерок доносит снизу, из долины, чудесные запахи парной земли, аромат почек, свежесть талой воды. Мальчик поглядывает на Муну, которая что-то ищет в молодой траве, пробует на вкус.

Сегодня солнце не просто греет, а уже печет. Скалы на другой стороне дола дрожат и ломаются в струях теплых испарений земли.

Сквозь звонкое щебетание пташек Лан уловил какой-то знакомый волнующий звук, будто кто-то мощной рукой спустил тетиву громадного лука. Вот снова и снова ветерок доносит звук. Нет, он несется откуда-то сверху.

Муна подняла руки к небу, и тут только Лан увидел высоко, под самым облаком, стройный журавлиный клин.

«Рао-ра-окроау!..»



Как он сразу не узнал радостный клич загадочных птиц, возвещающих приход Нового Солнца?

А ниже журавлей, стороной, неровной цепочкой скользят над горами на блестящих мягких крыльях черные аисты. Их молчаливый полет строг и величествен.

– Птицы прилетели! – громко закричал Лан и соскочил со скалы на землю.

Муна, сияющая, возбужденная, сбросила с себя лохматую козью шкуру...

Мальчик замер в изумлении: на ней была тонкая одежда из шкуры косули, золотисто-коричневая, такая, какие шили женщины племени к праздничному дню. В этой непривычной одежде Муна выглядела тоненькой и гибкой, будто ивовый прутик.

Она кружила по лугу возле ручья и пела, будто птичка, лучше птички:

Большие птицы летят высоко, Новое Солнце несут. Птицы, людям таж скажите, Скоро мы к ним придем...

Тонкие золотистые волосы девочки словно паутинку развеивает шаловливый ветерок, и они блестят и выются, точно пламя факела. Гибкие смуглые руки мягко взлетают в небо и плавно опускаются вниз. Они кажутся крыльями. Глаза у Муны полузакрываются, лицо неузнаваемо занавешено сеткой волос. Быстрые стройные ноги подчинены какому-то неслышному сложному ритму. Они то семят мелкими шажками, то вдруг делают широкие плавные круги.

Лан остановился, и громкий радостный клич, возвещающий приход Нового Солнца, застрял у него в горле. Он стоял и смотрел, опасаясь, как бы не кончилась песня, как бы не прекратился танец.

Муна подражала плавному полету величественных птиц. Казалось, еще немного, и она поднимется в воздух вслед за стаей, легко минует далекую заснеженную седловину между двух белоснежных пиков, уходящих за облака, и очутится над головами соплеменников.

Но нет, даже Муна, невесомая, тоненькая Муна не может оторваться от земли!

Позже они пойдут по горам, шаг за шагом подбираясь к заветному перевалу, и вернутся, потому что снежные бураны и холод к тому времени еще не улетят в свое неведомое логово.

В другой раз они пойдут к перевалу, когда опадет нежный розовый и белый цвет яблонь и груш, алычи и боярки, сочно зазеленеют тополя и беревы, ивы и вязы, клены и ясени, когда буйно зацветут непролазные заросли ежевики и шиповника, когда зеленые травянистые склоны дивно разукрасятся пестрым разноцветьем и заалеют крупными тюльпанами и маками... И снова вернутся, потому что грозные обвалы и тяжелые слезавшиеся снега станут на их же пути.

В третий раз поднимутся они к самым облакам. Даже могучие беркуты и белоголовые луны будут кружить на одной высоте с ними. К тому времени в долине уже станут наливать ядреным соком урюк и яблоки, а стебли мальв поднимутся выше Зурра.

Непреодолимые черные скалы станут перед ними, и они, будут карабкаться вверх, обдирая в кровь пальцы, и наконец, поднимутся на высокую стену, оставив внизу молчаливого волка с глазами, полными тоски и укора.

Но за первой скалистой стеной откроется другая, еще выше и неприступнее первой, и непроходимые, коварные ледники издали покажут ребятам свои грязные языки.

И они вернутся в третий раз, поняв, что седловину им не преодолеть. Терпеливый и сдержанный Лан будет плакать горькими скупыми слезами отчаяния и бессилия, спрятавшись от Зурра и Муны, и только волк, его постоянный спутник и друг, увидит слезы отважного охотника.

НАЧАЛО ЗАГАДКИ

Легкодумный Зурр быстро примирился с неудачной попыткой перевалить через горы. Он радовался каждому новому дню, своей удачливости на охоте.

Теперь у него был большой лук и длинные стрелы с острыми кремневыми наконечниками. Дня не проходило, чтобы вернулся он с охоты с пустыми руками: то принесет барсука или сурка, то дикобраза, то поросенка, то горного барана, круторогого красавца, а однажды добыл даже оленя.

Особенно поверил Зурр в свою охотничью доблесть, когда однажды в узком высокогорном ущелье повстречался со снежным барсом.

Хищник был ошеломлен встречей не меньше мальчика. Они стояли друг против друга и не решались что-либо предпринять: напасть, но нет уверенности в победе, отступить, но не поймет ли это противник, как проявление слабости, и не нападет ли?



Так и стояли они, стараясь не глядеть в глаза друг другу, пока барс не попятился назад, недовольно ворча. И тут же

Зурр отступил за корявый ствол дерева.

Они разошлись мирно, и каждый мог считать себя победителем. Больше Зурр не появлялся в этом ущелье. Разве мало других мест для охоты в благодатной стране предков!..

Лан с утра обычно уходил к реке. Они с волком пробирались сквозь колючие заросли джиды и устраивались под старой ивой, на краю лессового обрыва.

Внизу волновалась под ветром и сухо шелестела широкая полоса камышей, а дальше, булькая и стремительно кружась в омутках, мощно катилась могучая река, такая же непреодолимая для них, как и горы.

Мальчик подолгу глядел на быструю воду и думал, думал о чем-то. Казалось, он не замечал волка, но тотчас начинал искать его, если тот отлучался хотя бы ненадолго. Они призывали друг к другу и сдружились. Зверь обычно бежал впереди мальчика, оглядываясь и как бы спрашивая, туда ли он бежит. Если Лан сворачивал в сторону, волк тотчас догонял его и снова забегал вперед.

Никогда Лан не ласкал зверя, как ласкала его Муна, но не забывал поделиться – ним пищей. Впрочем, и волк, отличный охотник, нередко приносил мальчику часть своей добычи.

Это был уже совсем взрослый зверь. Ростом невысок, чуть выше колена мальчика, но широк в груди. В пасти острые зубы и длинные страшные клыки. Взгляд маленьких глаз то колючий и злой на охоте, то умный и внимательный, обра-

ценный к Лану, то безмятежный и смеющийся, когда Муна зовет соба поиграть с ней. С Зурром волк по-прежнему держится настороженно, хотя тот нередко балует его сладкими кусками и жирными мозговыми косточками...

Что приводило Лана к берегу реки? Поиски добычи? Нет. Уже на протяжении луны ничего не приносил он в жилище. Много раз встречались им в камышах свиньи с кабанятами, зайцы, гуси и утки. Лан словно не замечал их.

Как-то набрали они на громадный костяк неведомого зверя, выбеленный горячим солнцем, дождями и ветрами. Гигантские кости скрывались в светло-желтом лессовом намыве, лишь ужасающая голова с острыми рогами выпирала наружу, будто зверь силился сбросить с себя гнет толстого пласта и выбраться к воде – утолить жажду.

Много дней Лан приходил сюда и день за днем рубил острым камнем один из рогов зверя. А срубив, всегда носил с собой, шлифовал, точил и оглаживал. Замечательной остроты и прочности нож-резец получился из обломка рога, лучше волчьего клыка.

Резец давно готов, но Лан продолжает приходить к лессовому обрыву каждое утро. Смотрит, как вода несет из неведомой дали островки грязно-белой пены, раздувшиеся трупы зверей, большие и малые деревья с листьями и корнями.

На одном дереве Лан разглядел живого зайца. Зверек беспомощно оглядывался по сторонам, а своенравная река кружила большое дерево, будто камышинку, и несла, несла его

вместе с зайцем неведомо куда.

«Куда бежишь ты, река? – одними губами спрашивает мальчик. – Может, ты пробежишь мимо племени таж?»

Ничего не отвечает река, просто булькает и пошевеливает волнами зеленый камыш и осоку, бесстрашно забежавшие в коварную подозрительную глубину.

Как-то Лан забрел в мелководную лагуну. Несколько шагов сделал в сторону стремени. Вода едва поднималась выше колен, и вдруг дно враз ушло из-под ног, и мальчик с головой окунулся в теплую мутную глубину.

С выпученными от страха и неожиданности глазами лихорадочно искал он ногами опоры. Встал. Вода коварно щекотала ему спину и грудь и ласково подталкивала на глубину. Отчаянным усилием выбрался он на мелководье, упустив при этом все свои стрелы. Они плыли стоймя, выставив над водой нарядное цветное оперение.

Река, конечно, еще коварнее гор. Но ведь плыл живой заяц на дереве?..

И снова весь день до вечера сидел Лан над обрывом и глядел на реку, будто ждал от нее ответа на свои думы.

Однажды утром, сам того не зная, мальчик прошел мимо важной тайны, разгадка которой помогла бы им найти путь к родному племени.

Лан почти добрался до старой ивы, когда волк почуял след. Мальчик привык, что соба непонятным образом узнавал след даже в каменистых местах, где ступня не оставляет

отпечатка. Привык и доверился ему.

Волк ушел по следу, а Лан, по-прежнему не интересуясь охотой, уселся под деревом.

Вскоре из камышей послышался отчаянный вопль, а затем мальчик увидел старого плешивого шакала, со всех ног удирающего от соба.

Откуда было знать ему, что этот плешивый шакал – старый недруг стаи рыжих волков и прихвостень Меченого, волка-одиночки, – пришел сюда из-за гор, из Солнечной долины. Откуда было знать ему, что и сам Меченый нынешней ночью рыскал по этим камышам, а теперь отсыпается где-то в густых зарослях. Тот самый Меченый, которого ненавидят рыжие волки за вероломство и кровавые обиды, тот самый Меченый, который утащил его младшего братишку Лика.

Немало удивился Лан, увидев соба преследующим шакала. Неужели его друг польстился на старого вонючего пожирателя падали?



Возможно, он так ничего не узнал бы, не случись ссоры с Зурром у вечернего костра.

НА ТРОПЕ ГНЕВА

Зурр принес ястреба. Эта добыча была особенно ценной, потому что перья и когти хищника служили лучшими доказательствами удачливости охотника.

Втайне Зурр завидовал Лану, грудь которого украшали громадные клыки медведя. Шкурой этого зверя устлана почти вся пещера. И вот теперь Зурр тоже добыл знаки доблести – когти ястреба.

Муна с увлечением готовила для себя новую одежду из блестящих сурковых шкурок, когда пришел Зурр. Небрежно швырнув к костру зайца, мальчик торжествующе растянул за крылья ястреба.

– Вах-ха!

Муна обрадовалась его добыче.

– Зурр большой охотник, – хвастливо сказал мальчик. – Зурр добывает пищу для всех. – Он перевел дух от непривычно длинной речи. – Лан не может добывать пищу.

Эти слова не понравились Муне.

– Разве Зурр забыл, кто добыл большого медведя?

– Зверь сам убил себя.

– Лан добыл косулю. – Муна указала на свою одежду.

– Зурр убил оленя и много этих сурков. – Мальчик запальчиво отшвырнул ногой рукоделие Муны. – Зурр большой охотник и потом... возьмет в жены Муну.

Девочка презрительно расхохоталась ему в лицо и в свою очередь отшвырнула ногой мех сурков.

– Нет, никогда! Тот не охотник, кто хвостун.

Она пошла к выходу, но Зурр грубо схватил ее за руку. В этот момент вошел Лан и остановился у входа. Он слышал часть разговора, и глаза его сузились от негодования.

– Отпусти Муну! Ты снова забыл обычай племени?

Зурр нехотя разжал пальцы, и Муна с плачем выскользнула из пещеры.

– Здесь нет племени! – крикнул Зурр.

– Но здесь живут по его обычаям.

– Тогда Зурр станет вождем, он один добывает сладкое мясо. Лан вспыхнул:

– Хорошо. Отправимся сейчас на охоту. Посмотрим, у кого с восходом солнца будет больше добычи.

Зурр молча вышел. Лан следом.

Муну Лан нашел у ручья. Только прошел дождь. Из-под тучи выглянуло умытое солнце и осветило сбоку сверкающие дождевые струи, протянувшиеся к земле от тучи, расцветило пестрыми огоньками капли на зелени деревьев и трав. На синем фоне дальних гор вспыхнула сочная радуга.

И опять с удивлением Лан увидел светлое, счастливое выражение на лице девочки. Неужели она уже забыла обиду, только что нанесенную ей Зурром?

Нет, не то. Ей хорошо при виде этого солнца и небесных цветов, как бывало хорошо Мудрому Ауну. Впервые Лан по-

завидовал ей.

Он внимательно вглядывался туда, куда смотрела Муна, чутко прислушиваясь к себе: хорошо ли ему?

Нет, не хорошо. Злоба, досада на Зурра клокочат в груди. К утру ему необходимо добыть много мяса.

Лан знает, где охотиться. Там, в камышах, у реки он приметил водопой. Приходят туда кабаны и олени. У водопоя будет ему добыча.

Сумерки быстро сгустились, на землю упала ночь. Охотник устроился в камышах так, чтобы ветер дул ему в лицо от водопоя. В темноте слышались осторожные хлюпающие шаги зверей, подкрадывающихся к воде, или торопливая поступь удирающих от опасности.

Лан не спешил. Уже разливалось над горами белесое пятно восходящей луны. Чтобы волк не спугнул зверя раньше времени, охотник оторвал от козьей шкуры, своей одежды, длинный лоскут и привязал соба. Это не понравилось вольнолюбивому зверю, и он сначала пытался освободиться от ремня, но вскоре успокоился, смирился.





Взошла луна. Под голубым призрачным светом таинственно заблестела осока у кромки воды.

Долго у водопоя никто не показывался. Наконец пришла лисица. За ней появился камышовый кот, гроза гусей и уток. Вот в гордом одиночестве пришел утолить жажду могучий секач. С этим связываться опасно.

Надо ждать еще...

Молодая свинья привела выводок поросят, когда луна, поднявшись высоко в небо, накалилась добела и вокруг развиднелось. Ласково похрюкивая, свинья вошла в воду по брюхо.

Лан поднял лук. Стрелять неудобно, надо, чтобы животное повернулось боком.

Вновь завозился волк, стараясь освободиться от привязи. Искоса Лан взглянул на него и на время забыл про свинью: шерсть у соба поднялась от загривка до хвоста, в глазах светились свирепые огоньки, зубы оскಾಲились.

«Не медведь ли рядом, не тигр?» – подумал мальчик, и липкий озноб внезапного страха передернул плечи.

Волк дрожал от злобного боевого возбуждения. Там, за стеной камыша, невидимый, затаился страшный враг рыжего волка. Острый запах врага вернее зрения говорил соба, что враг близко. В то же время он ощущал неуверенность: он не знал своего врага и потому боялся его. Этот запах смутно

напоминал давний смертельный бой... Противная дрожь в лапах пройдет, как только рыжий волк увидит своего врага, того, кто несет этот ненавистный запах!

До ряби в глазах Лан вглядывался в непроглядную темень камышей. Там скрывается грозный зверь, соба чует его. Кто он?

Шевельнулись серебристые стебли, и мальчик увидел громадного серого волка. За ним, почти касаясь мордой волчьего хвоста, следовал шакал, тот самый облезлый шакал, который сегодня утром получил трепку от соба.

На мгновение серый зверь чуть повернулся, и тогда мальчик вдруг явственно увидел на плече длинный белесый шрам.

Лан застонал от сладкого чувства близкой мести, стеснившего грудь. Он узнал зверя – это был убийца его маленького братишки Лика, это был кровавый похититель младенцев. Рука сама медленно натягивала тетиву. Вот сейчас запоет, звонко просвистит стрела...

В этот момент соба рванулся, и лук дрогнул. Стрела пошла выше и вонзилась в загривок зверя.

От страха и неожиданности взвыл шакал, отчаянно завизжали испуганные поросята. С шумом и треском удирали кабаны напролом через камыши.

Громадный волк исчез, будто его и не было, исчез вместе со стрелой.

До охоты ли теперь было Лану, когда он встретил Мече-

ного? Надо выбирать их камышей. Неизвестно, как поведет себя раненый волк.

В одном месте на лессовом склоне Лан увидел темные пятна, похожие на кровь. Соба рвался по следу, но мальчик не решился пустить его до утра: раненый серый зверь был силен и опасен.

Забыв про ссору с Зурром, Лан решил немедленно возвратиться в жилище, чтобы поутру стать на тропу мести, тропу гнева.

Муна спала чутко. Не успел мальчик приблизиться ко входу в пещеру, как взвился столб искр: в пригасший костер подбросили хвороста.

– Муна, я стал на тропу гнева. Своими глазами видел волка с меткой на плече, того, который утащил детеныша Лика, брата моего. Завтра или в другой близкий день, но я отомщу убийце.

– Ой-хи! – всплеснула руками девочка. – Как же он пришел сюда? Через снежный перевал?

От изумления у Лана отвалилась челюсть. В самом деле, как? Значит, есть тропа?

– Твоя правда...

– Нельзя убивать злого зверя. Может, он покажет нам путь в Солнечную долину, – горячо говорила Муна.

Ах, Муна, Муна! Как же он сам, охотник, хранитель мудрости Слова, не подумал об этом?!

– Твоя правда, – повторил Лан. – На рассвете пойду искать

волка. Соба покажет след его.

– Я с тобой. Лан промолчал.

– Я пойду с тобой, – громче сказала Муна, страшась отказа.

– Припаси все факелы, какие есть, – сонным голосом попросил мальчик.

– Не спи, Лан, послушай меня, недолго. Давно хочу сказать... Мальчик приподнялся:

– Ну!

– Мне кажется, соба все-все понимает. Видишь, он даже огня уже не боится, как другие звери... Может, это кто-нибудь из предков таж?

Глаза у Муны округлились.

– Может, и я стану каким-нибудь зверем... Я хотела бы стать птицей. Поднялась бы высоко-высоко, выше перевала, полетела бы в Солнечную долину, поглядела бы на мать мою – Яну. Хорошо быть птицей, ах, хорошо!..

Она немного помолчала. Придвинулась ближе к мальчику и сказала доверительно:

– Мне приснилось, будто я живу одна-одна среди зверей. Косули и олени играют со мной, как соба, и белая птица – аист перебирает мне волосы, как Яна. И они говорят со мной, как ты...

– Так не бывает, – сердито перебил Лан.

– А наш соба? Разве не живет он в нашем жилище? Может, и другие звери станут жить?

– Вот еще! Соба помогает на охоте, он храбрый.

– Все равно. Когда мы вернемся в Солнечную долину, ты добудешь мне другого живого звереныша. Пусть он тоже живет у нас. Пусть будет, как во сне. Ладно?

– Ладно, – пробормотал Лан, засыпая.

МЕСТЬ ВЕДЕТ ПО СЛЕДУ

Им не пришлось искать зверя по каплям крови на земле. Соба почуял след врага совсем рядом от пещеры. Вскоре Лан увидел отпечаток устрашающе огромной волчьей лапы на сыром песке, у ручья. Стало быть, ночью волк приходил к жилищу людей, глядел из темноты на костер.

О, если бы не огонь, возможно, их с Муной уже не было бы и в живых. Огонь – вот в чем сила людей даже перед таким страшным зверем, как матерый волк, не раз попробовавший сладкой человеческой крови.

Лан потрогал сверток за поясом: здесь жилка для лука, ореховая скорлупа и сухая прямая палочка. Какое блаженство повелевать огнем, уметь вызвать его из трухлявого пня, когда надо!

Шли налегке. У Лана связка факелов, лук и стрелы, у Муны горящий факел и легкая оленья шкура для ночлега.

Соба сосредоточен: он ведет охотника по следу врага.

Солнце еще не встало, когда достигли они густых зарослей шиповника в широком каменистом распадке. Соба замедлил шаг. Снова, как и вчера, его отливающая закатным солнцем шерсть вздыбилась. Где-то здесь, в зарослях, схоронился враг.

Лан взял из рук Муны факел и подошел к старому, давно засохшему тополю.

– Йо-хо! Йо-хо! Ты, похититель детенышей, выходи из кустов! Нечего прятаться, подобно шакалу!

Качнулись стебли растений, и на поляну вышел волк.

О, как же он был огромен! По пояс Лану, даже выше. Вчера при лунном свете он казался меньше. В загравке у него торчал обломок стрелы, испачканный землей и запекшейся кровью.

Муна зажмурилась. Соба оскалился и грозно зарычал.

На какой-то миг Лан заколебался, не отступить ли? Нет. Этот зверь, как и все другие, боится огня.

Как бы невзначай мальчик прикоснулся факелом к сухому стволу тополя, и легкий огонь рыжей белкой мгновенно вскарабкался вверх. С ликующим треском заплясал, загудел он в сухих ветвях дерева, развевая по ветру дым и искры.

Размахнувшись, Лан ловко швырнул горящий факел в морду зверю. Тот чихнул и обескураженно попятился. Запахло паленой шерстью.



Волк отступил. Вдогонку ему полетел еще один факел, ударил по крестцу.

Лишь на миг, на короткий миг зверь поджал хвост от ужаса перед огнем, но заметили это все: Лан, и Муна, и рыжий волк-соба, и шакал, с опаской наблюдавший из кустов за происходящим.

И тут Лан допустил оплошность. Надо было стрелять из лука, криком и огнем пугать отступившего зверя, а он, безоружный, бросился вперед, чтобы поднять с земли горящие

факелы.

Не успел. Матерый волк заметил, что в руке человека нет страшного огня. Лютая злоба сменила страх, вспыхнула в нем с неукротимой силой. Молниеносно бросился он навстречу хрупкой человеческой фигурке.

Могучие челюсти щелкнули в воздухе, сильные лапы ударили человека. От этого удара распластался он на земле, и запахло человеческой кровью.

В тот же миг отчаянный рыжий волк-соба свирепо вонзил свои клыки в шею Меченого. Завертелся зверь на месте, покатился по земле, задыхаясь от жестокой хватки противника, сбросил его с себя...

И снова хрупкая человеческая фигурка стала перед ним. Стоит покачиваясь. Кровь течет на землю, пьянит рассвиравшего хищника. В руке человека горящий факел.

Ярость борьбы, запах свежей крови ослепили зверя. Бросился он вперед – даже огонь не напугал его, – подмял под себя человека...

Что-то больно, очень больно кольнуло в бок, и слабость липкими путами оплела сильное тело, тяжестью налились могучие лапы, ослабили челюсти. Снова почувствовал он зубы врага, злобного рыжего волка, на своей шее, но нет уже сил сбросить его. Вздрогнул громадный волк всем телом и обмяк.

А соба, ослепленный яростью, все рвет податливое тело врага. Опрокинул его на бок, остервенело треплет.

Муна помогла Лану выбраться из-под огромной туши волка, с трудом выдернула острый костяной нож-резец из бока зверя.

– Вот как получилось, – сказал Лан, зажимая рукой кровавую рану на груди, – не найти нам теперь дороги к племени.

– Дивы помогут, – попробовала утешить его девочка.

Из кустов послышались визг и вой. На поляну выскочил плешивый шакал. Соба на бегу рвал его, только клочья лети.

– Соба! – крикнул Лан. – Не тронь его!

Волк сделал еще несколько прыжков за противником и остановился, будто невидимый кожаный ремень сдавил ему шею.

Первый раз человек приказал ему, первый раз он подчинился приказу человека.

– Вот кто покажет нам путь к племени – этот шакал, прихвостень волка.

Пока Муна промывала Лану раны на груди и боку, он продолжал говорить быстро и возбужденно.

– Теперь шакал захочет удрать к стае, ведь он остался один. Мы пойдем за ним... Соба покажет нам его след...

Мальчик скрипнул зубами от боли.

– Зурра позови... Один пропадет тут без огня...

– Позову.

– Шкуру медведя оставьте – тяжелая...

– Ладно.

– А волчью возьмем...

Слабость стала одолевать мальчика. Муна устроила ему ложе, подстелив оленью шкуру, и Лан не то заснул, не то забылся в обмороке. У ног его прилег и соба, чутко поводя во сне ушами. Но волк насторожился и поднял голову.

Девочка обернулась. У дымящегося дерева стоял Зурр. Лукавые искорки вспыхнули в глазах Муны.

– О храбрый Лан! Ты погиб по вине Зурра. Он хотел этого.

– Вуа! – завопил Зурр, падая на землю. – Нет, нет, Лан! Зурр не хотел.

– Хотел! – Муна повернула к нему гневное лицо. – Кто добыл огонь? Лан. Кто убил медведя? Лан. Кто убил этого волка? Опять Лан. А ты, Зурр, нарушал обычаи племени! Хотел стать первым охотником, вождем.

– Нет, нет! Зурр не будет!

– Станешь ли ты слушаться Лана как первого охотника, если я оживлю его?

– Да.

Потихоньку завывая и бормоча непонятные слова, как это делал Черный Ворон, Муна подняла с земли сухой листок, перетерла его в порошок и насыпала в нос «мертвецу».

– Апчхи! Чхи! – ожил «первый охотник».

Зурр остолбенело раскрыл рот, потом подполз на четвереньках к Лану и потрогал его рукой.

– А я видел Лику, – потягиваясь, сказал Лан. Муна хохотнула.

– Ты же был в стране предков, я оживила тебя. – И девочка хитро подмигнула мальчику.

– Ты первый охотник – это Зурр говорит тебе...

Лан не обрадовался словам Зурра.

– Нет. Не будем спорить. Пусть ты, Зурр, будешь первый, пусть. Лишь бы дойти нам, лишь бы сказать людям последнее слово Ауна.

ДРУГ НАШ, СОБА

Решено было идти немедленно. Лан встал. Муна присыпала золой его рваную царапину, которая шла поперек груди и заканчивалась на боку. Голова у мальчика кружилась, но он превозмог слабость.

– Соба, найди нам старого шакала, – сказал он волку. Тот взглянул на мальчика, но не сдвинулся с места.

– Нам нужно найти дорогу к племени, – пояснила зверю Муна. – Там и твоя стая живет.

Зверь явно не понимал, чего от него добиваются. Тогда Лан поднял с земли клочок грязно-рыжей шерсти шакала и показал его волку.

– Твоего врага найди.

Только теперь волк понял. Понюхал клочок, брезгливо чихнул и затрусил вперед, оставив нос в землю.

След кружил по долине, то забирался в густые заросли ежевики, то петлял между камнями у черных скал. Но вот он перестал петлять: шакал направился прямехонько в горы.

На другой день ребята нашли окровавленные перышки птенца скалистого голубя, доставшегося на завтрак шакалу, а потом у воды увидели четкие отпечатки шакальих лап.

Друг-соба вел правильно.

Стояло свежее горное лето. Днем солнце припекало нещадно, ночью без огня не согреешься. С каждым новым

подъемом, с каждым днем пути становилось прохладнее. Воздух здесь, на высоте, был так прозрачен, что дальние склоны, вершины и скалы казались близкими, казалось, к ним можно прикоснуться рукой.

Далеко внизу остались фруктовые заросли с кисловатыми наливающимися плодами, пестрые теплолюбивые птицы.

Опять голодно стало ребятам: некогда охотиться, страшно потерять след шакала. Много дней упрямо шли все вверх и вверх.

Устали ребята, особенно Лан. Часто останавливается передохнуть, подолгу пьет воду из гремячей горной речки.

Как-то утром он не смог подняться.

– Один день останемся тут, – сказал, виновато улыбаясь.

Муна обрадовалась:

– Зурр, ты хороший охотник, ты добудешь пищи. Соба пойдет с тобой.

Но волк не пошел, как ни звал его Зурр, как ни манил. Привалился к спине Лана и стал зализывать израненные, порезанные на острых камнях лапы.

Муна осмотрела царапину на груди мальчика и недовольно покачала головой. Сколько дней прошло, а рана все кровоточит.

Здесь, на высокогорных лугах, травы поднялись уже по пояс: колокольчики, незабудки, подмаренник, альпийская гречиха, герань, подорожник... Не знает Муна названий трав, зато хорошо помнит, какая от чего лечит, хорошо пом-

нит, что говорила о травах старая Уруна. И песню Муна поет не простую, Урунину песню, целебную. Тоненький ее голосок, словно щебетание зорянки, звенит на лужайке.

Вернулся Зурр. Птичьи яйца принес: синие, зеленые, белые, крапчатые. Много! Больше, чем пальцев у человека. Но мелкие, как боярка. Высыпал на траву возле Лана, поманил за собой Муну.

Подошли к высокой скале. Зурр указал на вершину.

Над высоким гладким уступом навис край большого гнезда, да не дотянуться Зурру до уступа, чтобы вскарабкаться на вершину скалы. Уперся мальчик лбом в скалу, подставил сцепленные за спиной руки и плечи Муне: с плеч уже легко забраться на уступ...

На плоской вершине нашла девочка три большущих гнезда из толстых грубых палок. В двух гнездах на мягких шерстяных подстилках – крупные, в два Муниных кулака, яйца. В третьем – два уродливых птенца и хозяин, черный аист. Увидел Муну, клювом щелкает, прогоняет.

Стоит девочка в нерешительности: надо больного Лана накормить, да птиц жаль обидеть, птиц, которые приносят тепло, Новое Солнце.

– Большая черная птица, – обратилась она к аисту, – я Муна, дочь Гордого Луны. Мы, дети племени таж, не враги тебе. Лан болен и голоден, ему нужна пища...

Аист перестал щелкать клювом и поглядывал на девочку то одним, то другим глазом.

– Не сердись, я возьму вот столько яиц. – И Муна показала птице три пальца.

Но только сделала она движение к крайнему гнезду, как аист снова сердито щелкнул клювом.

Черная тень на миг заслонила солнце. Девочка упала на камни, инстинктивно прикрыв голову руками. На скалу опустился аист, еще больше того, что сидел в гнезде. Он принес крупную рыбу, крупную живую рыбу, она еще шевелила хвостом.

Опасливо, палочкой, Муна придвинула рыбину к себе. Хозяин безучастно отнесся к похищению своей добычи.

Зурр, потеряв терпение, крикнул снизу:

– Муна, есть пища?

Девочка показала ему рыбину. Он не удивился и снова уселся ждать.

Вскоре за пазухой у Муны было несколько рыб. Удача! Приблизившись к противоположному краю скалы, она ахнула. Отсюда открывался удивительный вид: в глубокой котловине, окруженной горами и скалами, в обрамлении из густого кустарника, чудным чистым зеркалом сияло озеро. Нарядные облака отражались в его темной глубине. Сосна, когда-то сорвавшаяся с кручи, лежала на дне озера, каждая ее веточка явственно была видна сквозь толщу прозрачной воды.

Множество птиц суетилось на берегу и в кустах. По склонам гор к озеру сбегали зеленые деревца арчи и березы, про-

тянулись белопенные ниточки горных потоков. Вот откуда, оказывается, вытекает речушка, берегом которой они поднимались сюда! А с другой стороны из озера струится другая речка.



Муна глянула в ущелье, где исчезала эта речка, и вскрикнула: между горами виднелась широкая желто-зеленая степь, и темный остров далекого леса повторял изгибы блестящей ленты – широкой реки.

– Солнечная долина!

От этого крика девочки аисты взвились в воздух и тут же снова опустились на гнезда.

Долго глядела Муна в даль, подернутую сизой дымкой, и прохладный ветер гор не мог охладить радостного жара ее щек.

– Глядите, черные птицы, я не взяла яиц из ваших гнезд, только немного рыбы. Я друг вам...

– Там не было яиц? – спросил Зурр, когда она спустилась на землю.

– Я не взяла.

– Бо-бо! – удивился тот. – Почему?

– Лан рассказывал нам с тобой об охотнике Таже и об оленихе-матери. Сам видишь, каким другом стал нам волк-соба.

– Соба – хорошо, вах-ха!

– Черные птицы дали нам пищу. – Муна снова показала ему рыбину. – Они приносят Новое Солнце, они нам друзья...

– Ты не смеешься над Зурром? – снова спросил он с недоверием. – Там не было яиц?

Муна досадливо отмахнулась. Какой непонятливый этот Зурр! Она расскажет Лану о черных птицах. Он поймет ее, не рассердится, что она не взяла яйца птиц.

В это время Лан еще раз пытался поговорить с волком. Ему не верилось, что соба, живя с людьми и понимая их, не научился разговаривать.

– Я узнал твою хитрость, соба! Ты хорошо смотришь землю и видишь следы шакала... Я тоже немного научился. Гляди: вот тут бежал маленький зверь – мышь. Тут он ел травинку, здесь копал землю... А?

Лан удовлетворенно рассмеялся, по-своему истолковав беспокойство волка, прикрывшего хвостом морду.

– И еще я понял: на охоте ты идешь против ветра, чтобы тебе пахло зверем, а ему тобой – нет. Теперь и я так подкрадываюсь. – И Лан самодовольно улыбнулся.

Прибежали ребята. Муна торопливо и сбивчиво рассказала Лану об увиденном со скалы.

– Это правда, ты видела Солнечную долину? – Лан задохнулся от радости. – Надо идти...

– Нет, – решительно возразила Муна. – Теперь спешить незачем. Мы без шакала найдем дорогу. Тут останемся, пока раны твои не подживут... Если умрешь, кто расскажет людям таж правду Мудрого Ауна? Зурр? Или меня будут слушать охотники?.. Соба болен тоже. Погляди на его лапы.

– Верно. Он показал нам дорогу к племени. Полечи его, Муна.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ ВОЗВРАЩЕНИЕ

НА ЗАКАТЕ – СУМЕРКИ

По неверным, качающимся камням из черного зева пещерь выползла женщина. Растрепанные, с седыми прядками волосы занавесили морщинистое лицо.

Слезящимися, изъеденными дымом глазами глянула она в синее небо с белыми кучевыми облаками, на залитую ярким солнцем долину и зеленеющие деревья на ближнем холме, вдохнула свежего воздуха и вернулась в дымную духоту пещеры.

Там, в дальнем углу, в темноте надсадно кашляет и хрипло дышит муж ее, вождь племени Большой Орел.

Вождь!

Нет вождя в племени. Долго, мучительно долго умирает он в темени дальнего угла.

Разброд среди охотников, ссоры.

Голодно. А ведь теплынь стоит! Много зверя вокруг, много птицы в камышах. А добыча скудна. Тигр и серые волки взяли многих детенышей, обоих ее мальчиков – Лика и Лана.

Разгневались дивы на Большого Орла, терзают его днем и

ночью, племя терзают. Даже сотрясали землю и били в большие бумбы и тум-тумы...

Еще тигр загрыз охотника Желтого Клыка, хорошего, удачливого охотника. Теперь мужчины боятся далеко уходить от жилища: тигр рядом, часто рык слышен.

Питаются люди травой, кореньями, молодыми побегами деревьев, личинками... Почти все, что добывают охотники, Черный Ворон жертвует дивам, хочет умиловить их.

За водой и за сучьями для костра ходят группами, не в одиночку, как раньше, боятся.

Чадно горит костер: сырые сучья шипят и потрескивают. Лана сидит возле мужа, глядит на него с жалостью: глаза вождя ввалились, руки, когда-то сильные, плетью лежат на шкурах.

Скоро, скоро умирать ему. Найдет ли дорогу в жилище мертвых? Ход в пещеру предков по-прежнему завален. Умерших старика Оора и нескольких детенышей и женщин просто засыпали камнями у ближней осыпи...

Опасливо оглядываясь, к Лане подползла старая У руна. Зашептала быстро:

– Давал Черный Ворон целебные травы? Нет? Вот, возьми. Сама пожуй, потом ему дай проглотить. Это вот к груди приложи, где рана...

Много раз уже старуха приносит тайные целебные травы для больного. Приносит потихоньку: Черный Ворон узнает, беда будет.

Он редко подходит к больному. Присядет ненадолго, поворчит, повоет и уйдет. Трав целебных не дает. Молчит, сердится. Видно, правду Уру-на говорит, погибель пришла на людей таж, закат жизни, сумерки. Если уж в теплынь голодно, то в холод, в ночь пропадут люди совсем.

Закат.

Лана представила, как прячется за горой солнце и сизые сумерки выползают из щелей и нор. Эти сумерки густеют и липко обволакивают людей, пока не укроют с головой, насосем.

Душно. Хочется Лане опять глотнуть свежего воздуха. Тесно в груди, больно. Плакала она о своих детенышах, теперь не плачет, только внутри болит.

У выхода из пещеры появился перед ней Зор. Сверкнул озорно глазами. В нынешний праздник птиц на натальной палочке старшего ее сына было бы столько же зарубок, как у Зора.

С удовольствием, с нежностью глядит Лана на мальчишку, друга и сверстника своего старшего сына.

Повадился он лазать в скалы: тигр туда не доберется. То птичьих яиц наберет, то сочных стеблей кислицы вдоволь, а то и горную курочку подстрелит. Ловок, смел. Не пропал бы. Больно молод, неопытен.

Зор с лукавой улыбкой сунул ей в руку что-то завернутое в широкий зеленый лист.

– Это Большому Орлу, – прошептал тихо.

В листе оказался большой кусок вяленого мяса. Лана едва удержалась, чтобы не вонзить зубы в ароматный кусок. Прижала сверток к груди, заторопилась в свой угол.

Вечером Большой Орел велел ей позвать Зора. Тот явился незамедлительно.

– Сокол, – вождь положил свою большую костлявую руку на колено мальчика, – хочу говорить с тобой как с охотником...

Большой Орел взгляделся в лицо мальчика, слабо освещенное сполохами костра. Мальчишка выпрямился, подался вперед. Этой весной в день птиц назван он был охотником, и дали ему имя Сокол. Но сам он не успел еще привыкнуть к этому гордому имени и очень радовался, когда его называли по-новому.

– Где ты взял мясо, Сокол?

– Нашел в скалах.

Вождь закашлялся. Долго молчал, переводил дыхание.

– Нашел?

– Да. И еще вот это было привязано к мясу.

Зор показал короткую жилку, которой обычно привязывают мясо, чтобы провялить на ветру. Вождь задумался.

– Я верю тебе. Будешь снова в том месте, посмотри... нет ли еще чего... Плохой человек прячет мясо от племени... Будь осторожен...

Тяжкое время переживают люди таж. Сумерки маленького народа. Увидят ли они рассвет нового дня?

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Где-то вверху монотонно гудит, воеет, плачет ветер. За-молкнет ненадолго и застонет вновь, будто голодный дете-ныш. Сквозь беспокойный, чуткий сон Лана слышит его скучную длинную песню. Вот другой голос подхватил песню. Много голосов. Медленно всплывает Лана из мутных суме-рек сна на поверхность к свету.

Открыла глаза. Снаружи радостные, возбужденные кри-ки. Зовут ее. Пошатываясь, пошла на голоса.

– Лана, Лана! Сын твой!

Звонкий голос Яны перекрывает остальные голоса:

– Муна, девочка моя!

– Вах-ха! – слышится густой знакомый голос.

Не сон ли это, не бред ли? О, дивы, она уже в жилище предков?

Выбежала наружу. Ослепительный свет больно ударил в глаза. Зажмурилась, заслонила от света руками. В узень-кие щелки глаз, сквозь ресницы увидела Лана сына своего и отшатнулась.

– Нет, нет!

А он в упор вглядывался в ее лицо, будто не узнавал. Она отвела с лица волосы, подошла к нему и тронула за плечо. Оно было теплое и мускулистое.

– Ты не умер, Лан, – не то спросила, не то ответила она

самой себе.

– Нет, я не умер, – ответил Лан и улыбнулся.

О, как хорошо знала она эту улыбку, добрую, открытую, совсем отцовскую!

На шум голосов вылез из своей ниши Черный Ворон.

Он был все тот же: густые сальные волосы спускаются до плеч, закрывают лицо так, что глаз не видно. Он стал еще более неповоротливым и громоздким.

Молча, равнодушно глядел Черный Ворон на сына своего, Зур-ра, на Лана. Ни одним движением не проявил он ни заинтересованности, ни удивления.

От ручья прибежала новая группа людей, и среди них мать Зурра. Задыхаясь, она обняла ноги сына и закричала тонким пронзительным голосом...

Лан спросил у матери:

– Где Большой Орел, отец мой?

– Он там. Дивы терзают его болезнями. Много бед пришло в наше жилище...

Какой темной и тесной показалась Лану до мелочей знакомая родная пещера! С трудом разыскал он отца в темном углу. Как он изменился! Перед Ланом лежал немощный старый человек. Ему даже показалось, что отец умер. С замиранием сердца коснулся он костлявой руки.

– Большой Орел... я, Лан, сын твой... Отец открыл глаза. Долго глядел на него.



– Лан... ты?

– Отец, – Лан собрал все свои силы, чтобы не заплакать. Мужчина-охотник никогда не плачет. Тем более теперь, когда нужно сказать самое главное, ради чего шли они, ради чего выжили.

– Мудрый Аун велел мне... запомнить для племени Слово предков...

Заметив выражение недоверия в глазах отца, Лан гордо выпрямился:

– Да... еще он велел искать дорогу в страну предков...

Теперь Лан говорил торопливо, сбивчиво. Он боялся, что отец прервет его, не поверит. Хотелось поскорее рассказать все сразу... Но он замолчал, велел себе замолчать и сказал внятно и громко:

– Мудрый Аун доверил мне великую тайну рождения огня...

С удовольствием мальчик заметил, как вспыхнули глаза отца.

– Черный Ворон поднял руку на Ауна, соплеменника своего. Черный Ворон нарушил обычай племени. Сордо ему!..

– Молчи, – зашипел отец, – пропадешь!

Лан упрямо насупился.

Снаружи послышались яростные крики.

– Слышишь?.. Муна сказала... – И мальчик бросился к выходу.

Лан видел, как Черный Ворон швырнул Муну на землю, и Яна бросилась на защиту дочери.

Никто не спешил защитить их, некоторые кричали вслед за жрецом угрозы. Большинство же соплеменников безучастно наблюдали происходящее.

– Остановись, Черный Ворон! – громко крикнул Лан. – Люди таж! Этот человек нарушил обычай племени, он убил Мудрого Ауна!

– Замолчи, помесь гиены с шакалом! – взревел Черный Ворон и бросился на мальчика, но тот ловко вскарабкался

на скалу.

– Охотники! – повернулся жрец к толпе. – Дивы лишили разума этих детенышей. Вместе с ними дивы вошли в жилище. Убейте их, и всем станет хорошо, станет много/ сладкого мяса.

Толпа зашевелилась, загалдела. Два охотника бросились к уступу скалы, где стоял Лан.

– Стойте!

Тихий явственный голос заставил застыть всех на месте. У входа в пещеру, тяжело опираясь на камень, в полном охотничьем облачении стоял Большой Орел. На темном фоне пещеры бледность его лица поражала.

Ропот пробежал по толпе, слышались возгласы удивления и страха. К отсутствию вождя привыкли, о нем перестали думать, как о живом. Жрец – вот кто решал все дела племени. Последнее время к вождю не обращались совсем, даже не говорили о нем в присутствии Черного Ворона...

– Пока я вождь... мне говорить первое слово... выслушаем Лана, Зурра и Муну... Говори, Лан!

– Я сказал правдивое слово: Черный Ворон убил Мудрого Ауна. Пусть люди войдут в пещеру предков. Они увидят рану на голове Ауна...

– Как может детеныш Лан видеть через скалу? Дивы помогают ему? – снова закричал Черный Ворон.

И некоторые люди тоже закричали:

– Дивы помогают ему?! Вождь поднял руку:

– Пусть скажет Зурр.

– Вау! – Зурр попятился в страхе.

Черный Ворон всем корпусом повернулся к сыну.

– Ты тоже видишь через скалу? – спросил он громко и насмешливо, чтобы все слышали и видели – он не боится глупых слов детенышей.

– Нет, Зурр не видит через скалу... Зурр видел сам, как Черный Ворон убивал Ауна... Вот так...

И, подняв камень с земли, Зурр показал изумленным людям, как все произошло в пещере предков.

Черный Ворон пошатнулся.

Из всех присутствующих он один мог оценить достоверность сцены, с обезьяньим подражанием представленной мальчишкой.

Да, было именно так. Первый раз он замахнулся, но ударить не решился. На второй – ударил и потом еще раз, уже лежащего. И пятился он так же, боясь повернуться спиной к убитому.

И вдруг с хриплым воплем Черный Ворон выхватил копье у одного из воинов, но Зурр перехватил его руку.

– Зурр сам видел! – повторил он, глядя в глаза отцу, Сордо тебе!

Жрец захрипел и обессиленно осел на землю. Мертвая тишина повисла над толпой. Вождь покачнулся. Лан соскочил с уступа и поддержал отца.

– Говори, Муна.

– Лан и Зурр сказали правду. Своими ушами я слышала слова Мудрого Ауна... Еще он сказал Лану тайну рождения огня, великую тайну!

– Что теперь скажешь, Черный Ворон? – спросил вождь.

– Дивы вселились в этих детенышей, – повторял жрец одну фразу.

– Что скажете, охотники?

Люди заволновались, загалдели. Пока невозможно было понять, осуждают ли они Черного Ворона или сомневаются в правдивости слов ребят. Женщины говорили все враз, ничего не понять... Охотники молчали.

– Хорошо, – сказал Большой Орел. – Видно, женщинам придется решать, как жить племени... Пусть охотники откроют ход в пещеру предков.

– Вождь! – послышался из толпы звонкий голос. В круг вышел Зор. – Вождь! Меня недавно называли охотником, но разреши мне говорить.

– Говори, Сокол.

– Сегодня на заре видел я человека. Он прятал в скалах мясо, добычу племени...

Дикие вопли раздались со всех сторон. Голодные люди, казалось, обезумели от ярости.

– Можешь показать это место другим? – Голос вождя был еще слышен в общем шуме.

– Да. Там туши козы, трех сурков и еще много кусков вяленого мяса.

– Кто этот человек?

Тут Черный Ворон с воплем ринулся к скалам.

– Вот он! – громко крикнул Сокол, указывая на Черного Ворона.

Яростный крик многих слившихся воедино женских голосов резанул воздух. Была в этом слитном крике неукротимая слепая злость, злость самок, защищающих в смертельной схватке детенышей от свирепого хищника.

Множество женских рук вслед за старой Уруной схватили жреца раньше, чем он успел взобраться на первый уступ скалы.

Вмиг полопались кожаные тесемки на черных козьих шкурах, составляющих одежду жреца, и он – о, дивы! – остался в одной набедренной повязке.



Пожалуй, только это остановило женщин перед незамедлительной расправой над злодеем, а не поднятая рука и слабый окрик вождя. Кто это? Разве это мужчина? Толстый живот, до сих пор скрываемый под широкими шкурами, вмиг превратил грозного жреца в жалкое презренное посмешище.

– И это черный Ворон? – удивленно вскричала Уруна.

– Хи-хи, – приснула в кулак Муна.

Сначала робкий, нерешительный, а затем громкий открытый хохот побежал по толпе, будто круги от камня, брошенного в воду. Хохотала Уруна своим беззубым ртом, хохотали женщины и дети, хохотали охотники.

Тихий голос вождя, слышный всем, прервал смех:

– Не троньте его... Отдайте одежду.

Презрение, с которым сказал эти слова Большой Орел, отвратило от Черного Ворона его последних приверженцев. Только Зурра стояла в стороне, плотно закрыв лицо руками.

– Пусть Сокол и еще два охотника принесут мясо из тайника, а другие соберут хвороста для Большого Костра! – распорядился вождь.

Силы Большого Орла иссякли, и он опустился на камни, у входа в пещеру, где стоял.

Забегали вокруг люди, быстро соорудили лежанку: постелили шкуры, сбегали к ручью за водой.

Лан пристально глядел на темные, плотно сжатые веки отца и беззвучно шевелил губами:

– Не умирай, вождь, не умирай!

Принесли грудку мяса и свалили у ног Большого Орла. Голодная молчаливая толпа плотным кольцом окружила вождя и мясо. Охотники и матери отгоняли малышей от съестного жестокими шлепками.

Наконец Большой Орел открыл глаза, обвел собравшихся взглядом и кивнул Уруне. Старой Уруне доверил вождь разделить добычу.

О, как все следили за ее руками! Даже охотники, которые разбирали завал в пещеру предков, оставили на время свою работу.

Люди поедали свою долю тут же, смачно разрывая зубами душистую пищу и громко хрустя костями.

БОЛЬШОЙ КОСТЕР

Великое таинство совершалось в центре круга. Никому нельзя видеть, как рождается огонь. Потому-то люди спинами повернулись к мальчику в середине людского кольца. Этот мальчишка, не названный даже охотником, познал тайную мудрость предков. Жрец Черный Ворон, вождь Большой Орел не знают, а он знает. Возможно ли?!

Затаив дыхание слушают люди тихое жужжание за спиной.

Что может сделать мальчонка без помощи дивов, без жреческого наговора, без жертвоприношения?

Так решили охотники, так велел вождь: пусть возгорится чистый Огонь предков, Огонь Мудрого Ауна, чтобы стало возможно погубить старый Огонь, с помощью которого Черный Ворон обманывал соплеменников, приносил зло людям таж...

– Он родился! – послышался ликующий голос Лана.

Все обернулись, кто с выражением испуга на лице, кто с выражением радости.

Крохотным светлячком в серой глубине кучки мелкого хвороста светился огонек. Был он так мал и беспомощен! Никакого тепла, никакого света от него. Но вот тоненькая змейка превратилась в сизый столб дыма, затрещали весело хворостинки, и светлячок стал мышкой, потом зайчонком.

И вот уже рыжим лисьим хвостом полыхнул он по крупным сухим сучьям, бросил в темное небо сноп искр и обдал собравшихся живым жаром.

Счастье горело в глазах Лана, счастье и надежда отражались в глазах и лицах изможденных людей.

– Чистый Огонь родился! – выдохнула Уруна. Далекое детство напомнил ей этот огонь. Она, старая, уже переживала когда-то рождение огня.

Люди тянулись к Новому Огню, радовались ему, как могучему талисману от грядущих невзгод.

В это время грозный рык долетел от ручья, и отблески счастья на лицах сменились страхом.

Толкаясь, женщины и дети полезли в пещеру. Охотники схватились за луки и копья. Многие с надеждой обернулись к лежанке вождя, но он снова лежал с закрытыми глазами.

Тигр стоял на пригорке. Он не глядел в сторону людей, будто не замечал, не слышал их робких, нестройных криков. Длинный хвост со сдержанной силой уверенного превосходства хлестал по полосатым бокам и спине.

Лану вдруг стало жарко и весело. Он понял: охотники боятся выказать страх перед зверем, ведь тогда он нападет на них, боятся показать свой страх женщинам, ведь тогда кто-нибудь может смертельно оскорбить их, назвав детским именем... Он вспомнил, как победил медведя с помощью огня, как перед огнем позорно отступил громадный волк...

С радостной поспешностью выхватил мальчик из костра

несколько горящих головешек и смело выступил вперед, навстречу кровожадному зверю, властелину долины, и крикнул громко, так громко, чтобы слышали все:

– Я слышу чей-то писк! Кто это там? Подойди поближе, здесь светло и жарко.

Лан поднял пылающие головешки над головой.

Охотники затаили дыхание, удивленные и заинтересованные словами мальчугана.

В грозном реве зверь раскрыл свою пасть. Тускло блеснули его ужасные изогнутые клыки.

– А, это блеет барашек, потерявший в горах свою мать? Бедный детеныш! – продолжал мальчишка насмешливо. Казалось, он ничего не боялся. На самом же деле при виде клыков тигра, больше похожих на его нож-резец, чем на зубы, внутри у Лана все похолодело.

Сзади кто-то из охотников неуверенно хохотнул.

Лан швырнул в тигра головню, и она упала в траву в нескольких шагах от зверя. Тот не сдвинулся с места, но взревел так, что дети, высунувшиеся из пещеры, попрятались вновь.

– Не надо сердить могучего зверя, – сказал один из охотников, – может быть, он уйдет.

– Конечно, уйдет, мы его попросим.

Теперь сзади засмеялись смелее. Хвост тигра резче стал хлестать по бокам: ему не понравилась выходка маленького дерзкого человека.

– О, это хрюкает полосатый кабанчик. – И мальчик швырнул вторую головню так удачно, что она подкатилась к передним лапам зверя.

Тот фыркнул, словно напуганный камышовый кот, и поспешно отскочил.



Охотники захохотали.

– Нет! Теперь я вижу ясно – это грязный, облезлый шакал. Он пришел поживиться объедками. На, получай...

И Лан одну за другой швырнул две большие головни. Сноп искр вздыбился там, где они упали в траву.

Этого тигр не выдержал. Глухо рыча и фыркая, он отступил подальше.

– Убирайся, – напутствовал его мальчишка, – нам не нужна твоя паленая шкура!

Взрослые подхватили игру, затеянную Ланом:

– Смотрите, это же заяц, вон он скачет и трясет ушами от страха...

– Ха-ха-ха-ха!..

– Ой-йо-хо-хо!..

– погоди, куда же ты, мышонок...

– Ха-ха-ха! Го-го-го! Хо-хо-хо!..

К хохоту мужчин присоединились женщины и дети.

Некоторые хватались за животы и валились на землю, чтобы показать, как им смешно. И уж конечно, каждому охотнику казалось, будто не он боялся тигра, а кто-то другой, может быть, сосед.

Всем было весело. Смех приносил облегчение, возвращал людям утраченную уверенность.

– Это Новый Огонь напугал зверя. Новый огонь принесет удачу! – слышалось отовсюду.

Яростное рычание тигра из-за ручья потонуло во всеобщем хохоте.

– Вот так Лан! Добрый из него вышел охотник, – слышались похвалы мальчику.

– Пусть Большой Орел даст имя новому охотнику. Не станем для этого ждать Нового Солнца! – крикнул Коготь.

– Хорошо, – улыбнулся вождь. – Какое имя дадим мы новому охотнику?

– Волк! Вот хорошее имя!

– Медведь! Ведь первого он убил медведя!

– Назовем его Медведь! – решил Большой Орел и воткнул два фазаньих пера из своего пышного головного убора в волосы сына.

Осмелев от похвал, Лан воскликнул:

– Люди таж! Большой Орел, вождь! Будет правильно называть охотником и Зурра. Он добыл много зверей и даже одного оленя и одного ястреба.

Неловкое молчание воцарилось у костра. Трудно воздавать честь сыну того, кто скоро будет безжалостно наказан всеми людьми, племенем.

После долгого раздумья вождь ответил:

– Это справедливо. Зурр сказал правдивое слово об Ауне, он может быть назван охотником. Пусть зовется Олень.

Лан на радостях хлопнул Зурра по спине, и Зурр ответил ему тем же, да так сильно, что герой дня едва не упал от дружеского шлепка.

– Люди таж! – снова крикнул Лан, опьяненный своими успехами и всеобщим вниманием. – Мы нашли путь в страну

предков.

Гробовое молчание воцарилось вокруг. Известие это ошеломило людей, словно землетрясение. Все оцепенели. Потом послышались робкие расспросы, сомнения...

– Так в путь! – крикнул мальчишеский голос. И вот уже со всех сторон гремит возбужденное:

– В путь! Скорее в путь! Вождь, прикажи!.. Большой Орел покачал головой.

– Не сегодня. Путь труден. Нужно много сил... Завтра и еще целую луну вы будете добывать много мяса и шкур для племени, чтобы все были сыты и чтобы у всех была хорошая одежда. Потом мы двинемся в страну предков.

Восторженными воплями были встречены эти слова. Пришли охотники, разбиравшие завал в пещеру предков.

– Вождь, – сказал старший из них, – Лан, Зурр и Муна сказали правдивые слова: Аун не умер сам, его убил злодей.

Большой Орел поднялся:

– Приведите сюда Черного Ворона!

– Сюда злодея! Сюда убийцу! – загудели голоса со всех сторон. Уруна бросила в огонь сноп душистых трав, и белый ароматный дым клубами покотился по склону.

Черный Ворон рухнул у костра, не смея взглянуть в недобрые лица соплеменников.

– Убить его, как он убил Мудрого Ауна!

– Бросить его в пещеру предков и завалить вход!

– Прогнать его вон, пусть тигр сожрет злодея!..

Со всех сторон неслись суровые приговоры, один страшнее другого. Поднял руку вождь.

– Завет предков не велит проливать кровь соплеменника, даже сделавшего зло... Пусть он останется здесь один, когда мы уйдем.

– Хорошо сказано!

– Оставим его здесь!

– Не загрязним рук своих его кровью!..

– Надо дать ему новое, плохое имя, – послышался твердый голос.

– Верно, – ответил Большой Орел. – Кто неправильно говорил слово предков?

– Ворон, Ворон! – загремело в ответ.

– Кто прятал в скалах добычу племени?

– Ворон, Ворон, Ворон!

– Кто убил Мудрого Ауна, соплеменника нашего?

– Ворон! – единым дыханием загремели голоса.

– Как мы теперь назовем его?

– Пусть называется Змея, – предложил Коготь.

– Нет, это обидит змей, и они сделают нам зло. Пусть называется непонятно – Вор.

Вот как родилось это постыдное слово.

– Я останусь с ним, – негромко сказала Зурра.

– Это справедливо, – откликнулся вождь. – Жена не должна покидать мужа, разве только в смерти.

– Вуа-а! – застонал Зурр. – И Олень с тобой, мать.

– Нет. Ты, Олень, живи с людьми. Ты чист, как этот Новый Огонь, среди людей ты таким и останешься...

– А теперь, Уруна, умертви оскверненный огонь! – приказал Большой Орел.

Старуха вошла в пещеру. Там, на широком камне, полузасыпанном золой, горел старый Огонь, который они принесли с собой из последнего перехода, древний Огонь племени, переживший не одну короткую человеческую жизнь.

Сколько солнц миновало со времени его рождения? Не счесть. Неустанно, днем и ночью, подкармливала его оглохшая больная женщина, лишь изредка перепоручая это одной из соплеменниц. Уруна присела рядом и остановила ее руку с очерёдным полешком, жестом указала на большой веселый костер снаружи.

Так и сидели они вдвоем, две старые женщины, глядя, как постепенно опали жаркие язычки пламени, как голубоватым прахом подернулись красные угли, как свет этих углей тускнел, прячась под толстым слоем сизого, а затем белесого пепла.

И когда старый Огонь умер, больная женщина в невыразимой тоске легла на теплую еще золу и застонала, будто умер ее детеныш.

Но горевала о старом Огне только глухая, которая ничего не знала о последних событиях в племени, не интересовалась ими.

– Огонь зла умер! – крикнула Уруна и ударила в жрече-

ский тум-тум.

И люди, впервые за многие луны, почувствовали желание поплясать, повеселиться так же остро, как чувствовали они голод все это время.

УДИВИТЕЛЬНАЯ, СЧАСТЛИВАЯ ОХОТА

Косыми лучами солнце скользнуло по волнам бурливой реки и позолотило верхушки деревьев мрачного леса, когда охотники вышли на промысел.

От нового, чистого огня Лан возжег факел: пусть удачной будет охота! Зурр прихватил с собой небольшую вязанку запасных факелов. Мальчики привыкли брать с собой огонь.

Охотники подивились этому, но виду не подали. После того как Лан сотворил великое чудо рождения Нового Огня, ни один охотник не считал себя вправе сомневаться в правильности всех его действий и поступков.

Этим утром, впервые со времени возвращения, Лан вспомнил о друге, о соба.

Рыжий волк исчез. Может быть, он нашел родную стаю и больше не вернется, может быть, погиб в схватке с сильным зверем.

На душе у мальчика стало муторно и беспокойно. Как он не подумал раньше о том, что соба может испугаться большой человеческой толпы и убежать...

Охотники обошли ближние ямы – зверовые ловушки. Они были пусты. Вышли к реке. Нещадно жалили комары. В камышах стоял гогот множества птиц. Но лишь одному из охотников посчастливилось подстрелить гуся.

Голодные люди тут же разодрали и съели птицу.

Было ясно, что такой большой и шумной группой невозможно подкрасться к чутким, осторожным птицам. То один, то другой охотник с криком проваливался в теплую, пахнущую гнилью воду. А разбрестись люди не решались, опасаясь тигра. Именно в камышах напал тигр на Желтого Клыка, загрыз и утащил его, лишь кровавые пятна нашли охотники, когда прибежали на крик соплеменника.

Вернулись к ручью. Медленно, опасливо побрели к лесу. Туда они никогда еще не ходили, вообще избегая густых зарослей, где могли их подкарауливать хищники.

В степи Лан заметил стаю рыжих волков. Они бежали в том направлении, в каком шли охотники. Постепенно расстояние между волками и людьми сокращалось.

Пристально вглядывался мальчик в рыжих зверей, издали они все казались одинаковыми, но, когда он отошел подальше от группы охотников, от стаи тотчас отделился волк.

Это был соба.

Лан узнал его. Как ликовал в душе мальчик, как он был счастлив, что с другом соба не случилось ничего дурного!

На глазах пораженных охотников человек и зверь встретились как добрые друзья-соплеменники. Лан даже ласково потрепал волка по загривку, чего никогда не делал раньше.

– Вах-ха! Соба – хорошо, – говорил Зурр соплеменникам. – Мой соба спас Зурра-Оленя от медведя.

– Соба! Соба! Зверь-соба! Спас от медведя! – повторя-

ли пораженные охотники. Для них, бывалых, много повидавших в своей трудной жизни, все это казалось бы неправдоподобным, если бы они не видели собственными глазами, как дикий зверь радостно и дружелюбно ласкается к мальчику.

Двинулись дальше. Соба и другие волки бежали теперь впереди охотников, Лан и Зурр старались не отставать от зверей.

Вот волки устремились в заросли кустарника, и мальчики поспешили следом.

Охотники медлили, они не могли преодолеть недоверие к густым зарослям, но раз Лан и Зурр идут за соба, то, наверное, опасности нет, и они двинулись за мальчиками.

Нет, недаром продирались волки сквозь колючий кустарник: стадо сайгаков, стройных светло-желтых антилоп, пряталось тут от полуденного зноя.

Охотники видели сквозь кусты, как потревоженные животные выскочили из зарослей и стремительно понеслись по степи. Волки мчались, обходя стадо стороной. Описав широкий полукруг, стадо повернуло и помчалось прямо к зарослям, где стояли охотники. Теперь волки бегут по обе стороны от стада, не давая им свернуть в сторону.





Затаились в зарослях люди. Возбужденно горят глаза, натянуты тугие луки, изготовлены острые стрелы.

Стадо все ближе. Уже слышен дробный перестук быстрых копыт о твердую, звонкую землю. Вот сайгаки разделились на две группы, обтекая заросли. Теперь они повернулись боком к охотникам.

Зажужжали, запели, засвистели стрелы. Несколько антилоп рухнули на землю со всего маху, будто споткнулись о невидимое препятствие. Шесть антилоп бились на земле. Какая удивительная, счастливая охота!

Люди выскочили из зарослей, радуясь богатой добычей, как дети.

Лан схватил за ноги одну из антилоп и оттащил далеко в сторону – это доля рыжих волков. И снова от стаи отделился соба, доверчиво приблизился к мальчику и жадно лизнул кровь на ранке сайгака. Улыбаясь умными глазами, волк заглянул в лицо своего двуногого друга, радуясь вместе с ним удаче.

– Хорошо, соба, хорошо!

Не сразу стая рыжих волков набросилась на добычу, когда Лан удалился. Некоторое время соба один рвал зубами тушу. Потом подбежали молодые волки, и наконец вся стая собралась на пиршество.

Охотники, все до единого, как замороженные наблюдали

за происходящим. Никто не пожалел для волков эту антилопу. Они только что видели удивительное и непонятное: звери помогли человеку добыть много мяса, и человек поделился с ними добычей.

Хорошая, счастливая охота! Если бы так везло каждый день, у племени таж было бы вдоволь мяса.

И тут из зарослей, которые только недавно скрывали охотников в засаде, раздалось грозное рычание тигра. Вероятно, злобный враг шел по следам людей.

Тигр застал охотников врасплох: многие бросили на землю луки и стрелы, копыя и дубинки, собираясь свежевать сайгаков. И теперь обезоруженные в большинстве люди сбились в кучу.

Лан и Зурр поспешно подожгли новые факелы, но огонь был совсем не виден в ярких лучах солнца.

Не раздумывая, Лан швырнул один факел далеко в заросли, откуда доносился рык.

О, мальчишеская слепая самонадеянность! Если бы он мог предвидеть последствия, то не сделал бы этого. Но слава последних дней и безоглядная вера в могущество огня сделали мальчика безрассудным.

Тот самый огонь, который столько раз спасал их с Зурром и Муной вдали от родного племени, едва не стоил жизни многим охотникам в этот день...

Глухо загудело пламя в сушняке зарослей. Быстрыми невидимыми змейками растекся огонь по жухлой траве, вы-

сушенной солнцем, оставляя за собой черный след, с угрожающим треском взлетел вверх по кустам и деревцам.

Страшная дымная стена вмиг отрезала тигру путь к отступлению, и разъяренный зверь выскочил из зарослей прямо на охотников.

От неожиданности кто-то из охотников побежал, кто-то повалился на землю с жалким воплем. Никому из них еще не приходилось так близко видеть могучего зверя.

Один вид его ясно говорил людям, что их сила – ничто рядом с его силой, их быстрота и ловкость не могут сравниться с его быстротой и ловкостью. Миг назад его не было, а вот уже он тут. Единственный прыжок отделяет кровожадного от них.

Несколько робких торопливых стрел полетели в сторону зверя, не причинив ему вреда, но разъярили его еще больше.

Спасаясь от огня, тигр на время потерял из виду врагов, за которыми уже давно крался. Но, оказавшись вдруг нос к носу с ними, он должен был нападать, другого пути не было.

Люди чувствовали это, и каждым в этот страшный миг владело одно стремление – спрятаться, убежать, исчезнуть, если бы было возможно.

Не отчаянная храбрость, не сознание собственной силы, а странная мальчишеская вера в свою неуязвимость и, может быть, еще растерянность заставили Лана остаться на месте.

Тигр не напал на людей сразу, потому что его пугали и раздражали запах дыма и треск пламени в зарослях, поза-

ди. И теперь он видел перед собой единственного маленького врага, не ударившегося бежать и не упавшего на землю. Враг этот был совсем близко, и он не мог убежать, если бы и захотел.

Этот короткий миг и ничто другое спасли Лана и других его соплеменников от ужасной гибели.

Волки, рыжие волки со злобным рычанием окружили могучего зверя. От неожиданного нападения волчьей стаи тигр окончательно рассвирепел. Их было много, этих красно-рыжих бестий, они закружили зверя в бешеном хороводе.

Издали можно было подумать, что громадный зверь ловит собственный хвост, забавляется ради удовольствия. На самом же деле это была смертельная схватка. Вот с хриплым воем отлетел в сторону и остался лежать один из волков. И тут же его собрат расплосовал лоснящуюся шкуру тигра на боку, а другой – жестоко куснул свирепого врага за заднюю лапу.

Тем временем люди опомнились. Неожиданная помощь волков дала им необходимую отсрочку и вернула способность защищаться и нападать.

Лан первый поднял с земли чей-то лук и стрелы, обежал место схватки так, что горящие заросли оказались за его спиной и, значит, будут отпугивать зверя, если ему снова вздумается напасть.

Вскоре к нему стали присоединяться и другие охотники.

Первая же стрела мальчика вонзилась в правое плечо тиг-

ра. Зажужжали другие стрелы. Зурр угодил в бок зверю, и тот, забыв про волков, стал яростно кататься по земле, взметая тучи тонкой желтой пыли.

На время тигра и волков не стало видно в клубках пыли, и пришлось прекратить стрельбу из луков, чтобы не поранить волков.

Когда пыль чуть рассеялась, все с облегчением увидели удирающего к лесу тигра. Самые свирепые волки продолжали преследовать зверя, тогда как большая часть стаи как ни в чем не бывало продолжала прерванную трапезу.

Долго не могли успокоиться охотники, возбужденно обсуждая подробности схватки с тигром. Если кому-нибудь не хватало слов, они представляли в лицах, как вел себя тигр, а как – волки, как вонзались стрелы в злобного зверя и как он катался по земле.

Потом распороли животы антилопам и наперебой просили Лана и Зурра отнести волкам то внутренности, то куски особенно вкусных лакомств – печени, желудка, легких.

Мальчики, правда, не очень смело, приближались к стае. Некоторые звери свирепо скалили клыки при приближении ребят, и они предпочитали бросать угощение издали.

Но как бы там ни было, а рыжие волки в этот день проявили себя друзьями и помощниками людей, и это благодаря их верному другу – соба.

ПОРА В ПУТЬ

Восходящее солнце широко раскинуло свои лучи-перья по всему огромному, в розовато-голубых переливах небу из-за тяжелых туч.

Ночью прошумел дождь, и земля, умытая и похорошевшая, нежилась в сладком утреннем сне, кутаясь в легкой белесой испаринке. Яркие багряные отсветы горели на смуглых щеках гор, словно румянец со сна.

Большой Орел поднялся до рассвета, как поднимался, когда был здоров и силен. Глядел, как рождается ясное утро, и вспоминал, как племя пришло сюда, как они жили... нет, видно, Мудрый Аун был не прав, когда говорил ему: «Нельзя заступаться за слабого перед сильным, если сам не самый сильный». Вот ведь как! Он, вождь, не сумел защитить слабых – Ауна, Яну, Муну... а Лан, мальчишка, смог. Почему это так? Нет, не мог сегодня вождь ответить себе на этот вопрос.

Полной грудью вдохнул Большой Орел легкого прохладного ветерка, долетевшего сюда с лучезарной стороны горизонта.

Сегодня он впервые не почувствовал боли при глубоких вдохах. Вместо боли явилось радостное ощущение силы молодого тела, трепетное предчувствие хорошего, как бывало в детстве. Легко и естественно пришла долгожданная уверенность.

ность: пора! Пора в путь!

Доброта ли и спокойствие светлого рождения теплого дня, первые ли легкие признаки неблизких осенних ненастий, собственное ли выздоровление от долгого липкого недуга, когда он уже смирился и сдался, привели его теперь в состояние радостной уверенности: пора!

Вождь сощурился от ласковых и совсем еще не ярких солнечных лучей, скользнувших по лицу, и тихо засмеялся. Крикнул громко, как давно не кричал, от избытка чувств:

– Люди таж! Пора в путь! Мы пойдем в теплую страну, страну предков!

Загудели, загомонили голоса, засуетились люди, словно пчелы в потревоженном улье.

Без лишних слов, без долгих сборов двинулось племя на восход, не жалея о своем жилье, что прятало их от зверей и непогоды много-много лун. Если и оборачивался кто, так для того только, чтобы посмотреть на две одинокие обреченные фигуры у входа в пещеру.

Черный Ворон и Зурра будут глядеть вслед уходящим, пока племя не исчезнет за склоном горы, потому что никогда больше не придется им увидеть людей таж вновь.

Светлая радость звала и манила вперед людей таж – их вели по торному пути в теплую благодатную страну, где много оленей и косуль, коз и баранов, где много сладких плодов и орехов, где короткая, добрая зима.

Беспросветная кошмарная полоса жизни осталась позади,

там, вместе с Черным Вороном, а впереди – радость, как это вот солнце, брызнувшее из-за туч ослепительными лучами.

Лан шел рядом с отцом. Он показывал дорогу племени. Он не боялся заблудиться: знакомая речка выведет их к высокогорному озеру, а другая, родная сестра ее, покажет дорогу вниз, в страну предков. Его беспокоило другое – соба жил теперь со своей стаей. Пойдет ли он с людьми через перевал?

Стая рыжих волков следовала неподалеку.

Оглядываясь, мальчик видел их то сзади племени, то сбоку, на склоне холма, то вдруг впереди, в распадке.

Целую луну уже сопровождает стая охотников, а теперь вот племя. Но пойдут ли звери за ними через перевал?

Женщины и дети держались плотной толпой, несли туши вяленого мяса, скребки, топоры и била, факелы и шкуры.

Мужчины-охотники с луками и копьями в руках вытянулись в две цепочки по сторонам от толпы.

Говорливый ручей, берегом которого они сейчас шли, своим неумолчным плеском заглушал отрывочные голоса, шорох босых ног, писк детей.

– Хорошо ли знаешь дорогу? – спросил вождь у сына со скрытым беспокойством, заметив, что Лан все время оглядывается по сторонам.

– Да, хорошо.

Некоторое время шли в молчании. Большой Орел старался превозмочь усталость, тяжестью растекающуюся по телу.

– Хочу, вождь, чтобы волк-соба пошел с нами.

– Всякий зверь хочет жить в своей стае... Мог бы ты жить среди волков?

– Нет.



– Так и он. Погляди вокруг. Разве зайцы живут среди коз и косуль?

– Но соба наш друг. Он спас меня и Зурра. Он храбрый, как человек, он, как мы...

– Он волк, бегают на четырех ногах. Ты, и я, и всякий другой из племени не похожи на него.

– Да, это так...

И все же Лан горевал при мысли, что соба не живет теперь рядом, не следует за ним, как раньше. Стая волку роднее. Лишь иногда подходит он к нему и Муне, берет из рук кусок мяса, кость, разрешает прикоснуться к себе...

Вождь остановил племя на отдых. Запылали костры. Уставшие, но полные бодрости и возбуждения люди разбились на кучки.

Женщины спрашивали Муну, вспоминает ли она дорогу, верно ли ведет Лан племя, хороша ли теплая страна предков.

Охотники еще и еще раз просили мальчика рассказать о приметах предстоящего пути. Будут ли подходящие места для охоты. Не труден ли перевал.

Только к Зурру не приставали с расспросами – бесполезно. И без того неразговорчивый, мальчик горевал о расставании с матерью. Самая многочисленная толпа собралась вокруг старой Уруны – женщины и дети. Задорно поблескивая выцветшими глазами, старуха выбивала пальцами на неко-

гда грозном тум-туме призывный веселый ритм. Четкая мелодичная дробь то затихала, уплывая в неведомую даль, то смерчем налетала на слушателей, увлекая их своим бурным движением откровенно и властно.

Смешливая черноволосая Ламуза, шлепнув босой ногой о теплый камень, повела вокруг карими, в искорку глазами и потекла, заструилась в танце. Камень, на котором она танцевала, был невелик, но танцовщице и не нужно было большего. Подчиняясь ритму тум-тума, она гибко раскачивалась, будто грозный столб смерча, уходящий в поднебесье, или кипела и бурлила звонким водопадом.

Муна восторженно глядела на Ламузу и вдруг поплыла вокруг нее нежным цветком, вея по ветру золотистые паутинки своих волос.

Женщины взвизгнули от восторга, а пальцы Уруны еще горячее и призывнее забегали по тугой коже тум-тума. И вот уже несколько молодых женщин пустились в пляс, будто не было тяжелого перехода под знойным солнцем, будто не ждало их трудное восхождение навстречу кипящей и падающей из узких промоин в черных скалах речке, к самым облакам, что сейчас зацепились за далекую седловину в недосыгаемой орлиной вышине.

ОБЕТ

Здесь. Да, здесь предстояло им расстаться. Холодное устье ущелья поглотило уже почти! все племя.

Лан и Муна ждали.

Стая рыжих волков остановилась на пригорке. Похоже, дальше они не пойдут.

Волк-соба несколько раз подбегал к ребятам и снова возвращался к стае. Он метался от людей к собратьям, как бы спрашивая и советуясь, как поступить, с кем остаться.

Наконец приблизился к ребятам. Лан положил перед ним большую кость с лоскутами мяса. Последнее дружеское угощение.

Волк схватил кость, отволлок ее в сторону и оставил. Должно быть, он тоже чувствовал близкую разлуку.

Муна опустилась на землю и тихо позвала волка. Роня слезы, она гладила и ласкала зверя, а он тыкался носом ей в руки, как детеныш, слизывал слезы со щек и рук. Потом, отстранившись, подошел и потерся о ногу Лана. Мальчик ласково и грустно погладил его по спине.

Зурр издали наблюдал, как прощаются ребята с соба, и ему было тяжело, грустно.

– Я привяжу и не отпущу его, – решительно сказала Муна, утерев глаза жесткой ладошкой.

Лан усмехнулся. Зверь уже так велик и силен, что его не

удержать кожаной тесемкой, да и сил у Муны не хватит на это.

– Всякий зверь хочет жить в своей стае, – повторил Лан слова отца, показавшиеся ему мудрыми и убедительными. – Он волк, бегаёт на четырех ногах, а мы, люди, – на двух... Нашего соба теперь не удержать силой.

Тем временем несколько голодных волчат-детенышей с жадностью набросились на кость, оставленную волком.

Неподалеку от стаи, рядом со взрослым волком, волчата чувствовали себя уверенно, да и голод заставлял их забыть об осторожности. Запах людей за последнее время они ощущали каждый день, и люди не внушали им такого страха, как прежде.

Поэтому Муна сумела подобраться к ним совсем близко...

И вот уже один волчонок заскулил, завертелся на месте, стараясь освободиться от петли на шее. Остальные волчата тотчас отскочили от пищи, поджав хвосты.

Визг волчонка встревожил стаю. Звери беспокойно задвигались. Несколько волков стали медленно приближаться к Муне, но Лан громко крикнул и поднял копьё, и Зурр уже спешил на выручку.



Волк-соба, грозный, взьерошенный, стал боком между людьми и зверями, и было неясно, кому из них он угрожает.

А Муна как ни в чем не бывало ласкала и теребила волчонка, увертывалась от его зубов, подсовывала под нос мясо и всячески старалась успокоить.

– Пусть у нас будет новый соба, если мы не можем взять с собой нашего.

Лан сообразил, что, пожалуй, Муна права. Как он сам не

додумался до этого! Но тут же рассердился на девочку: как смеет она поступать вопреки мудрым словам вождя! Хотя ведь она не слышала этих слов. И потом... один волк уже вырос рядом с ними. Не только вырос... Если бы не волк-соба, они, наверное, не добрались бы до своего племени...

Но пора поспешить.

Муна с упирающимся волчонком на привязи и Лан осторожно, с опаской отступали к ущелью.

Обернувшись, мальчик увидел с радостью и удивлением, что собака следует за ним, а в нескольких шагах за волком бегут волчица, волчата и несколько молодых неопытных зверей.



Большая часть стаи по-прежнему оставалась на пригорке и провожала глазами людей и своих собратьев, пока темный зев ущелья не втянул их в свое чрево.

Теперь Лан, Зурр и Муна с волчонком спешили к ущелью единой стайкой.

Сердце у Муны радостно стучало.

Волчонок время от времени пытался освободиться от привязи, однако скулить перестал, оттого, может быть, что рядом, совсем близко от него бежал большой сильный волк,

а сзади мать.

Остальная группа зверей держалась на почтительном расстоянии.

Буйная радость овладела Ланом, когда звери вместе с ними вошли в ущелье. Пританцовывая на плоских камнях, оглаженных и вылизанных водой речки, он запел громко и задорно, как тогда в горах, когда они с соба добыли первую косулю:

Соба остался с нами. Трум-бум-бу! Трум-бум-бу! Не страшны нам больше звери. Трум-бум-бу! Трум-бум-бам!

Будут другие соба. Трум-бум-бу! Трум-бум-бу! Друзья они людям таж. Трум-бум-бу! Трум-бум-бам!

Муна восторженно повторяла слова и припевку, напоминающую ей веселый говор тум-тума в руках Уруны. Даже мрачный Зурр заулыбался, ему тоже понравилась песенка Лана...

Вечером у костра Лан пересказал отцу и собравшимся вокруг охотникам легенду Мудрого Ауна о Таже и матери-оленихе. С удовольствием, как заклинание, повторил он слова, врезавшиеся ему в память:

– Вождь Таж был как див, которому повинуются звери... А наш соба, разве он не повинуется людям? Разве не помогал он на охоте? Разве не дрался с медведем, и с волком, и с тигром?

Лан посмотрел на отца с торжеством, обвел взглядом лица охотников.

Долго обдумывали мужчины слова молодого охотника.

– Да, – сказал наконец Большой Орел, – волк-соба помогает и повинуется людям. Он охотится для племени и дерется со зверями, как будто он соплеменник наш... Мудрость предков велит нам жалеть соба и его собратьев, как людей.

Потом вождь велел Уруне принести пучок душистых трав для Большого Костра и, когда клубы белого дыма поползли вдоль вздыбившихся в звездную высь черных стен ущелья, торжественно сказал:

– Пусть каждый охотник скажет слово у чистого Огня не делать зла соба, друзьям нашим, будто это детеныши. Пусть соба живет в жилище людей и пищу получает на общем де-леже... Я, Большой Орел, вождь, говорю слово...

– Я, Орлиный Глаз, охотник, говорю...

– Я, Коготь, охотник, говорю...

– Я, Ястреб, охотник, говорю...

– Я, Медведь, охотник, говорю...

– Я, Сокол, охотник, говорю...

– Я, Олень, охотник, говорю...

Все до одного охотники дали торжественный обет и на-долго замолчали, как бы подчеркивая нерушимость торже-ственных слов. Потом Лан и Зурр собрали в козью шкуру ко-сти, объедки племени, положили туда же часть тушки сайга-ка – ужин волков. По пути к волкам задержались возле Му-ны, которая увлеченно забавлялась с волчонком, и потащи-ли волчье угощение дальше.

Спустившись на несколько уступов вниз, мальчики стали вглядываться в темноту. Где-то здесь, во мраке, схоронились волки, Лан видел их в сумерках.

– Соба, твои друзья Олень и Медведь принесли пищу, – негромко сказал Лан.

Глаза немного привыкли к темноте, и мальчики увидели волка-соба рядом с собой. Остальные звери не показывались.

Ребята вывалили волчью долю посреди небольшой каменной площадки и удалились.

Долго удовлетворенно прислушивались они сверху к хрусту костей на крепких зубах, к обиженному повизгиванию молодняка и недовольному ворчанию старших зверей.

Звери ели пищу, принесенную человеком, пахнущую человеком, их другом, не врагом.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В 1959 году казахские археологи обнаружили в предгорьях Каратау, одного из отрогов Тянь-Шаня, пещеру со следами древней неолитической стоянки людей.

Подобная находка – всегда событие, но эта пещера, близ реки Караунгур, представляет особый интерес, потому что здесь получена одна из самых многочисленных коллекций находок: большие и малые каменные скребки, кремневые наконечники стрел и копий, топоры-тесла, гроколки, ножи-скребки из плиточной гальки. Наряду с каменными орудиями обнаружено также много костяных игл с ушками, костяные шилья, гладилки-лощила, костяные орудия из лопаточных костей животных для выделки шкур.

Каменные изделия выработаны из местного материала – галечного кремния, роговика, песчаника и горного хрусталя.

Найдены были также древние украшения: просверленные раковины, бусы, привески, ожерелья из кабаньих клыков.

Недалеко от входа в пещеру шумит горный ручей, водопадами скатывающий я по уступам скал.

Пещера большая, вместительная, высота сводов местами достигает шестнадцати метров. В глубине от входа она сужается до тесного лаза, а потом снова раздается вширь и ввысь.

Ученые установили, что здесь не раз устраивали свое жилище племена первобытных людей-охотников. Были обнару-

жены внушительные склады-свалки костей куланов – диких ослов, медведей, оленей, джейранов, косуль, кабанов, лошадей, волков, быков, черепах...

По обнаруженным в раскопе пещеры костям археологи заключили, что люди, жившие здесь десятки тысячелетий назад, уже умели приручать диких животных.

Многие ученые утверждают, что первым прирученным людьми животным стала собака.

Известный зоопсихолог и писатель К. Лоренц считает первоначальный шаг человека в деле одомашивания собаки событием, «историческая роль которого неизмеримо превосходит разрушение Трои или изобретение пороха».

«Сказание о верном друге» – повесть о приключениях ребят из первобытного племени таж, которое могло жить в предгорьях Тянь-Шаня и в степях Средней Азии в далекие времена неолита.

Конечно, эта повесть о Лане, Муну, Зурре и их друге волке – вымысел, фантазия, но фантазия эта отталкивается от фактов и предпосылок науки. Даже та главная роль в повести, которая отведена ребятам, приручившим волчонка, основана на гипотезе ученого. В умной и доброй книге К. Лоренца «Человек находит друга» высказывается мысль, что в древности именно дети первыми приручили собаку. Играя и забавляясь со щенками волка, принесенными в жилище охотниками, они приучили дикого зверя жить с людьми, служить им. И сами люди научились дорожить собачьей друж-

бой и преданностью.

Строгие сведения об интересных археологических находках в пещере Караунгур в Тянь-Шане, богатая природа этого замечательного края – своеобразный животный и растительный мир, сохранившийся в значительной мере до наших дней, – дополнились фантазией о приключениях ребятишек из первобытного племени таж.

Действие происходит в предгорьях и горах Тянь-Шаня, где я несколько лет жил и работал. Много километров исходил я по этим живописным лесистым горам вместе с моим четвероногим другом охотничьим псом Барсом.

И сегодня вы найдете здесь описанных в повести животных – белоногого тянь-шаньского медведя, дикобраза и сурка, шакала и гиену. Тут живут рыжие или, как их еще называют, красные волки. Только тигров уже нет.

Реалистично старался я изобразить и повадки зверей. Медведь, например, часто охотится на коз и баранов, а бывает, и на пастухов, скатывая с крутых склонов и обрывов огромные камни.

Не фантазией подсказано и остроумное устройство для получения огня. Такие устройства применяются с древнейших времен также и для сверления отверстий. Еще и сегодня можно встретить мастеров-кустарей, искусно скрепляющих фарфоровую и фаянсовую посуду медными скрепочками на азиатских базарах. Отверстия для скрепок просверливают они при помощи лучка, сверлышка и ореховой скор-

лупки, какие применял Лан.

Так что вымысел и реальность тесно сплелись в «Сказании о верном друге».

Автор

